

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134

ВРЕМЯ
“БОЛЬШОЙ
ВОДЫ”

МОНЕТА
НАШЕГО
ДВОРА

КТО ВЫ,
ГАМАЮНЫ?

Затапки Дивьей пещеры

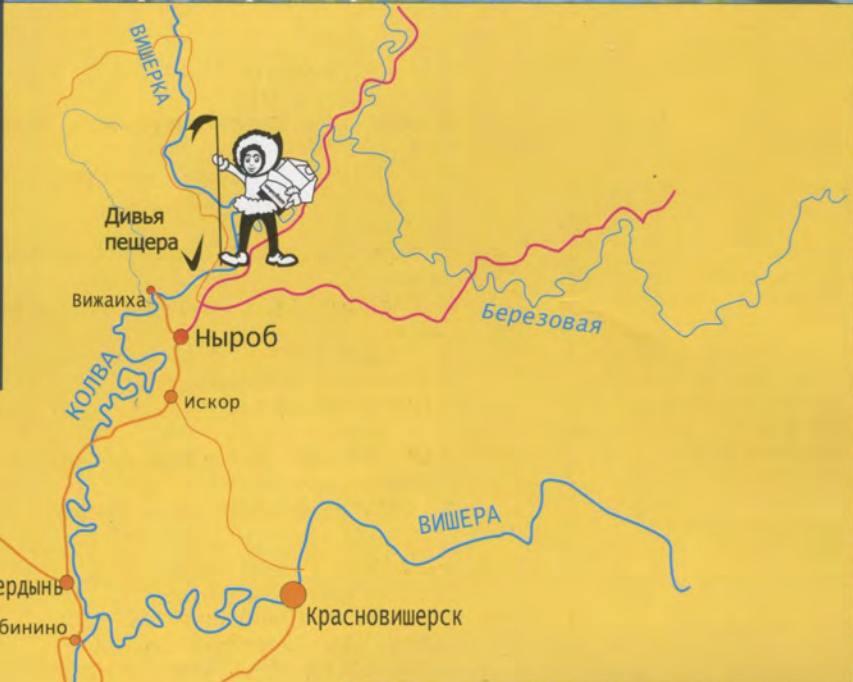
№ 4

2004

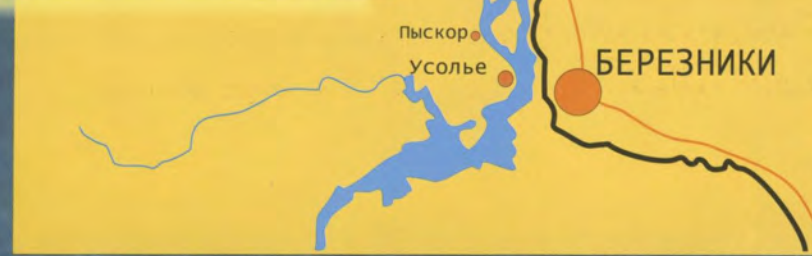
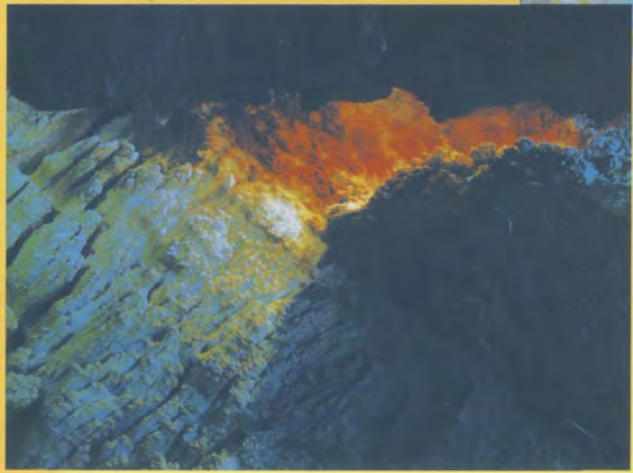
Маршруты Уральского следопыта

...Пещера состоит из ряда корридоровъ, ведущихъ в нѣсколько обширныхъ подземныхъ зал; послѣднія, посредствомъ цѣлой сети корридоровъ, сообщаются съ другими залами, такъ что въ общемъ получается цѣлый лабиринтъ. Простираясь в гору до 200 сажень, пещера пересѣкается озеромъ, далѣе котораго никто проходить не отваживался. В пещере множество висячихъ по сводамъ и стѣнамъ красивыхъ сталактитовъ и сталагмитовъ, представляющихъ часто весьма странныя фигуры. Узкій и невысокій входъ в пещеру находится съ восточной стороны горы, въ срединѣ ея высоты...*

Подробности в ст. КАК ПОПАСТЬ В ПЕЩЕРУ

* РОССИЯ.
Полное географическое описание нашего Отечества. Подъ редакціей В.П. Семенова-Тянь-Шанскаго. Томъ пятый. С.-Петербургъ, Изданіе А.Ф. Девриена, 1914.

Карта пещеры на стр. 40-41

Главный редактор
Максим Фирсов

Редактор раздела
«Река времени»
Юний Горбунов
Редактор раздела «Аэлига»
Петр Родимов
«Встречный ветер»

Редактор
Александр Челноков
зам. редактора
Маша Раскольникова
Художественный редактор,
верстка

Юлия Ульянова
Набор
Валентина Кадочникова
Корректор
Юрий Виноградов
Учредитель:

Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт»
Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакционный совет:

Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Борис Стругацкий
Геннадий Пращкевич
Олег Поскребышев
Юрий Казарин
Станислав Мешавкин
Нина Ягодинцева

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский
м.с.м.к., «Снежный Барс»
Евгений Савенко
чл. Союза фотохудожников России
Семен Спектор
заслуженный врач России

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала.
Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. (343) 257-36-62

Подписано к печати 15.04.2004 года.

* Формат бумаги: 84x108/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 4500. Заказ №
Отпечатано в типографии ГУП СО
«Сухоложская типография»

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62

E-mail: uralstalker@sky.ru
uralstalker@yandex.ru

Обязательно указание **ТЕМЫ**
электронного сообщения

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

«Хочешь двигаться – ищи попутчика»

В номере 4`2004 (562)

РЕКА ВРЕМЕНИ

Человек и природа

Н.АКИФЬЕВА Много терпеливая Чусовая.....2

Тропой поиска

В.ТРУБЕЦКОЙ Гамаюны на Урале.....5

Колонка редактора.....14

Мемуары

Я.ВИЛЬЧКОВСКИЙ Из воспоминаний старого лесничего.....15

Юбилей

Ю.КЛЮШНИКОВ Ручательство Бажова.....43

Очерк

А. ОЛЬХОВИКОВ «...И по щеке земли скатилась».....54

Занимательная нумизматика

В.ПУРОНЕН Уральская монета.....68

Мир камня

А.ЕВСТИГНЕЕВА Уральский камень рогонит.....78

Краеведческая копилка

В. СЕМИБРАТОВ Из рода съеденного Кука.....56

АЭЛИГА

Современная проза

В.ЗЮСЬКИН Открытка.....10

В.БОЧАРОВ Свадебный марш.....34

Н.САВИЦКАЯ Рассказы.....62

Фантастика

Н.ТЕКИНА Анти... ..20

Колонка редактора.....34

Современная поэзия Урала

В.ОСИПОВ Стихи.....52

Е.ИЗВАРИНА Стихи.....64

Дебют

И.ЗАВODOВСКИЙ Две королевы.....72

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Соревнования

М.КЛЕТКИНА Ветераны на уральской сотне.....4

Путешествия

А. и Н. СОКОЛОВСКИЕ Благословенный край.....32

КАК ПОПАСТЬ В ПЕЩЕРУ.....38

Записки очевидца

В.ЮКЧУБАЕВ Юлька.....44

Колонка редактора.....57

Человек и природа

Е.ГРАЧЕВА Здесь был Федор.....57

Дети в походе

Г.ФЕДОРОВА Плыдем мы по Конге, нам страх неведом.....66

Советы специалиста

ВЫБОР МАРШРУТА И КОМПЛЕКТОВАНИЕ ГРУПП В ВОДНОМ ПОХОДЕ.....75

Леса Уральской горной страны

Е. САВЕНКО Южный Урал.....4 полоса обложки

Нина АКИФЬЕВА

Нина Валентиновна Акифьева, кандидат исторических наук, доцент; работает на кафедре истории России УГТУ-УПИ.

В «Уральском следопыте» печатается впервые. Живет в Первоуральске.

Многотерпеливая Чусовая

Берега реки Чусовой никогда не были пустыни. Ещё в каменном веке прибрежные пещеры служили пристанищем древним охотникам, чья жизнь полностью зависела от реки и окружающих лесов. На протяжении многих столетий Чусовая определяла жизнь людей, селившихся на ее берегах, но проходили годы, века сменялись веками — наступили новые времена. Теперь не только река влияла на человека, но и человек на реку.

Впервые желание повернуть русло Чусовой возникло довольно давно. В начале XVIII в. мысль о соединении рек бассейнов Камы и Оби высказывал В. Н. Татищев. Тем более, что не существовало никаких значительных препятствий, отделяющих Чусовую, несущую воды в Каспий от русла Решетки (Решеты), принадлежащей к системе азиатских вод.

В 70-е годы XVIII в. академик П. С. Паллас в книге «Путешествие по разным провинциям Российского государства» писал: «Сей средний хребет... здесь столь неприметен, что... если когда вздумают посредством каналов соединить Сибирские воды с российскими, то на-

добно будет взглянуть и на сие место...».

Г. Розе, спутник А. Гумбольдта по уральскому путешествию, замечал, что для соединения Решетки и Чусовой канал «имел бы длины не более 4 верст, а между тем соединил бы бассейны Ледовитого океана и Каспийского моря».

В 1815 году такой канал был не только спроектирован, но и частично создан. По распоряжению управляющего частным Верх-Исетским заводом Г.Ф. Зотова была прокопана двухкилометровая канава. Но не новый водный путь хотел открыть Зотов. Управляющим двигало иное, более прагматичное желание: «увеличить движущую водяную силу Верх-Исетского завода притоком воды Чусовой в заводской пруд, в который вливается река Решетка».

Однако проекту не суждено было осуществиться. Министерство путей сообщения остановило работы. Дело в том, что Чусовая в своей нижней части была рекой судоходной, а значит, для прокладки канала требовалось особое распоряжение правительства. Чиновники путей сообщения не без основания опасались

уменьшения воды в Чусовой, судоходство по которой и так было делом рискованным. Поэтому работы вскоре были свернуты, идею временно похоронили.

Но ненадолго: в 1831 году генерал Паренцов, начальник Казанского округа корабельных лесов, представил правительству новый проект. Канал генерала обещал быть гораздо глубже и шире зотовского. Он должен был подходить к Чусовой пятью верстами ниже впадения в нее реки Ревды и иметь протяженность в семь верст. Генерал, как и Зотов, был прагматиком, им двигал чисто ведомственный интерес. Канал, вероятно, был нужен для

С.М. Прокудин-Горский. Около Зотовской канавы по оси канала р. Решетки у водокачки для ст. «Хрустальная» Пермь Кунгурской ж/д. 1912 г. Из фондов Библиотеки конгресса США.

сплава леса между Решеткой и Чусовой. Однако и это предложение было оставлено без последствий.

Все изменилось с приходом Советской власти. Планы были — один грандиознее другого. В начале 30-х годов XX века появились проекты использования Верхней Чусовой для поставки воды в индустриальный Свердловск. На реке намечалось соорудить громадные плотины, которые должны были заставить Чусовую повернуть свое течение.

Несколько раз обсуждался вопрос о том, чтобы соединить Чусовую с помощью целой системы шлюзов, каналов и плотин с сибирскими реками. «Превратить ее в мощный трансуральский путь, разгрузить железную дорогу и тем самым обеспечить дешевый водный транспорт для сибирских товаров».

Волчихинское водохранилище начали строить в 1940 году и закончили в 1944-м. Место для плотины выбрали между горами Волчихой и Масловой — в наиболее узкой части реки. Будущее дно нового водоема пришлось расчистить от леса и кустарника. Частично вода затопила примыкавшие к Чусовой болота. Строительство шло методом народной стройки. Сотни людей трудились на возведении плотины и котлована. Рабочие и служащие ближайших к строительству городов и поселков организовывали субботники, некоторые отработывали по десять и более дней. Образовавшееся со временем Свердловское море приобрело форму неправильного треугольника, вытянутого с северо-запада на юго-восток.

Для улучшения водоснабжения Свердловска тогда же строился и канал «Чусовая - Исеть». Канал начинается от низменного юго-восточного берега водохранилища и тянется на северо-восток к речке Решетке. Он имеет длину около 8 км. Русло Решетки после соединения с каналом было выпрямлено и расчищено на протяжении 17 километров.

После окончания строительства Волчихинского водохранилища и канала чусовская вода самотеком пошла в Верх-Исетский пруд. Заметно улучшилось водоснабжение уральской столицы. Однако к концу 70-х годов выяснилось, что пропускная способность канала явно недостаточна. Поэтому в начале 80-х был построен второй канал, более длинный (11,5 км) и широкий. Вначале он проходит параллельно старому, а затем отклоняется от него. От нового канала были построены три водовода (проложены трубы большого диаметра — 1400 мм), по которым вода, минуя Верх-Исетский пруд, направляется на фильтровальную станцию — сегодня основной источник питьевой воды для Екатеринбурга.

*С.М. Прокудин-Горский. Гидрометрическая станция на реке Чусовой около перевала на речку Решетку. 1912 год.
Из фондов Библиотеки конгресса США.*

Но проблема осталась, Волчихинское водохранилище было неспособно в полной мере утолить жажду областного центра. Тогда было решено создать еще один водоем на Чусовой — вблизи деревни Верхнемакарово. Верхнемакаровское водохранилище вступило в строй в 1974 году.

Сто лет для природы — не срок, но даже за это время многое изменилось на реке. Вода рассматривалась государством как сырьевой ресурс, экологические последствия мало кого интересовали. Создание Волчихинского и Верхнемакаровского водохранилищ в верховьях реки заметно изменили Чусовую. Но это было только начало. Недавно еще судоходная река, вода в которой, по словам автора «Хозяйственного описания Пермской губернии» (1804 г.) Н. С. Попова «весьма прозрачна и чиста столь, что при знатной глубине можно видеть дно», превратилась в сточный канал. Содержание меди, никеля, цинка, мышьяка, фенола и нефтепродуктов в десятки и сотни раз превышают предел допустимой концентрации. Проблемами Чусовой озаботились даже в Иране, «благодаря» избытку шестивалентного хрома у берегов Каспийского моря (этот несвойственный для Каспия элемент присутствует только на заводе Хромпик. — Авт.).

Характер Чусовой изрядно пострадал от людского вмешательства. Нам сегодня уже непросто представить бурную реку и караван барок-коломенок, плывущих по ней: русло стало уже, течение тише, и даже спуск прудов вряд ли произвел бы эффект.

Мария КЛЕТКИНА

ВETERАНЫ НА УРАЛЬСКОЙ СОТНЕ

14 марта. День обещал быть немного морозным и солнечным. На стадион РТИ в Екатеринбурге выходят лыжники — смелые, решительные мужчины, готовые потягаться на ста километрах в скорости, силе воли со своими друзьями-соперниками, а главное, с самим собою.

Эй, молодежь! А вам слабо проверить себя на «Уральской сотне», как это сделал Юрий Степанович Мельников? «Нам года — не беда, коль душа молода, глаза остры, а ноги быстры». Не помню, откуда эти строчки, но они вертятся и вертятся в моей голове, а цветные комбинезоны лыжников пробегают и пробегают мимо меня. Дистанция Уральской сотни — это круг в три километра триста тридцать три метра, надо пробежать тридцать таких кругов. Тогда ты можешь сказать себе и друзьям: «Я пробежал сотню!»

Лидер гонки — Иван Захаров из Полевского идет под первым номером, неоднократно победитель «Уральской сотни» свободно и быстро проходит круг за кругом. За ним следует, как ниточка цветного бисера, караван лыжников, а по сторонам лыжни, в парке, почти плотной стеной стоят группы поддержки. За каждого участника «болеет» по трое-четверо родных человека, с сумками съестных припасов и термосами.

Уже после третьего круга лыжники начинают принимать напитки, заранее приготовленные дома по особому, только им известному рецепту.

Проходит час гонки, ярче светит солнце, лица лыжников озарены каким-то внутренним сиянием, еще у всех вагон сил. Через некоторое время слышны разговоры:

«Пробежал 13 кругов, значит еще два круга — и будет 50 километров!» Ну, это у лидера, а наш дорогой Юрий Степанович поставил себе цель пройти «сотню» и потому идет по своему плану, стараясь подольше сохранить свое хорошее состояние.

Ну вот и он преодолел 50 километров. Цепочка лыжников постепенно редет: кто-то уже быстрым началом успел истратить свои силы, у кого-то сошел парафин и лыжи стали скользить хуже. Большинство участников надели другую пару. Юрий Степанович, проглатывая очередную куриную котлеточку, пожаловался, что эта пара, приготовленная более теплым парафином, с расчетом на потепление погоды, не радует его своим скольжением.

Пройдено 70 километров, и теперь начинаю считать круги так: осталось 9 кругов, 7 кругов... А Иван Захаров уже финишировал, идет борьба за 2-е и 3-е место.

Все участники, а их 76, разделены на три возрастные группы, и в каждой лыжники борются за призовые места.

Солнце стало светить меньше, как-то похолодало, руки у меня замерзли, и я уже с трудом открываю крышки термосов с бульоном и чаем, да и движения лыжников потеряли свою грациозность. Протягиваю знакомым лыжникам то соленый огурчик, то кусочек сала, и они на ходу берут их у меня.

Заканчивается шестой час гонки, на лыжне остались лыжники из самой старшей возрастной группы, а это, в основном, мужчины 60 лет. Ну вот, наконец-то — долгожданные последние километры дистанции.

Финиш! Юрий Степанович в свои 68 лет может собой гордиться: «Уральская сотня» покорена! Жаль, что на финише не дают никакого диплома или свидетельства с указанием фамилии участника и результата прохождения дистанции.

Пройдет некоторое время, пройдет усталость и останется только чувство праздника Уральской сотни.

Юрий Мельников успешно закончил стокилометровую гонку, с чем мы его поздравляем и гордимся им.

Валерий ТРУБЕЦКОЙ

Гамаюны на Урале

Деревню Палкино, что раскинулась на левом берегу Исети при впадении ее в Верх-Исетский пруд, подпирает мыс, носящий сказочное название — Гамаюн...

Жители Нижнесергинского района, обитающие в горках Верхние и Нижние Серги, Михайловский, также именуются Гамаюнами. Откуда здесь, в крае, заселенном крепостными и беглыми крестьянами, ссыльными и каторжниками, такая страстная любовь к языческим богам? (Гамаюн — птица вещая, посланник богов, глашатай).

История первая. Самосознание

Попытаемся выяснить на месте. Кому же лучше знать, что такое гамаюнщина, как не самим жителям Нижних Серег?

«Мы, гамаюны — шумный, веселый народ».

«Гамаюнки, знаешь, за полста метров станут одна от другой, и давай перекидываться».

«У них особый диалект. Представь себе одну только фразу «Дух, нищё не знаю», что означает «ничего не знаю».

«Гамаюны — сильный здоровый народ. Потомки каторжников, сосланных на Урал».

Результат довольно скудный: шумный, веселый народец, обладающий особым диалектом.

История вторая. Этимологическая

Может быть, ситуацию с гамаюнами смогут прояснить словари?

Берем «Словарь русских говоров Среднего Урала» (1964) и читаем: «Гамаюн (и гомоюн)

1. Прозвище лиц с акающей речью. *А в Михайловском-то гамаюны живут* (Первоуральский р-н). *Тут у нас Михайлофский завод был. Вот придут завотские в деревню, их гамаюнами завут, они нас — пиканниками.* (Н-Серг. р-н)

2. Прозвище лиц, говорящих на ином диалекте. *Гамаюнами называли вятских* (Каменск-Уральский р-н). *Опять гамаюны поприехали* (Чусовской р-н).

3. Трудолюбивый, прилежный человек. *День и ночь робит, настоящий гомоюн* (Мехонский р-н Курганской обл.). *Мужык хорошей — из гамаюнов; они народ толковой* (Н-Серг. р-н).

Откроем другую книгу — «Словарь русских народных говоров» (1970) и столкнемся с еще большей путаницей.

«В саду весь день копаются. Он у нас такой гамаюн, ни минуто без дела не сидит» (Симбирская губерния, Калужский уезд, Тверская область).

«Мужик хороший — из гамаюнов; они народ толковый» (Воронеж, Курган).

«Он ведь страшный гомоюн, все чего-нибудь да делает» (Свердловская область).

«Все-то хлопчет да старается дядя Иван, смотри, как славно он свое хозяйство наладил. Гомоюн!» (Урал, Зауралье).

«Гомоюн на деле» (Томск).

«У ней муж настоящий гомоюн» (Пензенская область).

Вызывает удивление прежде всего широкая география распространения самого понятия «гамаюн». Здесь уже и не скажешь, что оно характерно только для Урала. Оказывается, гамаюны известны и в Томской, и в Симбирской (Ульяновской), и в Калужской, и в Тверской, и в Пензенской областях.

И совсем повергает в уныние определение: «Гамаюн» — прозвище жителей некоторых местностей: Кыштымского завода, проживающих на горе Могильной, Верхне-Сергинского завода, д. Подгорной Красноуфимского района.

Разброс удивительный. И все-таки не пропадает ощущение, что все эти достаточно разнородные понятия должны иметь что-то общее.

История третья. Демидовская

Что ж это за общность такая? Откуда появилась?

Поиски следует начать издалека. Верхне- и Нижне-сергинские заводы построены были Никитой Никитичем Демидовым (?-1758), младшим сыном родоначальника уральских заводчиков — Никиты Демидыча Антупьева.

Никита Никитич имел на редкость вздорный характер, через что и был лишен отцовского расположения, и когда тот составлял завещание, то все уральские заводы оставил своему старшему сыну — деловому и энергичному Акинфию. Никита же Никитич остался с одним единственным Дугненским заводиком под Калугой, который был куплен им у отца еще в 1717 году. Развернуться ему постоянно что-то или кто-то мешал. Зато после смерти батюшки, последовавшей в 1725 году, начинается стремительный взлет младшего Демидова.

В феврале 1726 года его, как крупного специалиста по железоделательному производству, Горная коллегия приглашает стать сборщиком десятины с частных металлургических заводов Тульской слободы.

Та же коллегия дает согласие на расширение Дугненского и строительство еще одного завода под Калугой — Брынского.

Наконец, заявив о себе как об удачливом предпринимателе, в 1730 году Никита Никитич стремительно врывается на Урал, получив право строить на башкирских землях Шайтанский завод (ныне Первоуральск).

Только вот людишек здесь не хватает для тяжелых земляных и строительных работ, да и грамотных специалистов-металлургов маловато. Местное население — вогулы да башкиры — дети природы — предпочитали заниматься охотой да скотоводством и к тяжелому подневольному труду оказались неспособны.

В 1739 году состоялась громкая покупка. 33 000 рублей, как одну копейку, выложил Никита Никитич за целую Ромодановскую волость в Калужском уезде Московской губернии — 28 сел и деревень. Теперь рабочих рук достаточно, и начинается здесь, на реке Вырке, возведение еще одного железоделательного завода (1740 г.)

Теперь под Калугой возникает целый металлургический комплекс с одним доменным (Дугненским) и

двумя переделочными (Брынским и Выровским) заводами.

Сотни мужиков и баб были согнаны на работы. В жесткие сроки требовалось построить плотину, молотовые фабрики. От непосильной работы полсотни баб «принуждены были ... из чрев своих младенцев извергнуть». А мужики шапки ломали, кряхтели, надеялись отстроиться и вернуться по домам, к скотине, к земле. Не тут-то было. Новый хозяин своих крестьян перевел на положение полупролетариев. С земли согнал, а за работу на строительстве, а позже и на заводе, платить позабывал. Протестовавших же порол нещадно. Крестьяне возмущаться начали. Ладно бы просто порол, а то еще «по тем ранам солью солит и кладет на разженное железо». Приказывал смутьянов в кандалы пудовые брать и к печи приковывать; а то еще рядом с домной клетушкой построил, где недовольные просто высыхали, как лягушки без воды.

В 1741 году крестьяне восстали, убили приказчика и ушли с работ. Никита Никитич поступил с ними «по-отечески»: троих человек казнил смертию, еще троих, бив кнутом, сослал в Сибирь, а прочих по жребию

Святотроицкая церковь в Н-Сергинском заводе. 1782 г.

Вид на Нижние Серги с Лысой горы.

выпорол. В конце 1740 года было принято решение о строительстве на Урале по реке Серге Верхнего и Нижнего заводов. Вот сюда-то и отправил отец родной своих бунташных «крестьян из гамаюнов в разные заводские работы немалое число, до 700 человек», чем, надо полагать, окончательно разорил зловерное гамаюново гнездо.

Но урок не пошел впрок, и на Святую неделю 1752 года ромодановские крестьяне снова забунтовали. Отписали челобитную в Сенат и к царице. А просили они вернуть их в дворцовые крестьяне, принадлежащие не частному помещику, а Её императорскому величеству. По мнению крестьян, в бытность царем Алексея Михайловича земли, что лежат в излучине Оки южнее Калуги, были отданы боярину Григорию Григорьевичу Ромодановскому и его потомкам с условием, что, ежели прямых наследников князя не останется, то волость должна будет вернуться великому государю. Вот сейчас крестьяне и выяснили, что купил их Н. Демидов супротив закона и есть у них шанс вернуться в собственность двора.

Московская сенатская контора, получив сообщение о безобразиях, творящихся в Ромодановской волости, срочно направила туда Рижский драгунский полк: зачинщиков выявить и потребовать полного подчинения Демидову.

Крестьяне вооружились ружьями, рогатинами и «протчим дреколием и камнем» и решили: «пока указ о приписке их ко двору последует, не даваться и друг за дружку стоять».

ре того же 1752 года ромодановские крестьяне снова восстали. И напишет тогда Никита Никитич в Москву, что «плуты и воры гомаюне опять забунтовали, со рвов ушли и пошли великим валтом, страшно и слышать, с великим дубьем...».

Так вот и проявляется, что «гомаюне» — это прозвище крестьян, населявших Ромодановскую вотчину. Откуда такое странное прозвище взялось?

История четвертая. Ромодановская

Стоит обратить внимание на бывших хозяев вотчины князей Ромодановских, чтобы понять историю появления термина «Гамаюн».

Один из основателей славного города Екатеринбурга, будучи по совместительству еще и одним из первых российских историков, Василий Никитич Татищев в «Истории Российской» писал о существовании в XVI-XVIII вв. у русской аристократии фамильных знаков, которые на польский манер «за имена гербам приложены»: род Татищевых имел знак и прозвище Нуздай, Голицыных — Гамар, Шереметевых — Шеремет, Ромодановских — Гамаюн.

И вот что любопытно: крестьяне вотчины князей Репниных прозывались репнинцами, жители вотчины князей Голицыных — голицынцами, а вот крестьяне вотчины князя Ромодановского звались гамаюнами. То есть вотчинник дал прозвище всем своим жителям. 70 с лишним лет владели гамаюны-ромодановские Калужской вотчиной. Калужские крестьяне носили свое гордое имя

вплоть до 30-х годов XX века, а жители Нижнесергинского района Свердловской области — вплоть до сего дня, т.е. 300 с лишним лет.

История пятая. Этимологическая

Понятие «гамаюн» можно объяснить исходя из трех источников.

Первый — тюркский, с выходом на Персию, а оттуда в Индию Великих Моголов. В 1569 году московское посольство в Персии обращалось к шаху: «Во царьхъ светлообразнѣйшему и избранному гамаюну подражательно». И тогда можно, слабо аргументируя созвучие, попытаться привлечь для объяснения имя Великого Могола Хумаюна. Но чем известен Хумаюн? Он сумел породить Великого Акбара, а умер, поскользнувшись на ступенях собственного дворца.

Второй. Западный. Само слово «гамаюн» стало активно проникать в русскую литературу в XVII-XVIII вв. из переводной (с латыни) литературы.

«Здѣ (на Мальдивских островах) обретается точию дивная птица гамаюн, яже и райская именуется» («География или Краткое земного круга описание». М., 1710).

«Тут же видел четыре птицы, которые называются гамаяны, ... положены в склянишних сосудах в двойное вино и с перцом» («Путешествие стольника Петра Андреевича Толстого», 1697-1699).

Третий вариант может быть связан со славянским gameti — гаметь, кричать, шуметь, галдеть (Влад., Арханг., Яросл., Твер., Новг., Перм., Тул., Курс., Тамб., Забайк., Амур., Олон., Волг.) («Этимологический словарь славянских языков»). Во-первых, понятие славянское. Во-вторых, чрезвычайно широко распространено. В-третьих, тогда понятны суждения В.И. Даля, определившего Гамаюна как крикуна, горлопана — от понятий гам, гомон, шум.

История шестая. Этнографическая

В середине двадцатых годов нашего столетия сотрудник Калужского краеведческого музея М. Е. Шереметьева совершила ряд поездок по Калужской области и пришла в изумление. 17 деревень, которые представляли собой калужскую гамаюнщину, оказались связаны семейным родством, общим хозяйством, совмест-

ным владением угодьями, одинаковыми обычаями и общими воспоминаниями о бунте в Ромодановской волости в 1752 году. Удивительным оказалась и чрезвычайная архаичность одежды калужских гамаюнов. В начале XX века они активно сопротивлялись городской мещанской, купеческой моде (напомню, что с. Ромоданово находится в 12 верстах от купеческого города Калуги), предпочитая сохранять крестьянские традиции середины XIX века.

Объясняя причины восстания в XVIII веке, крестьяне Ромодановской вотчины писали, что при прежних хозяевах они жили зажиточно. В хозяйстве даже самого последнего крестьянина было по 10 и более лошадей. Новый же хозяин их по миру пустил. Тоска по прошлой спокойной, размеренной жизни объединяла впоследствии гамаюнов. Даже понеся наказание, они считали, что правда за ними. С их приходом на Урале появилось новое ругательство — «пиканник»:

Въезд в доменную печь.

так они стали именовать людей, неспособных прокормить свои семьи и вынужденных заготавливать «пиканы» — борщевик (траву!), — одним словом, «пиканниками» называли нищелюбов, гольтебу. Себя гамаюны уважали и до подобного состояния старались не доходить. Эти трудолюбивые, основательные мужички, оказавшись в диком, необжитом месте, начали тут же обустроиваться, выискивать удобные угодья для покосов, места для рыбной ловли, охоты, бортничества. Тем и жили. В конце 40-х годов XVIII века

Сергинские заводы встали и стояли целых десять лет. Не было денег, руды, воды в прудах. Чем в этот период жили гамаюны? Тем и жили, что сохранили крестьянскую хватку да смекалку.

Только в 50-е годы возвращается Никита Никитич на Урал. Вернее, не он сам, а его сыновья активно берутся за строительство заводов при поддержке отца. В 1751 году приобретает Н.Н. Демидов знаменитый Каслинский завод, в 1755-м начинает строительство Кыштымских заводов, с середины 50-х — стал восстанавливаться Нижнесергинский завод. И на сей раз действует он с размахом. Рабочие руки снова оказались в дефиците. И тогда Демидовы принимаются латать тришкин кафтан. Рабочих с Шайтанского завода перебрасывают в Верхние Серги, из Нижних Серег — в Касли, из Верх-

Памятник в честь освобождения крестьян 19 февраля 1961 года и главная контора Н.-Сергинского завода

них Серег — в Кыштым. Так и сложилась ситуация, при которой жители Каслей, Кыштыма, Верхних Серег получили прозвание «гамаюны». Но это и не прозвище никакое, а просто констатация факта: в указанных местах живут выходцы из ромодановской вотчины — гамаюны.

Позже, в 1789 году, московский купец Михаил Павлович Губин, купив Нижнесергинский завод, начал создавать свою металлургическую империю на Урале. Построил Михайловский завод в устье Серги, переселил в него гамаюнов из Нижних Серег. Так и сохранилось племя гамаюнов в Первоуральске, Верхних и Нижних Сергах, в Михайловске, Каслях и Кыштыме.

Но как измерить силу традиции, которая на протяжении двух с половиной сотен лет позволила гамаюнам не ассимилироваться с русским населением Урала, а сохранять свою самобытность?

Можно высказать несколько предварительных соображений. Возможно, калужские гамаюны представляют собой какую-либо этническую группу финно-угров. Рядом земли Мещеры, Муромы, севернее Москва, так же как и уральские реки Косьва, Сосьва, указывают на то обстоятельство, что до прихода русских, а может, и после, здесь проживали финно-угорские племена. Есть еще одно обстоятельство. Уральские гамаюны сохранили некоторые внешние признаки, позволяющие выделять их из среды. Это крупные головы у мужчин; прямой нос; светлые (зеленые, серые, голубые) миндалевидные глаза; ямочка на подбородке; раздвоенный кончик носа; белые, мягкие волосы у детей («волосы-ленок»).

Второе предположение касается общности, основанной на единстве истории и традиций. Гамаюны — кровь

и кость крестьянского труда, кормильцы, люди, которым не все равно, как жить и работать — не захотели смешиваться с каторжниками, беглыми, недостойными, с их точки зрения, людьми, населявшими к тому времени Урал, а может, и лелеяли мечту вернуться со временем в родные края. Да так и засиделись весь крепостной век, а дальше, после 1861-го, уж и хозяйством обзавелись, да и корни свои на родине подрастеряли.

А то, что касается мыса Гамаюн, то и здесь все несложно. В 1921 году, когда после гражданской войны начал подниматься из разрухи Верх-Исетский завод, послали отсюда ходоков на маленькие уральские заводи. Дошли гонцы и до сергинских заводов, пообещали работягам жизнь сносно в городе. Так и прибыла еще одна община гамаюнов в Свердловск. По выходным рабочие с семьями на лодках пересекали Верх-Исетский пруд и гуляли на облюбованном ими мысу, песни пели, костры жгли. За эту привязанность мыс и получил гордое прозвище Гамаюн.

А на Верх-Исетском заводе сложились рабочие династии, носящие гамаюньские фамилии: Чекасины, Гилевы, Колосовы, Кобяковы, Куклины, Подчиненовы, Коноваловы, Стенины, Папилины и др.

В 50-е годы свердловский археолог Елизавета Михайловна Берс начала исследование археологических памятников на мысу Гамаюн. Памятники оказались настолько своеобразны, что были выделены в Гамаюньскую культуру.

Так вот и вошло это название в историю России, Калуги и Свердловской области. В историю крестьянства, железодельного производства, в топонимику и в археологию нашей страны.

Владимир ЗЮСЬКИН

ОТКРЫТКА

Где-то через месяц, как жена вернулась с курорта, Дерюгин обнаружил в почтовом ящике странную открытку: «Аня, получи до востребования. Твоя Вита».

Дерюгин прочел открытку, хмыкнул и начал задумчиво подниматься по лестнице, забыв закрыть почтовый ящик. Он силился вспомнить: кто такая Вита? Такого чудного имени не было ни у подруг жены, ни у родственниц. Да еще «твоя» подписано...

Что получить-то до востребования? Дерюгин сердился. Если посылка или там бандероль какая, извещение должно быть. А если письмо, то почему не прямо домой? Получи-ка, мол, я твоя Вита. Твоя! Вроде как дочь написала. Но какая у Аньки может быть неучтенная дочь, если взял он ее девочкой? Кроме законного сына Кольки, которому вот уже пять лет, никого у нее нет.

Дерюгин даже усмехнулся своим подозрениям. Однако открытку жене почему-то не отдал. И даже не спросил у нее, кто такая Вита. А подмывало спросить и отдать открытку хотелось, чтоб выяснилось сразу и никаких опять секретов. Ну, а если тут тайна какая? Дерюгин недавно прочел «Книгу о верных и неверных женах». Насмеялся вдоволь. А теперь вот задумался...

На другой день прямо с работы он пошел на почту и, постояв в небольшой очереди у окошечка, где выдавалась корреспонденция до востребования, протянул свой заводской пропуск ненатуральной блондинке с родинкой над верхней губой. Блондинка схватила пачку конвертов из ящика с буквой «Д», начала быстро, как мартышка, перебирать их. Один конверт на мгновение замер в ее руке, даже длинный ярко окрашенный ноготь впился, оставив след. Она уже чуть не отдала письмо Дерюгину, но тут же бросила его в общую кучу и, досмотрев пачку, вернула пропуск.

— Вам нет. Дальше!

— Как нет? — удивился Дерюгин, — А вот то-то письмо... Я видел...

— Вы Дерюгин или Дерюгина? — спросила девушка с усмешкой, неодобрительно глядя на сжимавшую потертый пропуск тяжелую руку с вьевшимся в кожу мазутом и с заусенцем на большом пальце.

— Да я... Жена это моя...

— А на конверте не написано, что жена! Да и мужьям не имеем право выдавать.

— Только женам, значит? — хмыкнул Дерюгин, раздражаясь.

— Что женам?

— Выдавать!

— Ну, знаете! — девушка оскорбленно поджала губы.

— Молодой человек, не задерживайте очередь! — кто-то тонко выпалил слева.

Дерюгин хмуро повернул голову на голос и встретился взглядом с аккуратным молодым человеком в коричневом костюме и желтом галстуке. Он нетерпеливо переступал с ноги на ногу и морщился, протянув руку с документом далеко к окошечку.

— Вам же сказали: нельзя! — выпорхнуло из его кричащего рта.

— Не егозись, успеешь! — мрачно обронил Дерюгин, не спеша отваливаясь от окна.

— Хам! — донеслось ему в спину все так же тонко и сварливо.

Дерюгин повернулся, сжав зубы и кулаки. Волна обиды, злости захлестнула его — на жену, которая получила такую открытку, девуку с ногтями вурдалака, не пожелавшую выдать ему письмо, и даже на ее родинку, а в особенности — на этого пижона.

— Спешешь очень? Куда? В больницу? Щас будешь!

Еще миг — и, возможно, обладатель тенора закончил бы вечер в перевязочной, а Дерюгин — в милиции. Как знать. Но тут кто-то звонко и ласково позвал:

— Миша!

Дерюгин обмяк, узнав голос, и начал искать глазами свою младшую сестру Анюту.

— Миша, ты что тут делаешь?

Он почувствовал в своей заскорузлой ладони нежные пальчики сестры и повернулся, сияясь улыбнуться, но глаза еще смотрели колюче.

— А ты? — ответил на вопрос вопросом.

— Зашла конвертов купить. Ты что такой злой? Или устал? — Анюта ласково сжала ему руку. Посмотрев на ее тонкие, белые пальцы с ровно остриженными ноготками, Михаил Дерюгин отошел сердцем окончательно. «Вот ведь ногти как ногти, не то, что у этой!»

— Да обозлила вот. Я это... хотел письмо получить. До востребования. От друга. А мне нету. Но есть Аньке. Я говорю: давай сюда, а она не дает, чудачка эта...

Анюта сразу поняла нескладную речь брата: привыкла. Не уловила она только самого главного (не хватило жизненного опыта): раз пишут «до востребования», значит, для этого есть основание.

— Чудные вы оба! — засмеялась Анюта. — У вас что, адреса нет? На почту за письмами ходят? Сейчас я его получу. Имена-то у нас одинаковые!

— Во-во! — довольно закивал Дерюгин. Он сам собирался попросить об этом сестру, да она опередила.

С нетерпением следил Михаил за быстро продвиг-

гавшейся в очереди сестрой. Он был так поглощен ожиданием: выдаст или не выдаст (отчества-то разные), что даже не заметил своего обидчика, который настороженно прошел мимо него к выходу.

Дерюгин страстно желал заполучить письмо и убедиться, что тут ничего такого нет. Какая-то вальтанутая Вита из курортных знакомых излила Анке свою сердечную тайну — вот и написала не домой, а на почту. Будто нужны кому-то ее секреты. Дура!

Ну, а вдруг... Дерюгин даже дыхание задержал, вспомнив книгу о неверных женах. Сейчас она уже казалась смешной. Что смешного-то? Ему стало жарко. На коже выступил пот. Он только сейчас заметил, что все еще держит в руке пропуск, и сунул его в задний карман брюк.

Он, конечно, и до этой распутной книжонки слышал немало анекдотов об изменах жен, особенно на курортах. Но ведь это анекдоты. Нет. В жизни тоже бывает, в общем-то. Вон Генка: с чужой женой спит да еще любит рассказывать об этом во всех подробностях. А Толик — тот вообще застал жену на горячем деле. Набил обоим морды и развелся. Но ведь он пил запоем, сам гулял. А тут — жили душа в душу. Почему жили? Дерюгин поймал себя на мысли, что думает о жене в прошлом времени. Ну, не без ссор, конечно. С кем не бывает? Так это так, по мелочи. Чтобы серьезно и надолго — такого не было. И вдруг — на тебе! — приходит темная открытка с подписью: «Твоя Вита».

Анюта уже влезла головой в окошечко. Выдаст или не выдаст? На миг Дерюгина охватил какой-то дремучий, утробный страх: все может рухнуть. Разверзнется неверность, будто бездна и поглотит, уничтожит семью, а значит и его всего, без остатка, потому как жить без Анки и сына нету никакого смысла. Он даже успел подумать, что лучше бы эта фальшивая блондинка разглядела подлог и не выдала письмо. Пусть бы все шло без его вмешательства. Но Анюта повернулась с сияющим лицом. В руке ее ярким прямоугольником белел конверт.

— Ну, спасибо, сеструха. Помогла, — говорил Дерюгин, небрежно заталкивая письмо в карман темно-зеленого лоснящегося пиджака. — Сейчас не надо будет Анке самой бежать. У ней же работы хватает! Стирка там... Вот выйдешь замуж — сама увидишь. Поймешь, как оно бывает... Открытки всякие приходят...

— Да ты что это, Миша, пугаешь меня! Смотри, какую речь сказал! На тебя не похоже. Может выпил с друзьями? Бледный вон. Что с тобой, Мишель. А?

— Да не. Не пил я, — Дерюгин вяло махнул рукой. — Устал. Крутился сёдни. Как белка. Конец... Конец месяца. Ты это... В гости приходи. Чо ты не приходишь-то?

Быстрыми шагами шел Дерюгин к своему дому. В кармане его тяжело шевелилось письмо. А может, это беспокойно ворочалось сердце?

Отойдя от почты с квартал, он сел на скамью в сквере и осторожно, будто мину, достал конверт. Почерк на

нем — не узкий, не широкий. Не очень ровный, но и не каракули. Не сказал ему ничего почерк. Только вот буква «А» в имени жены была написана так небрежно, так вычурно, что сердце сжалось в предчувствии беды. Ишь ты, Вита, как размахнулась!

Конверт был тонким и легким, но заклеен крепко — дополнительным клеем. Дерюгин хотел сперва открыть осторожно, чтобы потом можно было заклеить, но бумага надорвалась. В нетерпении он разорвал конверт широко и достал листочек, сложенный пополам. На нем тем же почерком было написано:

«Милый Андрюша!

С восторгом вспоминаю наши с тобой встречи. Почему ты не даешь о себе знать? Очень скучаю. Позвони мне. Страшно хочу тебя видеть. Твоя Вита».

Прочитав письмо, Дерюгин осторожно положил его на скамью, как это делают со случайно взятой чужой вещью. На его крепкой шее появилось красное, медленно растущее пятно. С минуту он глядел прямо перед собой, а потом глухо всхлипнул. Всего один раз. Будто подавился чем-то. Глаза его остались сухими. Тяжелые это были глаза...

— Вот взять опять же этих торговков. Ведь они чо делают? Одна работает в универмаге, другая — в гастрономе. Придет чо подешевле да получше — ты мне, я тебе. Обменялись. Вот и сыты, и одеты!

— Ты голодный, что ли? — вяло спросил Дерюгин. Но Толик не унимался:

— Против них — конечно! Не украдут, так спекулят. Ты сам за дубленку двойную цену дашь!

Михаил молчит, глядя на стол, где прямо на клеенке лежит крупно нарезанный хлеб, скучает на сковородке расковырянная яичница, стоит опорожненная наполовину бутылка водки.

Зачем ему дубленку, да еще за двойную цену? Ему нужна Анка. Прежняя. Было бы у него сейчас сто дубленок — он отдал бы их только за то, чтобы вернуть тот день, когда разрешил жене ехать на курорт. Ведь говорил же Генка, что отпустить жену отдыхать на море — все равно что оставить машину ночью на улице с открытой дверцей. Прав был: увели. Дерюгин скривился и расплескал оставшуюся водку по стаканам.

— Давай, политик, допьём... Ты это... с которой спишь — у нее чо, муж-то из-за угла пыльным мешком ударенный?

— Чего? — выпятил нижнюю губу Генка. Он еще не запянял, а потому поражен ниоткуда взявшимся вопросом, — Я мысли свои неглупые высказываю! А он...

Но губы Толика тут же растягиваются в усмешке, обнажая желтые, прокуренные зубы, один из которых больше остальных в полтора раза. В круглых кошачьих глазах возмущенное недоумение сменяет плотоядный блеск.

— Да ты никак наметил обгулять чью-нибудь законную? Своя-то оскомину набила?

Дерюгин медленно, морщась, выпивает водку. Его большой кадык при этом ходит вверх-вниз, как лифт.

Он не закусывает, а только вытирает губы тыльной стороной ладони.

— Я говорю: мужик-то этой сучки — неужели не догадывается?

Толик выпивает водку залпом, и, закинув в рот желток со сковороды, шепелявит:

— О е веит. Упит ошень.

— Любит, значит, и верит... — Михаил усмехается.

Толик громко смеется смехом победителя.

Целует ее. А она... да все они! Стоит лишь взяться как следует. Сперва только ломаются.

— Не может быть, чтобы все! — Михаил зло тычет в белок яйца вилкой, недоверчиво качая головой. — Вот взять, к примеру, мою Анку. Она может? Как считаешь?

Толик бросает на друга любопытный взгляд и дипломатично произносит:

— О женах друзей не говорят. Нет, ты чо это сёдни смурной такой? Рога, что ли, прорезались? Так сдашь в аптеку. Пантокрин из них добывают — лекарство, нужное народу.

Толик запянул. Ему хочется шутить, дурачиться. Но, поймав тяжелый взгляд друга, он умолкает. Однако ненадолго.

— Нет, правда, к чему ты это спросил?

— Да так. Ко второй бутылке. Пошли? Или тебе уже спать пора?

Толик резко встает со стула:

— Поглядим, кто вперед уснет!

В винном отделе, как всегда перед закрытием, очередь. Осталось всего пятнадцать минут. Мужики напирают, тянут руки с деньгами, сглатывая слюну. Кто-то спешно «сдваивает», «страивает». Кто-то просит пятак: не хватает. У всех на лицах — нетерпение. То и дело слышатся осаживающие окрики. И в этом гомоне, в этой суете молчаливо, как идол, и четко, как автомат, движется немолодая продавщица. Лицо ее так бесстрастно, что кажется: вот тут, у прилавка, убей человек человека — оно не дрогнет. Но вот торговка возвращает деньги покупателю и цедит сквозь неподвижные губы:

— Не хватает семи копеек.

Толик, наблюдавший за ней, восхищенно толкает друга локтем:

— Не баба, а робот!

Михаил, смотревший невидящим взглядом куда-то вниз, поднимает голову и недоуменно глядит на друга. Толик усмехается:

— Ты спишь или едешь? А еще мне говорил: спать пора!

Они стоят за единственной в очереди женщиной, одетую в вытанувшую кофту и в короткую, полинявшую юбку. В одной руке она держит пустую бутылку, в другой, крепко сжатой, — деньги. Женщина поворачивает к ним лицо с выщипанными бровями и пьяно усмехается:

— Поспать успеем. Выпить надо!

— Хорошо сказала! — оживает Толик. — Видно, знаешь толк?

Он заинтересовано осматривает женщину, начиная с икринных ног и заканчивая русыми, давно немытыми кудряшками. Длинно подмигивает ей.

Михаил снова склоняет голову. Но за рукав его трогает невысокий усатый человек:

— Третьим не возьмете?

— Нет. Ищи других, — бросает ему Толик, отвлекаясь от игривого разговора с женщиной. — Нас уже и так трое!

Но усатый не отходит. Глядя в лицо Михаилу, он ждет ответа от него. Во взгляде этом не мольба и не приказ, но есть что-то такое, что встречается не часто. Скрытая мука, что ли? И стыд подавленный.

— Где трое, там и четвертому найдется, — говорит Дерюгин, и тут же ощущает в руке деньги — рубль с мелочью.

А очередь уже подходит. Женщина, то и дело обираясь к Толику, обменивает пустую бутылку на полную вина. Вслед за ней протягивает деньги на две «белых» Михаил.

Из магазина выходят вчетвером.

— Пошли ко мне, предлагает Толик, беря женщину за локоть. Она делает шаг к нему и неуверенно выдыхает:

— Хоть бы познакомились сначала.

— Я Толик. Это Мишка. А это...

— Андрей, — представляется усатый.

— А меня зовут Света.

— Какая ты Света, если черная! — смеется Толик и каламбурит:

— Света, так Света. Лишь бы не с того, а с этого света!

— Нет, вот ты мне скажи, Андрюха! — Дерюгин стучит ребром ладони о стол так, что пустые бутылки и сковороды подпрыгивают. — Ты мне скажи: если бы тебе жена рожки приладила — чо бы ты делал?

— Сдал бы в аптеку! — орет Толик.

Лицо его вспотело, глаза округлились еще больше. Под столом он тискает сидящую рядом с ним новую знакомую и шепчет ей в ухо, горячо дыша:

— Пошли в ванную! Ну пошли, Светка!

— Обожди, баламут! — сердится Михаил. — Я все-ррез и не тебя спрашиваю!

Усатый, кажется, и не запянул совсем. Он смотрит Дерюгину в глаза, пытаясь понять его, и молчит.

— Пришиб бы сучку! — снова высказывает Толик и лезет к женщине целоваться. Волосы ее растрепались. Она не докурила одну сигарету — потянулась за новой, чиркает спичкой — ломает ее: запянула. Но старается слушать, о чем говорят, и на высказывания Толика реагирует неожиданно резко:

— Вас бы всех пришибить, кобелей!

Дерюгин смотрит на усатого. Ждет. И тот, пуская дым поверх усов, говорит с дрожью в голосе:

— Тут не надо спешить. Разобраться надо. Может, это так. Дурь. Если любишь, не рви. Себя больше накажешь...

— Да я не о себе, — смущенно врет Дерюгин.
— А я — о себе, — говорит усатый. — Она любила меня, а с ним — всего один раз...

Сейчас я понимаю, что это ... волна на них находит такая... В командировке была. Ужинала в ресторане. Он подсел. Вино, музыка, танцы. Вскружило голову...

Дерюгин слушает, положив на стол сжатые кулаки, крепко стиснув зубы. Толик отвлекся от женщины и, повернув голову в сторону Андрея, смотрит на него так, словно тот пролил стакан с последним вином.

— Любила, но легла с другим. Случайно! — Толик зло хохочет.

— Дерьмо! Какое же ты дерьмо! — кричит женщина и пьяно плачет.

— Баба, как корова: кто накинул веревку на шею, тот и повел!

— Заткнись! — обрывает Толика Дерюгин.

И кивает усатому:

— Рассказывай дальше!

— Дерьмо! Ну и дерьмо! — всхлипывает женщина.

Андрей допивает оставшуюся в стакане водку.

— Что рассказывать!.. Ушел я от нее...

— Правильно сделал! Ты же мужик, — влезает Толик.

Глядя куда-то в окно, Андрей отрицательно качает головой:

— Мужик не ушел бы. Надо быть великодушным. А я — сбежал... Но забыть не смог ни ее, ни сына. Пить начал...

За окном давно стемнело. Стекла там, где они не прикрыты синими выцветшими шторами, отливают глянцевой чернотой. В комнате накурено так, что дым висит слоями.

Какое-то мгновение все молчат. Андрей по-прежнему смотрит невидящим взглядом в окно. Дерюгин изучает рисунок на клеенке. Света пытается высосать дым из погасшей сигареты. Глаза женщины увлажнены, а подбородок подрагивает. Толик глубоко затягивается и кашляет.

— Накурили как! Хоть топор вешай! — выдавливают он сквозь кашель, не осуждая, а лишь констатируя.

— Ладно. Пошли. Будет, — медленно произносит Дерюгин.

Женщина встает и начинает пьяно поправлять волосы.

— Ты куда? — поймал ее за руку Толик.

— Отстань! — она сказала это тихо, но с таким презрением, даже отвращением, что Толик тотчас отпускает ее руку и неуверенно говорит:

— Во нарезалась!

Все четверо выходят из подъезда. Ночной августовский воздух поостыл, но все равно тепло и так тихо, что листья кустов, освещенные тусклой лампочкой над дверью подъезда, не шевелятся, будто нарисованные темно-зеленой, почти черной краской.

Дерюгин всей грудью вдыхает воздух и, попрощавшись, уходит в сторону дома. Твердо, не качаясь.

Андрей двинулся в другую сторону. Рядом с ним, не сказав «до свидания», пошла Света. Толик хмуро смотрит им вслед. И когда их поглощает тьма, сплевывает, зло выругавшись. Он выходит на мостовую: у водителя такси ночью за двойную цену можно купить водку.

В доме было темно. Но на звук ключа в замочной скважине Анна встала с постели — видно, не спала — и зажгла в прихожей свет.

— Ты почему так поздно, Миша? И пьяный...

Анна стояла перед ним в ночной розовой рубашке, с распущенными волосами, спускавшимся светлым водопадом до половины спины. Было что-то беспомощное, девичье в этой тридцатилетней женщине... такое влекущее — в светло-серых глазах, в полных, словно припухших губах, в открытой почти до сосков груди, в бедрах, просвечивающих сквозь тонкую ткань, — что Дерюгин ощутил глубинное, дикое, позорное сейчас желание обнять ее. Он даже кашлянул, будто поперхнулся, расстегивая дрожащей рукой пиджак, и это, похоже, вернуло ему силы.

— Тут письмо тебе, — он достал из кармана пиджака конверт и бросил его на тумбочку. — От Виты! — он произнес это имя с такой внезапно накатившей на него злобой, что жена схватила конверт с ужасом.

Она читала послание, а он напряженно следил за выражением ее лица. Губы Анны полуоткрыты, в глазах — тревога. Она прочла коротенькое письмецо и деланно хохотнула.

— Подруга это — Вита. Она меня Андрюшкой звала. Дурачилась.

Дерюгин молчал, изучая лицо жены. Губы ее улыбались, а в глазах тревога так и не исчезла.

— Ну правда, Миша. Ты что, не веришь? Ох, эта Витка, сумасбродка! — Анна сделала шаг к мужу и обняла его, прижавшись всем телом.

И снова на Михаила накатила волна нежности. Это испугало его, обозлило на самого себя. И тогда вторая волна — волна ярости — захлестнула первую. Дерюгин резко оттолкнул жену так, что она ударилась спиной о зеркало, на котором появилась извилистая трещина.

— Врешь! — тяжело выдохнул Михаил.

И добавил тихо, зло:

— Сука!

Он никогда раньше не ругался при жене, не обзывал ее. И Анна зарыдала, бессильно опускаясь на пол.

Сжав зубы так, что резко обозначились желваки, с вытаращенными, безумно горящими глазами стоял над ней Михаил. В висках у него стучало: «Вита... Вита... Вита...». Он шумно выдохнул воздух, переступил через жену и пошел туда, где спал сын. Колька лежал, раскинув руки, и улыбался во сне. Михаил поправил на нем одеяльце, провел рукой по перилам кровати и вдруг зарыдал — беззвучно, страшно, уткнувшись головой в деревянные прутья.

ТРИ ОТКРЫТКИ ОТ В.П.

30 апреля исполнилось 80 лет со дня рождения русского писателя-классика Виктора Петровича Астафьева. Книги нашего земляка теперь известны всему миру. А первые из них в 1950-х годах выходили в Перми и Свердловске.

С «Уральским следопытом» у Виктора Петровича была многолетняя связь. Будучи членом редколлегии журнала, он был близко знаком с работниками редакции С.Ф.Мешавкиным, Л.Г.Румянцевым, С.И.Казанцевым и многими авторами журнала. А сам он был автором «Следопыта» с первого года его нового существования. В 1958-м были напечатаны его заметки о живописных притоках Чусовой — Вильве и Усьве. В 1962-м — рассказ «Корни» (№ 1); в 1964-м — «Радость первого полета» (№ 2)...

Когда в начале 1990-х «Следопыт» начал всероссийский родиноведческий поиск «Павленковская библиотека», писатель горячо откликнулся на эту инициативу. (Кстати сказать, он был одним из немногих в России той поры,

Виктор Астафьев.
Портрет работы Евгения Широкова.

кто собрал полный комплект павленковской биографической библиотеки «Жизнь замечательных людей», и очень любил перечитывать книжки этой серии.) По просьбе редакции писатель вошел в общественный совет поиска. По его задумке и с его предисловием в газете «Красноярский рабочий», раньше, чем в «Следопыте», была напечатана (в сокращенном варианте) статья «Зеленая ветка на фоне зимы», которая стала началом поиска в российской провинции исторических библиотек, открытых в начале XX века на средства издателя Ф.Павленкова (см. «Уральский следопыт», 1992, № 1).

Интерес и внимание Виктора Петровича к сельским библиотекам общеизвестно. По его инициативе в Красноярском крае проходили всероссийские библиотечные чтения.

В моем архиве счастливо сохранились три открытки, полученные от Виктора Петровича в начале 1990-х годов. Они свидетельствуют о той напряженной творческой жизни, которой жил тогда писатель.

«Дорогой Юний Алексеевич:

Да, я готов войти в Совет и готов познакомить Вас с интересными людьми нашего края. Не ответил сразу оттого, что хотел послать для журнала новые «Затеси», но у меня их расхватали, а напечатать вновь пока нет возможности: заболела машинистка, а жена с детьми бьется. У нас растут двое внучат-сирот, а время бежит и текучка заедает. Но вот и продых появился, за почту взялся. Разгребаю. Желаю всем «Следопытам» доброго здоровья. Передайте привет Леве Румянцеву. В.П. 12 февраля 1991 г. Красноярск».

«Дорогой Юрий:

Вот удалось напечатать Ваш замечательный материал в «Красноярском рабочем», в субботнем выпуске (первой полосы нет, извини: там телепрограмма, внук увел), а комментарий мой грустный, но что делать, такова жизнь, за что, как говорится, боролись, на то и напоролись. Всем кланяюсь. В.П. 11 марта 1991 г. Красноярск».

«Дорогой Юра! Ты уже, наверное, получил мою газету с твоей статьей? Все «Затеси» я уже раздал, но как напишу новые или найду неиспользованные, так и пришлю. За письмо спасибо. Извини, очень занят — получил рукопись романа с машинки. Оттого и пишу на ходу. Кланяюсь. В.П.»

Юний Горбунов.

Ян ВИЛЬЧКОВСКИЙ

Из воспоминаний старого лесничего

Аман Карагайский

Специально выделенного управления государственными имуществами Тургайской провинции тогда еще не существовало. При военном управлении провинцией было лесное отделение, во главе которого стоял старший запасной лесничий; другой лесничий, в такой же должности, стоял во главе бригады таксаторов, состоящей из таксатора и четырех межевщиков.

Леса находились по преимуществу в северной части провинции, и только незначительная их часть располагалась в южной. В северной части преобладали сосновые и березовые массивы, растущие отдельными группами от 0,25 до 5 десятин (местное название — «колки»), был молодой березняк не старше 30 лет. В южной части

провинции доминировал ивняк, растущий по берегам реки Урал — поясами от 50 до 100 саженой ширины, и кое-где одиночные дубы.

Растущая в северной части провинции сосна была также сгруппирована «колками», но лишь в четырех местах; при этом каждый из двух больших массивов занимал пространство около 70 тысяч десятин, а два меньших: один — около тысячи десятин, другой — около четырех тысяч десятин. Один из первых, расположенный на крайнем юге, назывался «Аман Карагайский». Он находился на караванном пути из Ташкента в Троицк. С киргизского языка его название переводилось: «здравствуй, сосна», так как действительно на этом пути

(Продолжение. Начало в № 2, 2004).

только в одном месте и встречалась сосна. Интересно, чем можно было бы объяснить, что лишь в этих четырех местах можно было наблюдать сосредоточение сосновых колков, и то на таких значительных расстояниях? При этом березы в тех лесных массивах не выступали; в свою очередь, наоборот: там, где выступала береза, не было сосен. Я объяснял себе это явление родом почвы: там, где был чернозем, на более влажных местах можно было встретить березу, а сосну — только на песчаных, сухих землях. Возможно, были и другие причины, но я не умел этого объяснить. Как не умел истолковать, почему группы сосен появляются на расстоянии, отдаленном друг от друга на 400 — 500 верст, и на таком же расстоянии от уральских лесов.

Первые два года я работал в северной части провинции. Нужно было зарегистрировать и нанести на карту рассеянные по степям березовые массивы. Четыре межевщика на расстоянии 8 верст один от другого по компасам вели линию строго на север. Из-за слабой залесенности мы могли поставить столбы лишь через версту, а если в бинокль на горизонте мы видели группу деревьев, то обмеряли ее и наносили на план. Так как это был молодой березняк, то таксаторские работы практически не велись, оставалось только руководить работой межевщиков.

Неудивительно, что в таких условиях начальник бригады, имея более важные дела в правлении, за три года посетил бригаду только один раз, и то на несколько дней, как говорится, для очистки совести. Таким образом, с самого начала я фактически выполнял функции бригадира партии: невозможно было с каждым вопросом обращаться к руководителю, который находился на расстоянии 1 200 верст от партии, а та, в свою очередь, иногда пребывала в двухстах верстах от ближайшей почты. Потому все выплаты и проверку работ осуществлял я.

Наша работа, при которой мы нередко оказывались отдаленными от жилых мест на 100 и более верст, подразумевала кочевой образ жизни. Ночь я проводил в тарантасе, в котором вез не только постель и провизию, но и такие необходимые вещи, как ведро, чайник, котелок и т.д. Межевщик и помогающие ему рабочие имели несколько подвод для перевозки багажа и провизии, так как на работу они выходили на несколько недель. На второй год службы в этом лесничестве моя жизнь несколько стабилизировалась. Мне приходилось совершать разъезды по 50 и более верст, и я нашел постоянное жилище — поселился в юрте у киргиза. Близость Оренбургской губернии дала возможность решить вопрос о провианте для рабочих бригады.

На третий год работ я приступил к устройству Аман-Карагайского массива. На его территории уже были построены сторожки, а потому кочевая жизнь закончилась. Мы даже пекли свой хлеб, который заменил надоевшие сухари. Моя сторожка располагалась неподалеку от озера с множеством пернатых обитателей. Охота на птиц давала возможность разнообразить меню и служила при-

ятным развлечением. На этих озерах (почти все они были соленые) можно было встретить несколько видов уток, гусей, лебедей, журавлей, а иногда и бакланов. Двухчасовой прогулки по озеру в лодке хватало, чтобы сделать запасы на несколько дней не только для меня, но и для межевщиков и рабочих.

Мой проводник никак не мог примириться с тем, что я не стреляю в сидящих или плавающих птиц, так как тогда одним выстрелом можно было бы убить несколько штук, а так... жаль патрона на одну штуку.

Впрочем, так как вместе с межевщиками и рабочими нас было много, то мы могли позволить покупать баранину у местных киргизов. Из-за жары, которая доходила до 50° С, нужно было мясо съесть за один раз, что требовало участия нескольких человек. Я должен сказать, что такой вкусной баранины, приготовленной по-киргизски, я в жизни не едал.

После окончания летних работ мы уезжали для написания рапортов о проделанной работе в Оренбург.

В то время, а именно в 1892 году, в восточной части России был большой неурожай, а вдобавок осенью началась холера. Правительство приняло меры, чтобы помочь голодающим. Надо же было такому случиться, что моего начальника вызвали в Петербург, где он разработывал проект организации управления государственными имуществами степных районов Западной Сибири, заселенных киргизами. Я замещал его в течение четырех месяцев. Однажды я получаю из лесничества протокол о растрате леса на сумму в несколько тысяч рублей. Киргизский скот, который обычно зимует в лесу, от голода съел предназначенную на продажу вырубку ивняка. О таком большом ущербе необходимо было поставить в известность лесной департамент. Бумаги в министерство шли за подписью губернатора, который, когда ему предложили подписать это уведомление, вскопчил разгневанный, воскликнув: «Как это возможно, мы кормим голодных и с них же должны содрать такую сумму! Что о нас люди скажут, так ведь все газеты о нас напишут и высмеют, сделайте что-нибудь, чтобы это дело уладить без шума».

Так как этот ивняк, который съел скот, обычно покупали киргизы того же аула, то я посоветовал им уплатить в казну государственную цену ивняка — что-то около 400 рублей. Затем провести эту сделку через торги. Для оформления этих действий необходимо было согласие лесничего, я выслал ему полуофициальную просьбу об улаживании этого дела.

Этот случай я привожу в качестве доказательства, что и в те годы власть считалась с мнением обывателей, газет, а в какой-то мере и подчиненных.

За три года я доказал, что могу работать самостоятельно, и мой начальник подал прошение о предоставлении мне места старшего таксатора и бригадира партии. Из департамента пришло распоряжение о назначении меня в Екатеринбург руководителем работ в лесах горного департамента, но вот должность старшего таксатора я получил лишь спустя три года.

Лесное озеро.

Илимский царь

Часть казенных лесов на Урале была приписана к фабрикам. Оставаясь в управлении горного департамента, они были разделены на несколько десятков лесничеств. Местное правление лесами оставалось в полной зависимости от Главного Уральского правления в Екатеринбурге. Эти леса должны были обеспечивать нужды заводов. Доставлять им все необходимые лесоматериалы, в том числе и топливо. Также удовлетворять потребности местного населения, которое имело некую квоту на древесину и в ее объеме получало лес не по рыночным ценам, а по особо установленной цене.

Для устройства хозяйства в этих лесах из лесного департамента были направлены две дружины, состоящие из двух младших таксаторов, шести межевщиков и бригадира. По стечению обстоятельств, все, в том числе и бригадир, были поляками.

Зимой в Екатеринбурге, когда бригады были заняты составлением рапортов о произведенной работе, вместе с местными лесничими собиралось до 17 человек лесничих-поляков. Всех нас связывали теплые, дружеские отношения.

В наш круг входил и инспектор лесоустройства Пермской губернии (поляк), который в качестве представителя от Лесного департамента наблюдал за лесным хо-

зяйством, расположенным на территории горного департамента. Ему принадлежал решающий голос при назначении бюджетов на вырубку лесов, как казенных, так и посессионных.

Устройство лесного хозяйства производилось на основе «Инструкции для лесов лесного департамента», здесь введено было хозяйство вырубочное, с обновлением боковым самосевом.

В течение 1893 года я выполнял задание устройства лесов Юговского лесничества, территория которого превышала 30 тысяч десятин. В этом месте мне хотелось бы привести факт, подтверждающий курсирующую легенду, что в давние времена, чтобы запомнить пограничные знаки, кое-кому из рабочих, обычно молодым хлопцам, всыпали от пяти до десяти розог, в зависимости от настроения межевщика. Я был свидетелем такой сцены: межевщик не был уверен, здесь ли находится нужная пограничная яма. Тогда отозвался один из рабочих: «Я хорошо помню, здесь Петруха получил десять розог — полковник был очень строгий» (в те времена и лесничие, и межевщики были военными). На мой вопрос «где же яма?» он ответил, что скоро до нее дойдем.

Мой рапорт о произведенных работах в Юговском

лесничестве, их исполнение, предоставленные планы измерений и хозяйства обратили на меня внимание не только коллег лесничих, но и начальства, а в частности, инспектора лесоустройства.

Видимо, в качестве награды за это отличие я в 1895 году был назначен руководителем для окончания работ, начатых местными силами, но не законченных должным образом.

Работы велись на склоне Уральских гор. Гористые склоны и отсутствие дорог делали невозможным вывоз готовой продукции фурманками. Горы пересекала железнодорожная ветка Пермь-Екатеринбург, по обе стороны хребта для эксплуатации был выделен лесной пояс шириной 40 десятин. Лес был предназначен для выделки древесного угля. Необходимо было построить в нескольких местах печи, чтобы уже готовый уголь вывозить до железнодорожной станции, а оттуда железной дорогой до завода в Кушве. Леса этого комплекса состояли из 250-летних елей и требовали незамедлительной эксплуатации. Выруб леса был запроектирован на 30 лет, и сообразно с этим планировалось строительство печей.

По стечению обстоятельств, в том году министр сельского хозяйства Ермолов с многочисленной свитой совершал ознакомительную поездку по Уралу. Видимо, будучи в курсе, что в горнозаводских лесах хозяйничают не столько лесничие, сколько инженеры, главное внимание министр обратил на лесное хозяйство. Когда министр узнал, что по пути сможет ознакомиться и с таксаторскими работами, он остановил поезд и затребовал меня. Я должен был проинформировать его о состоянии работ и на месте показать, как они производятся.

Не думаю, чтобы это слишком понравилось господам инженерам — министр требует рапорта и разъяснений от таксатора, а не от них.

В ходе обзора работ мы наткнулись на речку и груды камней и песка. Ермолов спросил, что это значит, я ему ответил, что это золотой прииск, но сегодня по случаю праздника никого здесь нет. По его просьбе я продемонстрировал господину министру орудия золотоискателей, и хотя инженеры пробовали меня оттеснить, он обратился исключительно ко мне.

После осмотра работ меня пригласили присоединиться к свите министра в его поездке до Кушвы. Там мы находились три дня, из них львиную долю времени Ермолов посвятил встречам с лесничими, расспрашивая их о состоянии хозяйства и об условиях их службы.

На одном из таких совещаний присутствовал и главный начальник уральских горных заводов, имеющий некоторые права министра, уже пожилой человек, еще хорошо помнящий времена крепостного права. Он, принимая в своем кабинете чиновников до VI класса включительно, не предлагал им садиться, и сам, так же, разговаривал стоя. И когда на одной из вышеназванных встреч господин министр попросил, чтобы мы заняли свои места, то, так как главный начальник не сел, то и он вынужден был простоять с нами все полуторачасовое совещание.

Но на следующем он уже не появился.

В качестве свидетельства доброжелательного отношения министра к лесничим приведу следующий факт. Одним из лесничих нашего лесничества был 80-летний старик, занимавший этот пост еще со времени крепостного права. Коллеги лесничие дали ему прозвище «царь илимский». Его лесничество находилось в верховьях реки Чусовой. Местное население жило тем, что занималось строительством барж, которые, сплавляясь по реке, забирала с каждого завода железо. За работу они — во время крепостничества — получали из лесничества продукты. Так как на месте ничего не родилось, то зимой продукты привозились из Екатеринбурга. Однажды местные устроили что-то вроде забастовки, и лесничий объявил им, что продуктов не выдаст, «пусть дохнут с голоду, он здесь царь». Об этом инциденте стало известно в полиции, у которой, видимо, работала на местах разведка, лесничий на все последующие 50 лет службы так и остался «илимским царем». Потому, когда он представился господину министру, тот с улыбкой сказал: «Очень приятно познакомиться с илимским царем».

После окончания полевых работ на вышеуказанном объекте, в первых днях сентября, я приступил к ревизии плана хозяйства в лесничестве Монетона.

В то время управляющий Нижнетагильскими заводами Демидова обратился в лесной департамент с просьбой о назначении в их посессионные леса таксаторской бригады, которая бы установила нормы годовых вырубов. Из-за недоразумений, происходящих из года в год, касающихся объема вырубки лесов, заводы не могут гарантировать аккуратной доставки рельсов и железа для строящейся Транссибирской железнодорожной магистрали.

Находящийся в Екатеринбурге инспектор лесоустройства получил распоряжение не только предоставить план работ, но также подготовить инструкции для устройства хозяйства в посессионных лесах. Он предложил мне в качестве старшего таксатора стать руководителем таких работ. Одновременно я должен был принять участие в разработке проекта этой инструкции. Я охотно принял это предложение и с весны 1896 года приступил к лесоустройству хозяйства Нижнетагильского горного округа.

В нижнетагильских лесах

Устройство лесов в Нижнетагильском горном округе было запланировано проводить в течение пяти лет. Для исполнения этих работ лесной департамент делегировал двух старших таксаторов в качестве руководителей бригад и пять младших таксаторов. На их содержание управление округа вносило в депозит департамента причитающееся им содержание. Геометры в количестве от 15 до 18 человек, также как и рабочие были с заводов.

Стоимость работ, согласно бюджету, была рассчитана на четверть миллиона рублей, что на пространстве в 769 десятин составляло 32 копейки на десятину.

Контроль над работами был поручен вышеназванному инспектору. Последний закупил в Петербурге геодезические и таксаторские инструменты и все необходимые для работ принадлежности. Моей задачей было на месте нанять межевщиков. Из-за нехватки специалистов и вообще рабочих рук это было нелегко исполнить. Правление округа правильно рассчитало, что в этом отношении я буду более компетентен, чем оно само, так как не оно будет отвечать за нанятых межевщиков.

Леса Нижнетагильского посессионного горного округа лежали в Верхотурском уезде и занимали восточную часть Уральских гор.

Их протяженность с севера на юг составляла 180 верст, а с востока на запад — от 40 до 90 верст. Леса сосновые, еловые и березовые, с одиночными лиственницами и пихтой, обширные торфяные болота, поросшие карликовой сосной и кое-где кедром, а также топи, которые преодолеть можно было только зимой.

В северной части округа, менее гористом, преобладали сосновые леса, а в южной, расположенной выше уровня моря, — еловые.

Леса округа были предназначены для обеспечения нужд заводов и рудников по добыче железа, меди, золота, платины, драгоценных камней, а также для горнозаводской железной дороги (протяженностью 100 км) и заводу управления администрации — обеспечение их древесным углем, топливом, лесостроительными материалами. Местное население имело возможность покупать некоторое количество леса по таксаторской цене, доход из этого источника шел в государственную казну.

Посессионные леса были административно поделены на шесть лесничеств.

Я и второй руководитель таксаторской бригады вели работы отдельно один от другого. Несмотря на трудные условия, нам удалось их завершить за шесть лет.

В свое время, в степях, я считал, что переживаю лишения, когда во время таких же работ был вынужден ночевать в тарантасе и страдать от недостатка воды. Здесь же воды было более чем достаточно, а спать я был вынужден на земле. К месту работ зачастую надо было пройти 20 — 30 верст. При себе надо было иметь запас провизии на одну — две недели работ. В лучшем случае такой переход совершался на лошадях. На весь округ лесных сторожек было не более десяти и находились они в местах наиболее безлюдных, потому межевщики, пользуясь

Каменные «палатки».

тем, что материал был под рукой, часто строили на время работы избы.

Из этих 679 тысяч десятин на мою партию пришлось 370 тысяч.

За несколько месяцев до окончания работ главноуправляющий нижнетагильскими фабриками предложил мне перейти на частную службу и занять место главного лесничего. Одновременно я получал место штатного учителя ботаники, межевания и лесного дела в местной горнозаводской школе, а значит мог не прерывать стаж работы в лесном ведомстве, который в будущем сулил хорошую пенсию. Мой предшественник, человек пожилой и большой, давно уже просил об отставке, но главноуправляющий по просьбе инспектора лесоустройства, имея в виду мою кандидатуру, воздерживался от предложения до окончания мною таксаторских работ.

Передо мной открывалось широкое поле деятельности в лесах Нижнетагильского посессионного округа и собственных лесах Демидовых, находящихся в Пермском и Соликамском уездах. Вместе с 679 тысячами десятин Тагильского округа они составляли без пяти тысяч миллион десятин. К тому же Нижний Тагил, место резиденции главного лесничего, насчитывал более 40 тысяч жителей. Располагался он при железной дороге Пермь-Екатеринбург, что также имело значение, так как мои дети учились в гимназии в Перми. По этим причинам в июне 1901 года я принял на себя исполнение предложенных мне обязанностей главного лесничего и учителя в горнозаводской школе, с тем условием, что таксаторские работы будут окончены под моим руководством.

Публикация Татьяны Мосуновой.

(Окончание следует.)

Наталья ТЕКИНА

Анти...

Глава 1

Марьяна Естарховна Сладкова стала мэром Лесодвинска и главой администрации месяц назад. Таких прецедентов еще не было за всю 70-летнюю историю этого северного индустриального городка: чтобы мэр города — и женщина!

Выборы проходили вполне спокойно и, очевидно, без всяких нарушений: не было никаких скандалов, шокирующих разоблачений и других подобных вещей. Все прошло чинно-благородно, как вдруг результаты голосования показали, что из пяти кандидатов электорат предпочел Сладкову. 80 тысяч лесодвинцев гудели, изумлялись и недоумевали: как это могло случиться? Кто за нее голосовал? Вы? Ну и не я тоже, и никто из моих знакомых!

Эту пожилую даму в городе знали еще и до того, как она стала баллотироваться в мэры, благодаря какой-то инициативной группе, которая ее и выдвинула. Марьяна Естарховна всегда очень странно одевалась — выглядела в своих серо-черных одеждах до пят мрачно и несовременно, чем привлекала к себе внимание и заслужила прозвище Инопланетянка. Вечером выглянешь в окно и всякий раз увидишь, как Инопланетянка медленно прогуливается под окнами домов, подметая своей юбкой тротуары, — хоть дождь на дворе, хоть снег, хоть град.

Ее лицо можно было бы назвать приятным, если бы не слишком тонкие губы, какие бывают у самых вредоносных старушенок. Соломенная шляпа с цветами, которую она носила в любую погоду, придавала ей и совсем уж нелепый вид. Пальцы Инопланетянки были унижены массивными серебряными перстнями, а на каждом запястье болталось несколько крученых браслетов из того же металла. Но, несмотря на эпатажность ее стиля, никто не смог бы обвинить Сладкову в недостатке ума.

Марьяна Естарховна умела говорить с чувством, умела убеждать, умела показать свою осведомленность во многих вопросах, умела грамотно разрекламировать себя. Может быть, именно поэтому она и победила. А может, ее предвыборная кампания проходила под самым удачным лозунгом: «Сладкову в мэры — и жизнь станет слаще!». И хотя недовольных ее победой было много не только среди обывателей, но и во влиятельных бизнес- и административных кругах, Марьяна Естарховна сумела заручиться поддержкой всех «больших людей», переговорив с каждым тет-а-тет. Остальных она примирила с собой, выгодно одевшись для инаугурации и пообещав административным работникам всяческих благ. А поскольку жизнь в Лесодвинске не изменилась в худшую сторону с приходом Сладковой — бюджет благополучно утвердили, квартплату не повысили, зарплату не задерживали, — то и успокоились жители Лесодвинска. И даже стали

гордиться демократичностью своих взглядов: они выбрали в мэры женщину! Женские организации феминистского толка и вовсе торжествовали — на всех своих конференциях и семинарах тыкали мэром Сладковой в носы своих коллег, уверяя, что только благодаря им произошло это чудо.

Трехэтажное краснокирпичное здание администрации, вопреки здравому смыслу, находилось не в центре города, а на берегу озера, которое почти окружило Лесодвинск, превратив его чуть ли не в остров. И летом в окна узких, гробоподобных кабинетов залетал шум воды и вопли голодных чаек, что несколько отвлекало административных работников от их обязанностей и навевало приятные мысли о близком отпуске или о том, что уже через 3, 2, полчаса можно будет выскочить или с достоинством выйти из обрыдлого здания и отправиться на своем импортном авто в свои апартаменты. А кто попроще да помоложе, позволял себе гнать после работы на другую сторону озера, где располагался дивный пляж, и купаться там в свое удовольствие. На берегу около администрации пляжную зону давным-давно закрыли, зацементировали и устроили парк для служебных «Волг», «Фордов» и «ГАЗелей». Почти круглый год озерная вода здесь переливалась радугами бензиновых пятен. Правда, вместе с тем где-то имелось постановление, которое запрещало подъезд на машинах к озеру ближе чем на сто метров. Кроме того, не позволялось мыть автомобили на берегу, что регулярно и не слишком таясь делали водители тех самых «Фордов», «Волг» и «ГАЗелей». Но это все мелочи, недостойные чьего-либо внимания.

Марьяна Естарховна, задумчиво глядя в окно на озеро и автопарк, вызвала своего секретаря Евгению Даниловну — пришло время для чая с деликатесными тартинками, приготовленными в административном буфете специально для мэра и с учетом ее вкуса: то есть все восхитительно, но без укропчика и мяса. У мэра и секретаря почти сразу установились доверительные, задушевные отношения. «Секретарь — от слова секрет. Значит, Вы, Женечка, хранительница моих тайн», — благодушно говорила Сладкова. И у них не было секретов друг от друга, во всяком случае, у молоденькой Женечки. Она всегда была рада поговорить по душам с Марьяной Естарховной, которая обладала редким талантом — умением слушать, не перебивая, но в то же время без преувеличенного внимания.

Поедая тартинки с буженинкой, икоркой и маслинкой, Женечка рассказывала Марьяне Естарховне о том, что заместитель мэра Олег Шарипов уже не в первый раз приглашает ее в ресторан.

— С одной стороны, он мне симпатичен, но ведь он

женат! — делилась Женечка, надеясь на благоприятный ответ. — И я никак не могу решиться!

— Ну, конечно же, милая, надо принять приглашение Олега Валерьевича, — щурясь, проговорила Сладкова. — Сколько я знаю от него самого, с женой они находятся на грани разрыва. Мы живем не в 17 веке, и разводы теперь случаются едва ли не чаще свадеб. Дело-то житейское.

— Да, но у него, кажется, есть сын! — Женечка просительно взглянула на Сладкову.

— И что же? Сын останется с матерью, а Олегу Валерьевичу нет никаких препятствий завести новую семью.

И Марьяна Естарховна щелкнула зажигалкой, прикуривая длинную тонкую сигаретку без фильтра и фабричных лейблов. По кабинету поплыл тонкий, но очень навязчивый запах неизвестно чего. Женечка никак не могла понять, чем пахнет, и удивлялась, откуда мэр берет такие диковинные благовонные сигареты, но спрашивать не решалась.

— Тогда я, наверное, договорюсь с ним на завтра после работы. Он предлагает сходить в «Антарктиду».

Женечку перебила трель мобильного, лежавшего на столике перед Мэром. Марьяна Естарховна взяла телефон и удалилась в комнату отдыха, невероятно удобную, расположенную прямо за кабинетом и отделанную звукоизоляционными плитами.

— Да-да! — приветливо сказала она в трубку.

— Здравствуйте, Мирослава! Это вас беспокоит Виолетта Шарипова! — ответил несчастный голос.

— Да-да, милая, как там у вас дела? — пропела мэр и поудобней устроилась в бордовом кресле, приготовившись слушать.

— Все очень-очень плохо. Я, как вы и посоветовали, стала постоянно выказывать ему свое недовольство, начала критиковать его по каждому пустяку... Но вместо того, чтобы заметить меня, он отдалился еще больше! — Виолетта всхлинула. — И теперь Олег стал приходить с работы совсем поздно... Наверное, у него кто-то есть!

— Вы рано отчаиваетесь, милая, — сказала мэр, прищуриваясь. — Специалистам моего агентства удалось достоверно выяснить, что ваш муж действительно задерживался на работе в администрации.

— Но что же мне делать? Отношения, кажется, испортились окончательно!

— Так и должно быть! Это промежуточная стадия. Я же объясняла вам механизмы, приводящие в движение межличностные отношения. Это бесконечные циклы — спады и подъемы. Помните, черная полоса — белая полоса. А мы нашей тактикой просто ускорим прохождение черной полосы и, соответственно, приблизим белую. Давайте, милая, повторим еще раз. Как вы его критиковали? Сообщите мне подробности, — и Марьяна Естарховна прикрыла глаза.

— Ну, я стала замечать его недостатки и комментировать их. У тебя, говорю, скоро вырастет уродливый горб, если будешь так сутулиться за столом!

— Потрясающе! — прошептала Марьяна Естарховна, замурившись от удовольствия. — Что еще?

— Ты чавкаешь за столом, как настоящая свинья, с тобой противно сидеть, говорю. А он на меня зыркнул и ушел из

столовой к себе в кабинет. И сильно хлопнул дверью! — продолжила отчет Виолетта.

— Еще?

— Сказала, что его друг Ужанов выглядит намного спортивней и моложе, хоть они и ровесники. «А у тебя уже брюшко намечается!»

— Так-так-так, все идет просто великолепно, я уже чувствую это, — сообщила Марьяна Естарховна, глубоко вздыхая, — ваш муж вас уже почти... заметил, милая. Негативная реакция на критику вполне естественна, но скоро он задумается: а почему вы всем недовольны? Может, уже не любите его? И вот тогда наступит белая полоса.

— Но когда же это случится?

— Очень скоро, поверьте мне. Итак, продолжаем вести тактику придирок: скандальте, ворчите, утомляйте его! — полушептала Марьяна Естарховна, разглядывая свои перстни. — Желательно устроить парочку истерик без почвы, неплохо было бы довести себя до бешенства и плеснуть в него чем-нибудь жидким... Это дало бы немедленный эффект! Но вы так осторожничайте... Может быть, уже передумали и не хотите налаживать отношения с Олегом Валерьевичем?

— О, Боже! — сказала Виолетта с сомнением. — Это все так странно, то, что вы говорите. Неужели вправду поможет?

— Я вам гарантирую, милая! — сладко прошептала трубка.

Виолетта сидела в своей огромной квартире перед зеркалом, беседуя по телефону и уныло глядя на плакат, повешенный в коридоре сыном. «Жизнь удалась!» На данный момент это не слишком-то соответствовало действительности. Дом полная чаша, а счастья нет. Хорошо хоть сын отдыхал в лагере и не видел эту психологическую тактику придирок.

— Нельзя ли нам с вами увидеться? — попросила Виолетта, уже зная ответ.

— Милая, я с клиентами не встречаюсь. Это не в моих правилах. Но... Возможно, завтра вечером я буду в районе шести часов в ресторане «Антарктида». Не обещаю наверняка, но постараюсь. Придете?

— О, обязательно! — Виолетта обрадовалась, что сможет получить консультацию психотерапевта из кризисного центра лично, а не по телефону, как это происходило уже несколько дней.

— В любом случае, если не приду я, то пришлю кого-нибудь из своих специалистов. Идет, милая?

Виолетта услышала, что в двери заскрежетал ключ. Заместитель главы администрации Олег Валерьевич Шарипов приехал домой на обед. Она быстро попрощалась, сделала перед зеркалом кисло-тосливо-печальную мину и пошла встречать любимого мужа со словами: явился, не запылится!

Глава 2

Марьяна Естарховна еще некоторое время посидела в кресле, улыбаясь и качая головой, а потом вызвала Женечку.

— Милая, пригласите ко мне Ужанова, и пусть захватит с собой проекты празднования Дня молодежи.

Худой и нескладный начальник управления культуры администрации Василий Петрович Ужанов как раз сидел и думал, кого бы из звезд пригласить на гастроли. Сам он терпеть не мог эти концерты на площади и народные пьяные гуляния, но лесодвинскую толпу надо развлекать не только местными талантами.

— 20 тысяч долларов за крупную звезду, 6 тысяч за мелкую! — изумлялся он, глядя в прайс-лист. — Да будь мои деньги, я бы и тысячи не дал! Совсем обнаглели эти звезды. Петь не умеют, а туда же — баксы им лопатой подавай...

От этих размышлений Ужанова отвлекла Евгения Даниловна, попросив немедленно явиться к мэру. Он быстро собрал папочки и поспешил семенящей походкой на третий этаж. Сладкова ему не нравилась — он не любил людей, чьих мотивов не мог понять. А она со всеми была приветлива и ласкова, могла отвлечься от делового разговора, искренне интересовалась личными делами. Зачем?

Постучавшись, Василий Петрович зашел в приемную мэра, вежливо кивнул Женечке и, запнувшись на пороге, бочком протиснулся в кабинет Марьяны Естарховны. Та приветливо указала ему на кресло, куда он и присел краешком попы.

— Василий Петрович! Вы уже выбрали, кому поручить проведение праздника? Давайте обсудим.

— Видите ли, я выбрал три наиболее удачных, на мой взгляд, проекта, — сказал Ужанов и немножко покраснел, потому что один из этих проектов принадлежал его двоюродному брату и, конечно же, показался Ужанову самым приемлемым.

— Надо же, голубчик Василий Петрович! Вы просто трудоголик. Сколько же вам пришлось перелопатить?

Ужанов, лицо которого только-только стало приобретать обычный для себя цвет, опять покраснел, потому что всю аналитическую работу по ста пяти поданным проектам проделала его секретарь. Он достал беленький платочек и вытер им высокий желтый лоб без морщин.

— Сто пять. Гм-хм, — сказал он и взглянул на Сладкову. Она прикуривала сигаретку, щурясь и пронизательно глядя в глаза Ужанову.

— Это очень странно, Василий Петрович, что Олег Валерьевич считает вас занудой и недалеким человеком! — с чувством прошептала Марьяна Естарховна и выдула в лицо изумленному Ужанову струйку сизого дыма, пахнущего чем-то до боли знакомым.

— Что-о? — тоже прошептал Ужанов и стал нервно перебирать листки на столе.

— Да-да, он говорил об этом во всеуслышанье в буфете. Не далее как сегодня утром, — грустно продолжала Сладкова, медленно кивая головой, но не сводя взгляда с бегущих ужановских зрачков. Ее ноздри шевелились, выпускающая вонючий дым. — Вообразите, он сказал, что вы полное ничтожество, дырка от бублика!

Ужанову показалось, что весь кабинет заполнен туманом, а через приторный запах невозможно пробиться даже струйке свежего воздуха.

— Видите ли... — промямлил он, пытаясь поймать свою мысль. — Гм-да. Это и правда очень странно, ведь мы с

Олегом Шариповым друзья... Были друзьями... — Ужанов в который раз дрожащими пальцами вытащил спасительный платок, сорвал очки в изящной серебряной оправе и стал их яростно протирать.

Глаза у него слезились и в голове гудело. Лучший друг, да не просто друг — коллега, можно сказать, брат по кое-каким махинашкам с бюджетными деньгами. И говорит про него такое! В буфете! При всех! Назвал его занудой и ничтожеством! Да сам он после этого...

— Он сказал всем, что вы редкостный трус и постоять за себя не можете! — шелестела Марьяна Естарховна. — Право же, нет ничего достойного в том, чтобы обзывать человека за спиной, вы как думаете?

— Это так неприятно, — тихо сказал бледный Ужанов. — И обидно.

Он уже забыл, что сидит в кабинете мэра и беседует с самой Сладковой на отвлеченные темы. Он представлял, как совершалось это предательство. Административный буфет, как всегда набитый чиновниками, надменные презрительные взгляды за спинами друг друга, лживые изъявления дружбы и признательности, сильный запах денег и качественного дорогого кофе. Объединение в группировки, разединение, перемещение и заговоры. В общем — обычное утро в администрации. И вдруг, как гром среди ясного неба, вызывающе наглый баритон Шарипова — на весь буфет! Все как один повернулись и смотрят на него, и слушают, и удивляются. Крайне редко случалось, чтобы чиновники открыто шли на конфликт друг с другом, все больше исподтишка да интригой. А тут во всеуслышанье, прекрасно зная, что передадут слово в слово и от себя добавят. Так чего же Олег хотел добиться? Еще вчера вечером после работы они расстались друзьями, предварительно выпив по кружке пива в «Звездном» и поглядывая отличный стриптиз. Может быть, кто-то намеренно оболгал Ужанова, чтобы рассорить его с Шариповым? Но теперь, в любом случае, звонить первым и требовать объяснений ниже его достоинства. Он не будет так унижаться. Шарипов его оскорбил, пусть сам теперь и расхлебывает, пусть побегаёт за ним, извиняясь!

Ужанов не мог спокойно сидеть, он встал и начал бегать по кабинету, воображая, с каким удовольствием набил бы Шарипову морду. Его уши горели от досады, стыда и злобы. Марьяна Естарховна молча за ним наблюдала, наконец, затушила сигаретку, открыла окно и по селектору попросила Женечку принести два чая.

Василий Петрович снова сел, схватил проект своего брата и автоматически стал перелистывать. На душе скребли кошки.

— Голубчик Василий Петрович! — как ни в чем не бывало, весело проговорила Марьяна Естарховна. — Чем же вас привлек именно этот проект? Что тут предлагают?

— Видите ли... Этот предприниматель привезет всевозможные развлечения для широких масс, — забормотал Ужанов. — Батуты, резиновые танцующие великаны, грузовики с баллонами для надувания воздушных шаров, автоматы для попкорна, кабинки моментального фото с живой обезьянкой... А самое главное — отличный фейерверк. Пиротехники...

— Что?! — в ужасе перебила его Сладкова, выпучив свои и без того большие болотные глаза. Ее на удивление свежие гладкие щеки затряслись. — Фейерверк?! Зачем? С какой целью? Кому он нужен?

Василий Петрович замолк и, испытывая неловкость за странную реакцию Сладковой, не знал, что и сказать. Даже на время забыл о своих неприятностях. Но Марьяна Естарховна сама взяла себя в руки и ласково улыбнулась.

— Боже! Я так волнуюсь, как бы не выйти из бюджета, — пояснила она. — Ведь фейерверк — это безумно, безумно дорого для нашего города! Сколько он стоит?

— Э-э-э, видите ли... 800 тысяч рублей.

— Ну вот видите! — торжествуя сообщила Сладкова. — Такую сумму и в прямом смысле — на ветер! Вы как думаете? Лучше раздадим всем детям бесплатные шары: их хоть в руках держать можно и куда больше удовольствия, как вы считаете?

Василий Петрович никак не считал, ему было все равно. Сам он никогда не ходил на гуляния и ему было без разницы, дети получат шары или пьяный народ — фейерверк. Он машинально вычеркнул пункт с фейерверком и вписал туда «Раздача шаров». Куда больше его волновало, почему лучший друг Шарипов так по-свински с ним поступил. Ему стало об этом известно совершенно случайно, кто-то по-дружески сообщил все подробности, не оставил в неведении. Кто именно, он не мог вспомнить, да это и не имело особого значения.

— А все остальное отлично спланировано! Думаю, нам надо утвердить именно этот проект, как вы считаете, согласны? — донесся до Василия Петровича вкрадчивый голос Сладковой.

— Праздник будет потрясающим!

— Да-да, конечно, — уныло согласился Ужанов и поплелся в свой кабинет, по пути роняя и поднимая папки.

Глава 3

26 июня, 2002г.

« О боги, упоминание о фейерверке вызвало во мне настоящий страх. Вот бы Любка, если бы узнала, стала злорадоваться. Но я не доставлю ей такого удовольствия. Попробую вести записи, чтобы разобраться в себе и в своих чувствах.

Чтобы жить, я должна питаться флюидами ненависти, потому что я уникам. Любка тоже уникам, но только другого сорта. А я все равно покажу ей, кто в доме хозяин.

Эти люди ничем не рискуют, даже если я немножечко вмешаюсь в их жизнь. Кипение страстей сделает, по крайней мере, их скучное существование интересней и значительней. Без меня они бы погрязли в болоте обыденности. Что делать, если они сами не умеют наполнить свое существование полноценными переживаниями, их эмоции банальные и примитивны, скучней их забот могут быть только заботы червяков. И только мне они будут обязаны движениями своих душ. Мне, а не Любке. Дом — работа — ресторан и никаких эмоциональных всплесков. Я все изменю. Эта четверка — Шарипов, Шарипова, Женечка, Ужанов — обязана мне послужить. Конечно, можно получать

энергию и другим, более простым образом. Например, подойти к квартире какой-нибудь неблагополучной семьи, что, собственно, я раньше и делала по мере необходимости, и получить все, что мне нужно, не предпринимая никаких особенных усилий. Но, боги, какой это суррогат по сравнению с теми ураганными флюидами, которые я могу спровоцировать сама. Я сама создаю ситуацию, сама направляю людей, сама заставляю их питать друг к другу ненависть, сама ловлю это чувство, появляющееся так сказочно внезапно и так неохотно исчезающее. И ни одна живая душа об этом не подозревает. Даже не знаю, что больше воздействует на моих поставщиков — псевдогипноз, в который я их ввожу, или же самокрутки собственного производства из мухомора, черной белены, секуринегги полукустарниковой и майского ландыша.

Опыт моей жизни показывает, что пять минут чистой ненависти наполняют мой организм пятью днями здоровья. К сожалению, накопить здоровье впрок невозможно. Очевидно, есть лимит — 6 месяцев. Дальше получаемые энергетические потоки перестают на меня работать. Запас расходуется примерно с той же скоростью, что и накапливается. Мне необходимо рассчитать этот баланс и использовать силы с умом. Ни к чему растрчивать себя просто так. Кроме того, милая Марьяна, береги свой запас. Ведь я же знаю, что он тратится с ужасной скоростью в присутствии чрезвычайно положительных эмоций. На данный момент я имею 3 месяца и 10 дней в запасе. Немного, но моя четверка вот-вот уже обеспечит остальное. Главное, не пропустить момент. А потом я придумаю, кого еще подоить. Я выбрала отличное место — мэрия. Здесь моему запасу ничто не угрожает, — хоть весь день броди по коридору, едва ли встретишь сильно радостную эмоцию, а хилые эмоцишки мне не страшны. Все-таки надо же, как правильно я рассудила — проникла в самый расщелинник зависти, злопыхательства и интриг. А посетители ходят злые, как черти. Восхитительно! Я могла бы даже ничего не предпринимать и все равно чудесно жить, пополняя здесь свои жизненные запасы, потраченные за стенами этого здания. Но так будет скучно. Гораздо интересней добывать пропитание собственным талантом и умом.

Кстати, идея о психологической помощи и консультации по телефону оказалась невероятно удачной. Необходимо использовать ее и впредь. Кризисный центр, помощь психотерапевта по телефону — звучит солидно. Неудивительно, что лапшу на собственные уши позволяют вешать даже умные люди. Что за наивная доверчивость — пользоваться в беде чужими советами и делать глупости почти не думая.

Как приятно быть мэром! Столько возможностей, особенно в моем исключительном положении! Я оказалась именно там, где мне легче всего наполнять себя. Надо было догадаться об этом раньше, а не проводить часы под окнами, ожидая скандалов, как милости. Теперь я все могу сама. И это только начало. Сколько трагических коллизий смогу я провести среди своих сотрудников, их близких и друзей. И друзей их друзей! Бесконечно много! Я смогу произвольно войти своей мыслью в любую семью и получить, что мне надо. Мой запас всегда будет равен 6 меся-

цам. Я не позволю ему истощиться до трех дней, как в прошлом году. Весна — ужасное время! Все расцветает и хочет любить.

Положительные эмоции прорываются так, что невозможно выйти в общественное место. Кстати, говорят, что в Москве люди злые, как собаки. Надоест здесь, — перееду туда.

Жаль, что мне даже не с кем обсудить свои проблемы. Злобная Любка не в счет, с ней надо держать ухо востро — так и норовит подкопаться. Сидела бы лучше в своей избушке и не высывалась. Давно пора написать себе про саму себя, выговориться — это доставляет удовольствие и помогает собраться с мыслями. Удобней планировать дальнейшие стратегии.

А теперь — о самом главном. Почему я так боюсь фейерверков? Интуиция меня еще ни разу не подводила: очевидно, эмоции тысяч людей при виде этих ничтожных световых козюлек для меня смертельно опасны. Вероятно, этот огромный заряд бессмысленной радости может свети к нулю весь мой жизненный запас и... убить меня. Хорошо, что я наконец-то это сформулировала — пора уметь встречать опасности лицом к лицу и выработать ясный алгоритм действий в борьбе с ними. Во-первых, как мэр я могу не допускать эти явления в городе или же далеко уезжать, если будет невозможно не утвердить эту мерзость. На этот раз, кажется, мне повезло, все было очень просто. Правда, Ужанов, видимо, заметил мое волнение. Надо еще раз погрузить его в псевдогипноз. Впрочем, я, кажется, удачно нашла объяснение. Однако в будущем надо стараться, как это ни сложно, сохранять невозмутимость, говоря о фейерверке. Придется несколько раз прорепетировать с Женечкой (вот счастливое создание с зашторенными глазами). Жаль, что ее интересуют только свои мизерные проблемки — нет в ней полета и глубины.

Самое удивительное, что я никому не желаю зла. Что же делать, если природа создала меня такой — я должна питаться их ненавистью, как они все питаются мясом убитых животных. Я-то хоть никого не убиваю, а всего лишь немножко торможу их эго, как вы считаете? Кроме того, на меня возложены и еще кое-какие обязанности природного характера, но об этом — тсссс, молчок. Это страшная тайна, разоблачение которой может нарушить все физические и химические законы. Если меня погубит фейерверк, то, должно быть, наступит невероятный хаос. Вряд ли даже Любка этому обрадуется.

Печально все-таки не иметь друга и возможности делиться своими мыслями и переживаниями. Пожалуй, я даже одинока, а ведь я, как и любой, тоже нуждаюсь время от времени в чьей-нибудь жилетке. А впрочем, почему бы и нет? Воспользуюсь гипнозом, да и поговорю с кем-нибудь по душам. С Женечкой опасно: все-таки кабинет, мало ли кто может зайти. К тому же у таких зданий бываю уши. Тогда кого же выбрать в наперсницы? Так-так, кажется, есть идея! Где большинство женщин находят благодарных слушательниц и отдых для души? Конечно же, в салоне красоты. Не будет ничего удивительного, если я наведаюсь туда привести себя в порядок. Кстати! Кажется, жена Ужанова держит салон. И если я пойду именно к

ней, то интрига будет великолепно закольцована.

Шарипов — Ужанов — Шарипова — Ужанова — Женечка.

Тогда Ужанова станет не только наперсницей, но и поставщиком флюид, только чуть позже. Сначала получу сугругов Шариповых, подойдет черед Ужанова и Шарипова (необходимо завтра же переговорить с Шариповым), а потом подберусь к семейству Ужановых. Отлично придумано!

Итак, завтра в 6 вечера мне надо быть в «Антарктиде» — подоим Виолетту Шарипову.

Не забыть! Изменить макияжем и насадками лицо, одеться неприметно. А значит, послезавтра днем я вполне могла бы съездить в салон к косметологу, поболтать по душам. Все-таки одиночество давит. Так... решено. Сейчас же скажу Женечке, чтобы все устроило. Вернусь к записям по мере поступления событий».

Марьяна Естарховна потянулась, разминая косточки, похрустела пальцами, потом сохранила файл — назвала его «Мои откровения». Пару минут посидела за компьютером, что-то рисуя карандашиком на коврике для «мыши», но мыслями явно летая где-то очень далеко. Наконец она очнулась, встала и прошла из комнаты для отдыха в свой кабинет, аккуратно закрыв дверь на ключ.

Глава 4

В самом шикарном развлекательном комплексе Лесодвинска, скромно названном хозяином «Антарктидой», всегда обедали только самые состоятельные жители города. Человеку с доходом 200 долларов в месяц вряд ли бы пришла мысль пойти в «Антарктиду» и оставить там за один обед всю свою зарплату. А если кому и приходила шальная мысль побывать в этом ресторане, то ледяное презрение швейцаров навсегда бы отбило охоту повторить такой необдуманный поступок. Лебезили здесь только перед большими кошельками.

Получить приглашение в «Антарктиду» было большой честью, и Женечка побаивалась: не будет ли она выглядеть слишком скромно для подобного места? Сразу после работы Олег Шарипов отвез Женечку домой, дождался в машине, пока она сменила скучный серый костюм на алое вечернее платье, и они прибыли наконец в «Антарктиду». Женечка была здесь впервые и уселась за столик совершенно ошеломленная гиперэкстравагантным дизайном ресторана. Это был огромный снежный дворец с ледяными колоннами, где все блистало, как снег на солнце. Белоснежные мраморные ступени полукругом вели на второй этаж, там, как поняла Женечка, находился еще один зал, прикрытый шапками сверкающих сугругов и огромными, свисающими, нежно голубыми искрящимися сосульками. Олег тихонько пояснил, что там расположен зал для курящих. Этот зал нависал над основным в виде brutального балкона.

Меню, поданное официантом в белом блестящем смокинге с серебряным бантиком на шее, поразило Женечку еще больше — таких блюд она не то что никогда не ела, но даже и названий таких не слышала. Поэтому она предос-

тавила своему кавалеру право сделать заказ. Сама же, стараясь принять непринужденный вид, разглядывала посетителей, жалея, что не удастся побывать в зале для курящих.

А там, спрятанная за сугробом, сидела Виолетта Шарипова и плакала от ревности, ярости, желая убить своего мужа и его ненавистную спутницу в красной тряпке.

Виолетта пришла в «Антарктиду» с полчаса назад, заказала легкий ужин — салат из зелени с дичью, анчоусы с картофелем, заливной язык, форшмак, лимонный мусс, пирожное со взбитыми сливками, коктейль «Зимняя гармония» и принялась ждать Мирославу. Она как раз сидела и думала, как же они друг друга узнают, и даже хотела перезвонить психологу, достала из сумочки телефон, как вдруг увидела собственного мужа, вышагивающего под руку с блондинкой секретарского вида и усаживающего ее за тот самый столик, за которым обычно супруги Шариповы обедали. Виолетта возблагодарила Бога, что сидит сейчас в зале для курящих и наблюдает за ними, сама оставаясь незаметной.

Это был хоть и не гром среди ясного неба, но все-таки потрясение и достаточно неожиданное. Виолетта пыталась всеми силами вернуть мужа, для чего и воспользовалась услугами кризисного центра, узнав о нем из рекламного листка, который нашла в своем почтовом ящике. Реклама обещала, что психотерапевт научит грамотным действиям для разрешения семейной драмы любой сложности. Гарантия — 100 процентов. И только Виолетта начала действовать по советам этой дивной женщины, как все разрушилось окончательно. Измена налицо. Что же теперь делать? Вдруг у Виолетты мелькнула надежда, что это всего лишь деловой ужин, но в очередной раз, выглянув из-за своего сугроба, она увидела, как мило болтают те двое, и она даже взяла ее руку. Это было последней каплей. И Виолетта заплакала от обиды и злости, не зная, что предпринять.

Все в жизни Виолетты складывалось так, как ей того хотелось. О чем бы она ни помечтала, все со временем исполнялось. И такой удар — вероятная перспектива остаться одной с десятилетним сыном. Вспомнив о сыне, Виолетта сурово сжала губы, взяла ножичек для мяса, морально приготовившись к бою, и уже было поднялась, но устыдилась устраивать сцену на людях. И она продолжала время от времени выглядывать и кипеть от ненависти и строить планы ужаснейшей мести. Ее щеки и уши разгорелись, глаза заблестели не хуже сосульки, висящей справа от ее столика. Она то собиралась выпрыгнуть из укрытия и надавать пощечин, то хотела просмотреть все до конца.

До Виолетты донесся слабый аромат ландыша и чего-то еще, и, как ни странно, этот запах ее немножко успокоил. Она заказала еще один коктейль — «Снежная королева» — и посмотрела на часы. Мирослава опаздывала. Ситуация кардинально поменялась, поэтому Виолетта взяла мобильник, но абонент оказался временно недоступен. Тогда она решила не пороть горячку, дождалась, пока ненавистная парочка ушла, и отправилась пешком домой, обдумывая на ходу все, что случилось, и заново переживая обиду. Она чувствовала себя совершенно измотанной,

выжатой, как лимон, и, кроме того, не могла избавиться от ощущения, что кто-то смотрит ей в спину. Но всякий раз, когда Виолетта оборачивалась, она видела пустую улицу или людей, спешащих по своим делам. На подходе к дому она опять позвонила своему психотерапевту.

— Да-да! — сладким шепотом ответила трубка.

— Я вас ждала! — сразу начала Виолетта. — Произошло такое! Я вся разбита!

— Расскажите, милая, со всеми подробностями. Я немало задержалась, но теперь нахожусь совсем недалеко от вас. Вообразите, мы как будто сидим за одним столом. Итак, что случилось, что вы испытали?

И когда Виолетта выговорилась, обозвав мужа всеми возможными ругательствами, трубка ласково спросила:

— Вы точно хотите мести? Таковы ли ваши чувства на самом деле? Если да, милая, то это прекрасно, потому что это самый верный способ навсегда приковать к себе любимого человека — жестоко отомстить ему. Если же вы простите, то измены будут повторяться бесконечно.

Виолетта горячо подтвердила свое желание наказать изменника, усиленное еще и видом закрытых окон их квартиры. Если бы Олег был дома, то он по своей привычке открыл бы их. А это значило, что он остался у этой красной тряпки, и вряд ли они в эту минуту пьют чай. Виолетта вздохнула и ощутила едва уловимый запах не то пряностей, не то полевых цветов. А принюхавшись, поняла, что над ней неуловимо витает аромат ландыша, который она уже слышала в ресторане. Видно, это был какой-то ароматизатор воздуха, которым пропиталась даже одежда.

— Через некоторое время я позвоню вам сама, — деловым шепотом продолжала Мирослава.

— До тех пор ничего не предпринимайте и постарайтесь притвориться, как будто вы ничего не знаете. Верьте, милая, он у нас локти кусать будет!

Когда Виолетта ложилась спать, Олега еще не было. Он разбудил ее, включая ночник, в два часа и пробурчал что-то насчет деловой поездки за город. Быстро разделся, воткнул свою бриллиантовую булавку в портьеру, завалился рядом и тотчас захрапел. А Виолетта еще долго лежала без сна, мучимая злобой и радуясь, что у нее есть такая потрясающая поддержка — таинственная Мирослава.

Глава 5

Шарипов пришел в приемную в назначенное время, подмигнул Женечке, с которой они вчера отлично провели время. Дома этот вечер опять кончился бы скандалом — жена в последнее время стала абсолютно невыносимой. Он и не подозревал, что она может быть такой склонной, то ли дело Женечка — милая, улыбчивая, веселая. Купи ей колечко — и радости будет на месяц. Как никогда Шарипов был близок к тому, чтобы послать Виолетту ко всем чертям. Ее нытье каждую секунду его бесконечно раздражало. Сегодня утром она ни с того ни с сего сказала ему: «Козел недорезанный!». Пришлось хорошенечко стукнуть ее, а потом молча удалиться, чтобы не слышать этого дурацкого рева. А по дороге на работу он всерьез думал о том, что пришло время рвать эти опостылевшие отношения.

Выйдя из задумчивости, Шарипов обнаружил, что стоит

посреди кабинета, а Сладкова пристально его разглядывает и даже как бы принохивается.

— Извиняюсь, — сказал он, скорчив недовольную мину, предполагая, что так выглядит по-деловому, — задумался о житье-бытье.

И плюхнулся в кресло, приглатываясь обсудить вопрос по расселению 20-го общежития, находящегося в аварийном состоянии. Сладкова продолжала молча курить, глядя ему в глаза. Наконец пересела ближе и прошептала.

— Ваша жена спит с Ужановым.

— Чего? — от неожиданности Шарипов не нашелся что сказать и только почесал пятерней с золотым перстнем стриженный под ежик затылок.

— Вы заметили, что она стала странно себя вести? А Ужанов? Вы не виделись с ним вчера? Вряд ли он сможет посмотреть вам в глаза.

— Полная бредятина, — невежливо проговорил Шарипов. — Васька знает, что я убью всякого, кто позарится на мое добро! Брехня!

А сам подумал, что Сладкова заходит слишком далеко. До неприличия далеко. Какое ее собачье дело до личной жизни подчиненных? Прежде он не замечал, чтобы она сплетничала.

— Но подумайте сами, голубчик, ведь он говорил об этом час назад в зале заседаний, при большом скоплении народа! — прошептала Сладкова, потушила сигаретку и обычным тоном сказала:

— Так что там у нас с общежитием? Будем предлагать жильцам кредит на жилплощадь или переведем их в бараки?

— Ну, конечно, в бараки. Стены крепкие, нормальные удобства на улице. Сейчас лето — переберутся. А я к вам зайду позже, мне надо срочно решить одно дело, — сообщил Шарипов, надвинув брови почти на глаза, и, не дожидаясь ответа, вышел.

— Идите-идите, голубчик, — вслед ему пропела Сладкова. — Идите и живите страстями. То ли еще будет!

И она медленно прошла в комнату отдыха, открыла файл «Мои открытия» и стала быстро писать.

« 27 июня 2002 г.

Как это было чудесно-чудесно-чудесно! Я сидела совсем рядышком с Виолеттой. Все прошло на удивление просто. Никто не узнал лицо мэра — кудрявый парик, темные очки, накладной нос, неприметный грязно-бежевый костюм. О боги, Виолетта оказалась настоящим генератором ненависти — ненависть струилась из нее непрерывным потоком, и я впитала все. До капли! Непередаваемое наслаждение — сидеть рядом с источником-поставщиком и не просто втягивать от него флюиды ненависти, а еще и наблюдать за выражением его лица. Я была на седьмом небе от счастья. Виолетта подарила мне чистых 140 минут ненависти. Я надеюсь, что, когда мы придумаем месь Шарипову и совершим ее, он даст мне не меньше. Даже сейчас, когда он был у меня, я почувствовала его неприязнь к жене, он уже готов ее ненавидеть. Bravo мне! Тактика придинок и упреков тоже, видимо, прошла небезрезультатно.

Итак, мне нужно все хорошенько продумать, завершить линию Шарипов — Шарипова. Не пропустить линию Шарипов — Ужанов, она вот-вот разрешится скандалом, сейчас схожу, проверю, как там дела. А затем перейду к семье Ужановых. Главное, не переборщить, не буду забывать, что я делаю это во имя своей жизни. Поэтому не забыть завести блокнот, где вести учет и соблюдать баланс прихода и расхода своей жизненной силы. Взять за правило не играть людьми, если не будет прямой необходимости пополнить свой запас. Это все. Да, завтра поеду в салон красоты, очень хочется поделиться сокровенными мыслями. Может, и не стоит в наперсницы брать Ужанову, ведь ее еще предстоит доить. Хотя какая разница, псевдогипноз не даст ей запомнить мои слова. Решено, пусть это будет Ужанова. Это так захватывающе, она многое будет знать и в то же время не будет знать ничего. О, пора на банкет, меня уже ждут. Времени на обыденную работу почти не остается — как хорошо иметь раздутый аппарат, много замов и помощников по всяким там вопросам, которые прекрасно справляются с моей работой.

Знай сиди, подписывай постановления. Впрочем, завтра у меня приемный день — назначено, кажется, 45 посетителям. Что ж, придется взять выходной, ведь я собралась в салон. Решено, завтра я здесь не появлюсь. Чао, Марьяна! Приятного отдыха! Чу! Кажется, уже что-то происходит! Бегу ловить!»

Процессор загудел, сохраняя написанное.

Василий Ужанов размахнулся и изо всей своей невеликой силы врезал раскрытой ладонью Шарипову в ухо. Тот покачнулся, брильянтовая булавка сверкнула, отразив солнечный луч. Шарипов громко крякнул, сжал кулак и почти профессионально сломал бывшему другу нос. Ужанов завалился на стулья, грохоча и заливая серое ковровое покрытие своей кровью.

— Дебил! — пробурчал Шарипов и выкатился из кабинета, куда тут же заскочила секретарь Нина Игнатьевна, и немедленно завизжала.

Уходя вниз по лестнице, Шарипов заметил черное платье мэра, исчезнувшее за углом.

Побоище стало главной темой обсуждения на банкете по случаю проводов заслуженного работника на пенсию, куда не явились ни Шарипов, ни Ужанов. Поэтому всю информацию доставляла Нина Игнатьевна и сводилась она к следующему. Шарипов ворвался к Ужанову, несколько минут они разговаривали на повышенных тонах, но, как ни прислушивайся под дверь, невозможно было понять, о чем речь. А потом Шарипов вышел с бордовым ухом, а Ужанов остался лежать до приезда скорой. Это все, что Нина Игнатьевна смогла сообщить интересующимся, которых был полный банкетный зал. Все остальное время чиновники строили догадки о причине ссоры, и каждый уверял и чуть ли не божился, что его версия самая правдоподобная. Но ни одна из них не соответствовала действительности, и об этом знала только Марьяна Естарховна Сладкова.

Глава 6

— Давайте-ка посмотрим, в чем мы нуждаемся, — нежно ворковала хозяйка салона красоты, дипломированный косметолог Яна Валерьевна Ужанова, внимательно

разглядывая лицо Сладковой.

Она была очень польщена визитом мэра и тем, что та выбрала именно салон «Красавица», а не какой-нибудь другой. Обычно дамы из администрации, к Янинуمو неудовольствию, посещали «Светский салон» или «Маргариту». Сомнений в этом не было: хозяйки салонов иногда встречались по деловым соображениям, кое-чем делились, кое-что друг от друга утаивали, устанавливали ценовую политику, и каждая не забывала так, вскользь, упомянуть несколько имен самых богатых своих клиенток и пояснить, что именно эти клиентки пожелали с собой сделать. Теперь-то Яна рассчитывала утереть носы конкуренткам, и от этого ее настроение резко улучшилось, а болтливость перешла все границы. Яна даже перестала думать о мужнином носе — до такой степени отвлеклась.

— Вы великолепно выглядите. Сколько вам? Пятьдесят-пятьдесят один? Я почти врач, мне вы можете сказать.

— Вы, Яна Валерьевна, верно, не участвовали в выборах? Иначе вы знали бы, что мне уже шестьдесят один год, — скромно ответила Сладкова.

— Что вы говорите? Не может быть! — изумилась Яна. — Впрочем, в этом возрасте всегда кое-что можно улучшить.

И Яна Валерьевна стала тщательно мыть руки жидким мылом, постоянно оглядываясь на Сладкову и болтая.

— Сегодня мы сделаем фитопилинг, начнем курс косметического массажа. Немножечко поднимем тургор лица. Подлечим некоторые участки дарсенвалем, а напоследок пару масочек. У нас кожа засияет!

Яна подошла к Сладковой и аккуратно наддела ей на голову белую шапочку, заправив волосы.

— И будем готовиться к избавлению от этих глубоких носогубных и лобных морщин, они нам совсем ни к чему! Я думаю, сделаем ботокс. А впрочем, при вашем типе кожи лучше будет вставить золотые нити.

Она снова отошла к трельяжу, обдав мэра волной горько-пряных духов. В ее салоне работникам категорически запрещалось пользоваться туалетной водой, мало ли у кого какие вкусы, клиенты не должны терпеть неприятный для себя запах. Сама Ужанова чувствовала бы себя не в своей тарелке, если бы утром не вылила на шею полфлакона духов.

Марьяна Естарховна полулежала в кресле и только-только собралась прикурить, как Яна, увидев это в зеркало, подскочила к ней, нежно вырвала сигаретку и, округлив глаза, затараторила.

— Нет-нет-нет! Только не это! Это чрезвычайно вредно для красоты! Зубы и пальцы желтеют! Кожа дрябнет! Организм высыхает! Дорогая Марьяна Естарховна! С сегодняшнего дня говорю себе: «Я не хочу курить и не буду!». Вот увидите, у вас получится!

И Яна Валерьевна торжественно выбросила сигарету в мусорное ведро. Сладкова была несколько ошарашена таким натиском, но промолчала. Довольная Яна нависла над немолодым, но свежим и упругим лицом Сладковой и принялась колдовать, бормоча и непрестанно восхищаясь:

— Шестьдесят один! Это поразительно! Для подтяжек-ки сделаем еще лифтинговую программу, впрочем... Я без-

мерно удивлена, вы выглядите необыкновенно молодо для своих лет! Такого я еще не видела! Скажите, вы не пьете энергетические коктейли?

— Нет, милая, — прошептала Сладкова, ловя взгляд Яны Валерьевны. — У меня есть средство получше!

— Что вы говорите! Какое же? Я бы многое отдала за этот секрет! — Яна даже перестала копошиться, выпрямилась и устала на посетительницу.

— А что бы вы сказали, если бы это средство наносило кому-либо вред? — Марьяна Естарховна тоже присела и приблизила лицо к Яне Валерьевне.

— О, Боже! Вы умываетесь кровью козы?

— Нет. Это вред несколько другого толка. Я руковожу людьми, я ссорю их, я питаюсь их чувствами! И чем сильнее они ненавидят друг друга, тем лучше я буду выглядеть.

Яна Валерьевна неуверенно улыбнулась, собираясь принять подобную нелепость за шутку, но так и осталась с полуулыбкой, потому что Сладкова не шутила, а серьезно глядела ей прямо в глаза.

— Вы мне не верите? Хорошо. Думаете, почему сломали нос вашему мужу? Я поведаю вам, как легко было это устроить.

Рассказывая, она закурила, а Яна даже и не вспомнила о своем намерении отваживать всех, кто попадет под руку, от вредной привычки — так она была ошеломлена заявлениями почетной клиентки.

Через 10 минут она уже знала все причины семейных неурядиц Шариповых и проблемы ее мужа.

— Так вы злостная интриганка! — вскричала импульсивная Яна, воздевая руки к потолку. — Но почему вы думаете, что я никому ничего не скажу?

— А потому, милая, что вы сейчас находитесь в псевдогипнозе и обо всем забудете. Более того, вас и Василия Петровича я тоже собираюсь подвергнуть своему влиянию! И хотела бы обсудить с вами кое-какие аспекты...

— Но для чего вам это надо? — перебила Сладкову Яна.

— Как же, милая, вы забыли, с чего начался разговор? Для своей молодости, красоты и здоровья! Но я вижу, моя затея поговорить с вами была не самой удачной. Вместо того, чтобы проникнуться ко мне сочувствием и внимательно слушать, вы то и дело сыплете вопросами. Мне это надоело. Перед тем, как я уйду, а вы все забудете, я хочу узнать: вы не обиделись?

Яна Валерьевна грызла свой маникюр и все ждала, когда же мэр соизволит объяснить, что это был затянувшийся розыгрыш.

— Я думаю, а не психическая ли это у вас болезнь? Ну... в смысле... — Яна поводила рукой над своей головой. — Есть такие, что лезут постоянно в кукловоды.

Марьяна Естарховна шепотом рассмеялась.

— О, Боги! Жизнь постоянно тычет людей носами в то, что есть на самом деле, а они или делают вид, что ничего не замечают, или списывают это на психиатрию. Да знаете ли вы, что каждый предмет, который вас окружает, имеет свою силу или свою слабость, то есть сакральный смысл! Откройте глаза, и вы его увидите. И вы сможете им пользо-

ваться! Например, какой предмет я ненавижу более других — о том не скажу, это смерть моя. Какой не люблю? Алмаз! Он же бриллиант! В нем скрыта чудовищная сила! Он появился от сияния солнца, имеет целебные и защитные свойства, он вселяет в человека непобедимость. Вот его свойство, и он постоянно наполняет им своего владельца. Какое счастье, что этот дорогой материал редко встречается на моем пути!

Яна Валерьевна слегка поежилась и невольно приложила руку к груди, где под халатиком висел золотой козорог с тремя бриллиантами — подарок мужа.

— Что я обожаю? — продолжала Сладкова, все больше воодушевляясь и размахивая перед Яниным носом сигаретой. — Галлюциногенные мухоморы с примесью некоторых трав. Курить их — большое удовольствие, а дым создан в помощь псевдогипнотическому воздействию, которое вы сейчас имеете возможность ощущать. Но нет! Люди слепы, как кроты. Что ж, это и к лучшему, должно быть.

«Наркоманка! Да еще и сдвинутая!», — решила Яна, от ужаса оцепенев на стуле.

— Так вы меня прощаете, Яна Валерьевна?

— Я буду сопротивляться, — неуверенно произнесла Яна.

— О, милая, поверьте, это бесполезно. Как можно сопротивляться тому, о чем не подозреваешь? А мне просто хотелось поговорить, но вижу — зря. Вы мне не верите, и вместо достойной беседы получилась ерунда. Очень жаль, право! Не понимаю, на что я надеялась?

Марьяна Естарховна раздосадовано кинула окурок через всю комнату в ведро и бодро проговорила:

— Итак, лифтинговая программа! Но это же чудесно! Право, я очень довольна, что выбрала именно ваш салон. Дело к выходным, поэтому приступим на следующей неделе.

Глава 7

«Боже мой! Боже мой!» — думала Яна и бежала к телефону. Она знала от мужа подробности их ссоры с Шариповым, но поняла только, что взаимные оскорбления, закончившиеся дракой, начались прямо с порога, без всяких объяснений. Ни один не пытался понять, какая муха укусила другого. И вот выясняется, что ко всему этому приложила руку Сладкова! Она так странно выражалась, будто помешанная. Дымила своей противной сигаретой и уверяла, что Яна ни слова не запомнит из их беседы и, более того, сама станет жертвой ее интриг. Все это чрезвычайно странно, но прежде всего Яна хотела удостовериться, действительно ли Сладкова стравила ее мужа с Шариповым. Ни в какой гипноз она, разумеется, не поверила — ведь помнит же весь разговор. Значит, вероятней всего, Сладкова просто сошла с ума.

Вася тут же снял трубку.

— Василек! Кто тебе сказал, что Шарипов про тебя в буфете трепался?

— Кто? Видишь ли, Яночка... Кажется... Нет, что-то не припомню. Ну, кто-то сказал, нашлись хорошие люди. А что?

— Вспоминай, Вася! Ну же, вспомни хорошенько, кто?

— Да не помню я. И какая разница, я на это быдло в суд

подам!

— Так ведь ты же, кажется, первый его ударил?

Яне стало очень тревожно, что версия Сладковой начала подтверждаться. Ее муж никогда не страдал склерозом, а напротив, обладал фотографической памятью на лица и даже на события. И не мог он забыть такую важную деталь!

— Ты, думаю, не будешь против. Этот урод словно белены объелся, когда прискакал ко мне. Вспыл, что я унизил его жену, угрожал. А я, конечно, назвал его сплетником и сказал, что мне его жена даром не нужна. А потом он тебя таким словом обозвал! Повторять не буду! Ну, я и вмазал ему по первое число, — гордо закончил Ужанов.

Яна решила пока ничего не говорить мужу и тут же набрала номер Шарипова.

— Олег? Это Яна. Вчера тебе одна женщина сказала, что Вася хвастался, будто спит с Виолеттой, так?

— Да, так. А о чем базар? — холодно поинтересовался Шарипов.

— Ты помнишь, кто сказал?

— Сладкова. Дальше?

— Так ты помнишь это? — обрадовалась Яна.

— А что, я похож на маразматика, который не помнит, что с ним было день назад? — Шарипов явно обиделся.

— Боже мой, так это правда! Она действительно этим занимается! Ну и стерва!

— Кто стерва? — раздраженно спросил Шарипов.

— Через полчаса встречаемся в «Звездном». Олег, я тебе такое расскажу! Будем раскрывать заговор! — торжественно произнесла Яна.

Никогда еще она не чувствовала себя так тревожно-взбудораженно, и ей нравилось это ощущение. Правда, она даже и не представляла, что конкретно они с Олегом могут сделать, как вывести Сладкову на чистую воду. Но почему бы и не попробовать? Мужа она пока решила не посвящать в курс событий: раз он не помнит самого важного, значит, поддался сладковскому гипнозу. А вот она, видимо, сильная личность! Впрочем, и Олег, выходит, тоже. Яна Валерьевна быстро пробежалась по салону, надавала указаний и отправилась на встречу.

Ей пришлось дважды пересказать Олегу содержание своей беседы со Сладковой, особенно останавливаясь на той части, которая касалась Виолетты. Он же никак не мог поверить в безумие Сладковой или какие-то ее гипнотические возможности. А главное, понять, зачем ей все это надо. Но Янин рассказ слишком сходил с всем, что произошло вчера, и со странностями в поведении жены в последние несколько дней. Кроме того, Олег Шарипов действительно помнил сплетни Сладковой и даже припомнил, что, когда он выходил из кабинета, она вдогонку сказала что-то насчет страстей: живите, мол, не просто так, а со страстями. Это ему еще тогда показалось странным.

Яна начала убеждать Олега, что во всем этом необходимо разобраться. Нельзя же, в самом деле, оставить просто так ситуацию, когда мэр в твоем городе — чокнутая баба, желающая везде разводить скандалы.

— Короче, так! — принял решение Олег. — Сегодня Сладкова в отгуле или там в командировке, что едино, а нам

нужны доказательства. Иначе это будет пустой базар. Поэтому я сейчас позвоню Женечке. Уверен, она мне не сможет отказать. И мы с тобой пошарим в сладковском кабинете. Может, найдем компроматы. Найдем там сигареты ее, если ты говоришь, что они с наркотиком, сдадим их на анализ в лабораторию и обнаружим это дело. Может, она и имеет гипнотический дар, раз Васька ни шиша не помнит, но, скорее всего, крыша у нее поехала от травки.

— Кстати, Олег! А почему ты и я все помним тогда? Мы сильные личности?

— Думаю, да! Васька-то малохольный, его задурить проще пареной репы.

Яна не обиделась за мужа — на правду ведь не обижаются.

Женечка не очень-то обрадовалась шариповской просьбе, она две секунды боролась между желанием услужить ему и страхом быть пойманной. В итоге решила дать доступ к кабинету, но предупредила, что сама пойдет в буфет, а случись что — она знать ничего не знает. Олега с Яной это вполне устраивало. Когда они подъехали к администрации, в их распоряжении оказалось два часа до того момента, как охранники пойдут сдавать этажи под сигнализацию. И они с предосторожностями, как воры, пробрались в кабинет, открыв дверь ключом, предупредительно оставленным Женечкой на столе в приемной. Она уже с места вопиющего преступления — обыскивать чужой кабинет, да еще принадлежащий главе администрации — прудусмотрительно исчезла.

— Итак, что же мы будем искать? — спросила Яна, наслаждавшаяся приключением.

Она ничем не рисковала, придя сюда. Ну, потеряет разве что Сладкову как клиента, если их застукают, и только. Шарипов тоже не волновался, его и по жизни как-то мало что задевало.

— Ищем наркоту, — сказал он, методично выдвигая ящики стола. — Чего ты там говорила, галлюциногены?

Неожиданно хлопнула дверь и в приемную кто-то медленно вошел. Шарипов, не раздумывая долго, схватил Яну за локоть, другой рукой повернул ключ, торчащий в замке смежной комнаты, и нырнул туда, тихонько прикрыв дверь. Но и там, в секунду окинув взглядом интерьер, подбежал к шкафу-купе, толкнул туда Яну, запрыгнул сам и задвинул дверцу. На карте стояла его карьера, и ему меньше всего хотелось объяснять кому бы то ни было, что он делает с женой Ужанова, которому на днях сломал нос, в кабинете мэра.

Спустя долгих пять минут в комнату кто-то вошел, включил компьютер, и приглушенный сладковский голос сказал:

— Это полное безобразие. Оставить кабинет открытым и уйти!

Через несколько минут Сладкова стала приноживать-ся:

— Да что это такое? Чем пропахли все мои апартаменты? Кто здесь был? — она встала и прошлась, шевеля ноздрями, по комнате. Снова вышла в кабинет и вернулась назад.

Шарипов сдвинул Янино плечо и почти увидел, хоть и не мог видеть, как она невинно пожимает плечами. Ведь он

сам всегда чуть ли не задышался в обществе жены друга. Где бы она ни прошла, за ней надолго повисал горько-пряный след, а сейчас эта непродуманная деталь может их завалить! И Шарипов стал сочинять, что можно сказать Сладковой, вылезая из ее шкафа. Ничего лучшего, чем «Здравствуй, попа Новый год!», в голову не приходило.

Марьяна Естарховна уселась обратно за компьютер и прошипела:

— Ужанова! Салон красоты! Она была здесь! Что ей надо? Зачем она проникла сюда? Неужели могло случиться, что гипноз на нее не подействовал? Исключено!.. Если только... Неужели на ней мог оказаться бриллиант? Где? Ни колец, ни сережек... Вдруг это не она здесь была? Вдруг это просто у Женечки такие же духи? На всякий случай уничтожу в компьютере все, что писала. Так, дилэйт, ЕС! Все. И поеду-ка сейчас в салон, посмотрю на нее.

Марьяна Естарховна в спешке выключила компьютер неправильно и помчалась искать Женечку, закрыв дверь на ключ.

Незваные гости, кое-что понявшие из невнятного бормотания Сладковой, выползли из шкафа, хрустя затекшими конечностями.

— Что-то я не врубился, поясни мне, пожалуйста, каким образом гипноз связан с бриллиантами? У меня вот, например, бриллиантовая булавка, — и Олег гордо указал на галстук.

— Ах, вот как! — протянула Яна, обманувшаяся в мысли о своей исключительности. — Ну да. Она болтала что-то о смысле бриллианта, как будто он обладает какими-то защитными свойствами. Выходит, поэтому на нас и не подействовал ее гипноз. У меня вот кулон.

— Да это полная бредятина, — ухмыльнулся Олег, — бриллианты здесь слева, в этой ситуевине. А гипнотизерша она или нет, это еще большой вопрос! По-моему, она просто сбрендившая баба, которую пора ликвидировать.

Яна рассердилась:

— Да как ты не понимаешь, что она очень опасна. Вспомни, как она науськала твою жену! Я же тебе передала ее похвальбу слово в слово. Она и правда гипнотизер! Какой кошмар! Как же мы будем ее разоблачать?

Олег опять ослабился и включил сладковский компьютер. Он не верил, что женщина может быть с этой машиной на ты. Но его ждало небольшое разочарование — «Ваш пароль?».

— Пароль... пароль... Какой может быть пароль у нашей Инопланетянки? Сладкова? Нет. Первые буквы имени — МЕС? Тоже нет. Есть идеи?

Яна стояла за его плечом, предлагая различные варианты, начиная «космосом» и заканчивая «затмением», как вдруг вытянула коврик из-под мышки и сказала:

— Гляди-ка! Какое-то слово накарябано!

Карандашом на коврике было написано и много раз обведено слово «hate», так что оно сразу бросалось в глаза, едва мышь съезжала с центра коврика.

— Хате! — прочел Шарипов. — Ну и что? Что это за «хате» такое?

Яна закатила глаза и с оттенком превосходства спро-

Художник Оксана Войтюк.

сила:

— Слушай, Шарипов, ты хоть восемь классов общеобразовательной школы закончил? Первый замглавы по социальным вопросам! «Хате» — это значит «ненависть». И я почти уверена, что это и есть пароль!

— У меня высшее юридическое образование. Куплено, сама знаешь. Но смотри, палку не перегибай. Не нарывайся, — прошипел Шарипов, задетый за живое. Русское написание — ненависть — было принято машиной.

— Так и есть! — довольно хмыкнул Шарипов, просмотрев «Корзину». — Компьютер не такой дурак, чтобы безвозвратно что-либо уничтожить с первого раза. А вот и «Мои откровения», от которых хотели избавиться 11 минут назад. Давай-ка выведем их на печать и посмотрим...

— А если она вернется?

— Ты сама знаешь, куда мы тогда залезем. Скорее, вернется Женечка нас вызволять. Думаю, она уже получила втык.

Только Шарипов отключил компьютер и взял отпечатанный текст, как послышался скрежет открываемого замка, и посетители вновь скрылись в тесном шкафу.

— О, Боже! Где он? — воскликнула Женечка, бледная от только что пережитого ужаса. Сладкова была в ярости, допытывалась, был ли кто-то в кабинете в ее отсутствие, пеняла секретарю за неосмотрительность, с которой та оставила важный стратегический объект без присмотра. И вообще сцена нагоняя получилась не из приятных. Особенно же, когда Сладкова стала ее обнюхивать и уверять, что кабинет насквозь пропитан духами! Теперь и Женечка убедилась, что это действительно так. А изумлению ее не было предела, когда следом за Шариповым из шкафа появилась жена Ужанова (Женечка ее помнила по предпоследнему банкету, на котором та выглядела очень экстравагантно и тоже благоухала, как майская роза).

Яна приветливо улыбнулась и пояснила:

— «Рошуа»! 72 часа стойкости! 300 баксов за 50 миллилитров.

Вдаваться в подробности этого чрезвычайного происшествия Женечка не хотела: меньше знаешь, крепче спишь. Миглом вывела парочку из заключения и только потом вздохнула более-менее спокойно, заодно порадовавшись, что Шарипов теперь кое-чем ей обязан.

Заговорщики решили поехать в «Антарктиду» перекусить и в спокойной белоснежной обстановке прочитать записки, которые, вероятно, должны скомпрометировать мэра. Усевшись за тот самый сугроб в зале курящих, за которым страдала Виолетта, они принялись за чтение. Шарипов передавал листки Ужановой, и лицо его постепенно вытягивалось. Яна, более-менее подготовленная, ожидала прочесть все что угодно, но только не записки сумасшедшей. Отодвинув последнюю страницу, Олег сидел молча с совершенно обескураженным видом, граничащим с брезгливостью.

— О my god! — наконец воскликнула Яна. — Нет, ну надо же! Да ведь она абсолютно чиркинутая! Нет, ты посмотри, посмотри, что она пишет про меня! А про твою жену! Кошмар!

Яна опять и опять ворошила листки, перечитывая наиболее поразившие ее моменты.

— Она сдурела, и это очевидно, — согласился Шарипов. — А если она на самом деле умеет гипнотизировать, как уверяет в этих записульках, то ее срочно надо: чик-чик!

Но Яна не была сторонницей чик-чиковского метода. Она грустно качала головой и поражалась, как мог появиться в городе мэра абсолютно невменяемый и, главное,

как теперь это доказать?

— А то можно в элементе надеть копии и пустить их в горсовет и по организациям. Пусть развлекаются! — предложил Олег, представивший, какой скандал мог за этим последовать и как будет подмочена репутация Сладковой.

— И что же? — возразила Яна. — Она объявит это провокацией. Или объяснит, что пишет художественное произведение на основе фактов из жизни мэрии. И все останется по-прежнему. Нет! Мы должны каким-то образом спровоцировать ее, чтобы она перестала притворяться нормальным человеком!

— Наверное, ты права. Тогда ее просто отправят в дурдом на лечение да там и забудут, потому что вылечить такую патологию — без мазы!

Яна сделала губы уточкой, чтобы отпить чай и не испортить при этом контур губ, и чуть не поперхнулась от блестящей идеи, только что пришедшей в голову.

— Слушай, что она там пишет насчет фейерверка? Она уверена, что это ее убьет, и отменила салют. Так? Значит, она действительно его боится. А из этого следует, что если мы все-таки закажем фейерверк втайне от нее и заставим ее присутствовать, то она наверняка поведет себя неадекватно! Ее больная психика должна что-нибудь выдать! Ой!

Яна вспомнила, что выпучивать глаза и слишком задирать брови вредно для красоты: от этого образуются морщины. Поэтому наложила на лицо печать спокойствия и поинтересовалась.

— Ну, как тебе такой план?

— Что ж, пожалуй, можно попробовать, — раздумчиво сказал Шарипов, очень пожалев, что это не он придумал. — А как ты собираешься рассказать обо всем Ваське, ведь без него фейерверк не устроить?

Яна вовсе не хотела вмешивать сюда мужа и полагала, что в случае неудачи ответственность мог бы понести и один Шарипов.

— Нет, ты первый замглавы или сорок первый? — возмутилась она. — Разберись с фейерверком самостоятельно! Возьми деньги из какого-нибудь фонда, потом, когда все раскроется, и отчитываться не придется. Взято на салют — и все дела!

Шарипову это не слишком понравилось, но, поразмыслив, он решил, что нежелательных последствий избежать легко. Сколько раз он снимал деньги на личные нужды — и ничего! Это он сам всех проверяет на финансовую чистоплотность, а кто проверяет его — те давно подмазаны раз и навсегда. Так что все будет шито-крыто.

Олег и Яна решили никого не посвящать в свои дела до той поры, пока не произойдет развязка. Потом они могли бы устроить пресс-конференцию по разоблачению мэра и подробно изложить все факты, предъявив в доказательство дневник Сладковой и видеозапись ее поведения во время фейерверка. А пока что необходимо действовать — и срочно. День молодежи приближался.

(Окончание следует).

Андрей и Наталья СОКОЛОВСКИЕ

Благословенный край

— Благословенный край, эта Азия, — любил говорить Денис Храмов, когда ездил с нами на Западный Тянь-Шань. Он съездил только два раза, но это были мои первые шаги руководства, и врезались в память они с особенной четкостью.

Мы в те первые несколько раз, прилетая в Ташкент, в тот же день уезжали в горы, а вернувшись, один день посвящали Ташкенту. Носились по городу с квадратными глазами — после голодного похода хочется успеть съесть как можно больше различных экзотических блюд. Тем более, что в то время Ташкент был очень дешевым городом для россиян, даже студентов. А мы тогда были не просто студентами, а падкими до дешевизны студентами. Так мы объедались весь послепоходный день вплоть до полного расстройств желудка. Но, думаю, нас тех можно было понять.

Представьте себе: конец апреля, серый, холодный Свердловск. На улицах слякоть, на тротуарах тут и там еще чернеют кучи или кучки снега... И вдруг через два с половиной часа полета на самолете вы оказываетесь в солнечном, чистом, свежем и при этом жарком горо-

де Ташкенте. Кроме того, у нас достаточно большие рюкзаки, и с целью бесплатного провоза багажа мы в Кольцово надевали на себя все теплые вещи, вплоть до пуховок, в карманы закидывали гречку, а ручную кладь — сумку — набивали «железом». Главное было пронести эту сумку в самолет так, чтобы ни у кого даже не возникла мысль ее взвесить — то есть идешь, весело помахивая «легонькой» сумочкой, и не дай бог ей за что-нибудь зацепить.

Итак, прилетаем в Ташкент и начинаем срочно срывать с себя все теплые вещи и переобуваться из тяжелых горных ботинок в легкие тапочки. А в Ташкенте... — зелень, тротуары водой поливают, на рынках уже редиска, земляника, черешня, огурцы, помидоры... Но! Срочно, не теряя времени, уезжаем в горы — нам ведь надо успеть и от кишлага отойти. (Да-а, местными жителями нас успели крепко напугать, хотя бояться их надо в России, а никак не в Средней Азии.) Сам поход длится одну-две недели, и голодным его, в общем-то, назвать нельзя. Но поход есть поход, и продуктов берут в любом случае ограниченное количество. Поэтому, когда к концу похода образуется так называемая «яма желудка» — это нормальное явление, особенно у «молодых растущих организмов».

И вот, представьте себе — вы пробыли две

недели на чистом, горном, свежем воздухе, и, не просто провалялись на диване, плюя в потолок, а каждый день подвергались активной физической нагрузке с ограниченным питанием. Поход закончился, и вы в таком вот состоянии появляетесь в городе Ташкенте. Обгорелое, исхудавшее лицо и огромные возможности чего-нибудь съесть.

А там на каждом углу забегаловка на открытом воздухе — чайхана. А там... шашлыки, плов, лагман, шурпа, манты, чучвара, самса и, конечно же, чай из чайничков. У нас их называют заварочными чайниками, а у них так принято — насыплют тебе заварку в чайник, кипяток нальют и по-

были как выжатый лимон, нет, как выжатый обожравшийся лимон. А вечером мы сидим в уютном гостеприимном дворике родителей Тани Крыловой. Жара уже спала, приятная прохлада. Денис поет под гитару, часто перевирая слова, потому что уже их не помнит. А все сидят и наслаждаются последними часами этого рая, потому что завтра уже будут в Свердловске, где холодно, грязно и надвигается сессия.

Вот в такие минуты Денис и сказал: «Благословенный край, эта Азия».

Фотографии предоставлены автором.

ставят на стол этот чайничек и пиалушки — наливай да пей.

А на базаре тоже — идешь и покупаешь все подряд. Надо — не надо. Купишь что-нибудь, а потом сам удивляешься — зачем? Так Ольга Вершинина купила сушеные помидоры — жуткая гадость. Стас Васильев купил яблоко на палочке, облитое сахарной глазурью, а потом жаловался, что местные смотрят на него, как на идиота. Денис как-то сидел в чайхане на рынке Чорсу и только руками махал, а официантка только успевала ему шашлыки подносить. Она его спрашивает: «Вам какой? Рубленый?», — а он: «Рубленый, рубленый, чтоб куски мяса были».

Вот и получалось, что к концу дня мы

КОЛОНКА
РЕДАКТОРА

В рамках постоянного сотрудничества Союза писателей России и журнала «Уральский следопыт» в марте 2004 года прошли две творческие встречи. В них приняли участие редактор раздела «Аэлита» Пётр Родимов и зам. председателя Екатеринбургского отделения СПР поэт Вадим Осипов.

Первая встреча состоялась в школе поселка Горноуральский Пригородного района Нижнего Тагила, её организовал поэт Евгений Туренко. В местной школе собралось около 50 детей разных возрастов. Многие из них сами пробуют силы в прозе и поэзии. Пётр Родимов рассказал о журнале, пригласил юных авторов к сотрудничеству и подарил им свою новую книгу. Затем Вадим Осипов читал свои стихи и рассказывал детям о тех художественных средствах, которыми так богата русская поэзия.

А в Сухом Логу состоялся семинар местного детско-юношеского литературного объединения «Полёт», организованный городским управлением образования и администрацией города. На семинаре присутствовали педагоги и дети из школ города и района, а также местные взрослые авторы.

Вадим Осипов провёл для них теоретическое занятие по звукописи в поэзии, прочитал несколько сти-

хотворений, а затем стихи читали ребята, причём за прочтением каждого произведения следовал его экспресс-анализ.

Пётр Родимов и здесь пропагандировал «Уральский следопыт», а затем к нему выстроилась очередь за автографами на сборнике «Пока болит душа».

Закончилась встреча индивидуальными консультациями для юных поэтов.

С 24 по 29 мая в Камерном театре г. Екатеринбурга состоится «поэтический марафон» — в течение 120 часов поэты Екатеринбурга и Свердловской области будут непрерывно читать со сцены стихи. Полагают, что это событие войдёт в Книгу рекордов Гиннеса как новый рекорд. Цель же этого мероприятия — собрать средства на восстановление Дома писателя, здание которого требует капитального ремонта.

*Пётр Родимов,
редактор «Аэлиты»*

Владимир БОЧАРОВ

Свадебный
марш

Потоки январского ветра вперемежку со снегом путали мысли, унося в безвозвратную даль то, что было когда-то главным, а сейчас ставшее второстепенным. Московский климат был непонятен гостям столицы так же, как и сами москвичи с их прозорливостью, высокомерием, суетой гонимых в разные стороны, не объединяя их, а отталкивая друг от друга. Иногда, выхватывая из облаков потоки тёплого воздуха, погода дарила тёплые дни со слякотью и мокрым снегом, напоминая ненавязчиво о переменах и прибавлении светового дня. День, о котором пойдёт речь, был обыденным и светлым. Солнце дарило лучи, но ещё неокрепшие, покрытые холодом, январской непогодой.

Районный загс, унылый, серый, из тёмного камня, казался совсем не загсом, а жилой конторкой, выдавшей виды. Дверь деревянная, с облупившейся краской и щербинками в нижней части, вероятно, от ударов пьяных ног, была ещё крепка и могла выдержать не один натиск молодёжи.

Вестибюль был выкрашен в казённую краску. Колер навевал настроения на все лады. Кто приходил с горя взять свидетельство об усопшем, кто с радости — подать заявление о вступлении в брак с другим лицом, а кто и с тоски — на развод; регистрация рождения ребёнка была тут же. Всё было в одном месте. Получался какой-то парадокс. Семья, рождение, расставание на этом свете, ошибки родителей, изломанные судьбы детей, боль родных и близких, смерть.

В помещении тёплом, большом, со старой ковровой дорожкой, с зелёными лампасами по бокам, затоптанной потоком людских ног, была остатком былой роскоши. Стулья неказистые, казённые стояли тут же вдоль стены для удобства и ожидания. Лампы дневного света ловили предметы густо запылёнными лучами, скорей не освещая, а, выхватывая кусками всё, что удалось выхватить. Под пучки тёмно-жёлтого свечения попали два родных человека. Ещё не старых, но уже и немолодых людей. Приютившись на стульях со своими чувствами и разной жизнью, но бесконечно творимому в поисках счастья образу любви понимаемому каждым по-своему. Томительное ожидание действовало гнетуще на обоих. Каждый был со своим в

себе. Взгляды туманной дымкой искрились, стараясь не задеть друг друга, чтобы не нарушить сокровенное. Формальность, для которой пришли двое, была не нужна, но шаг, определивший их жизненное кредо и единство, был необходим. За плечами каждого были чужие семьи, взрослые дети, поиски, печали. Ничто не могло помешать им попробовать то, что не сбылось слишком рано, оценить радость первой свадьбы, белого платья и чёрного модного двубортного пиджака. Времени было отпущено умышленно слишком много, чтобы оценить теперь всю полноту чувств единого сердца, состоящего из двух половинок: она и он. Печать с двуглавым орлом в паспорте была бы для них больше формой гражданственности, чем обязательств, и больше ничем. Любовь двух сердец венчалась ласкою душ, трепетной самоотдачей друг другу и безрассудством мысли, рук, губ и главного счастья.

Парадная дверь со скрипом приоткрылась, и молодой персонаж ласково, по шаблону выработанному с годами, пригласил влюблённых в зал для регистрации, напомнив предварительно и так же монотонно о государстве, законе, праве каждого. В эти ми-

нуты влюблённые существа плыли невидимо на встречу друг другу, не видя и не слыша, лишь интуитивно, кивком или утвердительным взглядом, подтверждая своё согласие. Неожиданно запнувшись, словно споткнувшись в чтении вердикта и догоняя на ходу, добавила от себя, что муж и жена одно, но, задумавшись, опять запнулась. Нежный обмен кольцами из тёмно-жёлтого металла и росписью в регистрационном журнале довершил начатое. В углу зала на подоконнике стояла старая радиолка, давно устаревшая от своих молодых собратьев. Несписанная за неимением замены, и денег. Персонаж неторопливо отвёл пластмассовую лапку с иголкой в сторону, и нехитрый механизм заработал в привычном ритме, выдавливая из динамика потрескивание и шипение вперемешку с бравурным маршем, всем известную музыку заезженной до основания пластинки Апрельского завода грамзаписи, даря надежду, как и много лет назад, на то, ради чего мы живём. На то, что это не ошибка, а судьбоносный венец, конец поиска своей родной половинки. Надежда на счастливый конец в этой жизни, которая так мала, так переменчива, так ничтожна.

Личное дело

За окном фотолаборатории Московского НИИ золотая осень мела разноцветную листву. В комнатах было душно от нестерпимой жары. Термометр показывал двадцать шесть градусов. Небольшой вентилятор гонял тёплый воздух из одного угла в другой. Все ждали дождей, но увы, дожждаться их в ближайшее время было не суждено. От засухи горели подмосковные торфяники, неся гарь и смог в столицу. Яркое солнце пробивало стеклянную броню высотного здания, стараясь пронзить своими лучами тёмные шторы лаборатории. Создавалось впечатление, что здание — это аквариум, а все служащие — рыбки, спящие с открытыми ртами от нехватки кислорода по переходам, лабиринтам, коридорам и кабинетам. Фотолаборатория была самым жарким участком. Проявочные машины, яркий свет софитов поднимали и без того высокую температуру.

Пётр Васильевич Кольцов, сидя на стареньком стуле за рабочим столом, задумчиво смотрел на негатив проявленного микрофильма, поворачивая медленно во все стороны на монтажном столе. Робкий, неуверенный стук в дверь отвлек его от работы. «Кто там?» — громко спросил Пётр Васильевич. Дверь медленно отворилась, и на пороге появилась Ольга Сергеевна — начальник отдела снабжения

НИИ. Импозантная женщина в очках от «Версачи», на тонких шпильках, чуть покачивая бедрами, медленно плыла к столу, за которым сидел Кольцов. Фамильярно поздоровавшись и без приглашения присев на соседний стул, попросила сигарету. Пётр достал из полупустой пачки две сигареты — одну себе, другую Ольге Сергеевне. Оба молча, как по команде, затаились и пустили две струйки табачного дыма. «Какие проблемы, душа моя?» — спросил Пётр. Ольга Сергеевна произнесла, чуть задумавшись: «Если ты помнишь, у меня работала Анна Андреевна Звонарёва, такая высокая, интересная женщина». Пётр начал напрягать мозги, пытаясь вспомнить, о ком идёт речь. После долгих мучений он всё же вспомнил ту Анну Андреевну. «Ну как же, помню, помню её», — сказал он. «А что, собственно, случилось?» — он вопросительно посмотрел на Анну Андреевну. «Умерла она. Надо повесить некролог, а фотокартонка маленькая, только в личном деле. Надо увеличить, помоги, если можешь», — сказала грустно Ольга Сергеевна. «О чём ты говоришь, сделаю даже больше, чем могу», — сказал Кольцов. «Больше, чем можешь, не надо. Вот её личное дело, посмотри, постарайся успеть до конца рабочего дня». Затушив недокуренную сигарету в пепельнице, Ольга Сергеевна легко встала со стула, и медленно поплыла к двери. Пётр

успел крикнуть ей вслед: «А родственники, дети, кто-нибудь остался?». «Нет, никого», — ответила она.

На столе осталась лежать пожелтевшая тоненькая папка личного дела Звонарёвой Анны Андреевны. Пётр неторопливо открыл её, сделав затяжку и пустив дымок, поправил очки, опустившиеся к самому кончику носа. На него с маленькой фотографии послевоенной поры смотрела милостивая девушка. До боли знакомая! Он вспомнил её, вспомнил Анну Андреевну, всегда опрятную, подтянутую, не унывающую, всегда дающую взаймы. Как же он мог её забыть, ведь она много раз спасала его от зарплаты до зарплаты, когда от семейного бюджета в карманах виднелись одни только дыры. А он забыл её, отзывчивую и внимательную Анну Андреевну. Красный румянец заиграл на его щеках. Ему стало нестерпимо стыдно: он быстро забыл о том времени, когда сводил концы с концами, когда никто из друзей не давал взаймы, потому что нечего было дать. Друзья были такие же, как и он, после института. Она его не только выручала деньгами, но и следила, как за родным сыном, порой поучая и наставляя на путь истинный. Да что греха таить, он нуждался в её поддержке и тепле души так же, как и она в нём, порой убегая от одиночества и человеческой чёрствости. Пётр достал новую сигарету из пачки, чиркнул и прикинул от ярко вспыхнувшего огонька. Он не любил зажигалки, в спичках он чувствовал что-то тёплое. Петр в который раз рассматривал маленькую фотографию, пожелтевшую от времени. На него смотрела она, Анна Андреевна, совсем молодая, очень приятная девушка в платье с большой пуговицей посередине. Он на миг представил её в полный рост. «Наверное, очень красивое платье», — про себя подумал он, — «жаль, что на документы не фотографируют в полный рост». Чувствовалось, что платье было праздничным; и Анна Андреевна, как и все дети послевоенной поры, придавала огромное значение фотографиям, которые были нужны для документов. Это сейчас кто в чём, а раньше было всё по-другому, и он вспомнил фотокарточки из своего семейного альбома, покрытого плюшевой материей, где все были нарядные и красивые.

Медленно читая шаблонные записи — Ф.И.О., пол, год рождения, — Пётр старался раскрыть перед собой её жизнь. Вот и социальное происхождение: «из рабочих», — читал он.

Что-то кольнуло в левой стороне тела и тихо зануло под сердцем. «Из рабочих» отзывалось в душе чем-то далёким и таким близким, что аж мурашки пробежали по всему телу. Сейчас молодёжь не любит это слово, стараясь заменить на: «из служащих», «из семьи инженеров», да и не знают значение слова «рабочий класс», а раньше это было гордостью всей страны. «Рабочий» — какое красивое слово: человек, умеющий работать от зари до зари, видящий своих товарищей, таких же, как и он сам, идущих к светлому будущему не за деньги, ордена и блага, а за идею, за стержень, который в нём в самом, за страну. Павел ещё и ещё всматривался в лицо Анны Андреевны и проникался всем своим сознанием, что не ценил доброты, заботы и

даже не позвонил, когда она была на пенсии, не поздравил с восьмым марта, новым годом, хотя и знал домашний телефон, а когда было плохо, убежал просить взаймы. И жена, когда было плохо, всегда, улыбаясь, говорила: «Ну, займи у своей Андреевны, она тебе не откажет». «А если у неё нет денег?» — говорил Пётр. «Да есть, а на что они ей нужны, дети-то, наверное, большие», — говорила жена.

Вспоминая давние разговоры, он поймал себя на том, что ни разу не спрашивал о её семье, что только по прошествии времени и в связи с её кончиной он может посмотреть, были ли дети, родные или нет. Грустно всё это, думал он про себя, выкурив не одну сигарету. Внезапно без стука распахнулась дверь, вошёл закадычный друг Игорь из соседнего отдела. «Ты что такой грустный, старик, — произнёс он. — Обед, хватит высиживать, пошли». Пётр затушил сигарету, нехотя встал, на ходу надевая пиджак, висевший одиноко на вешалке в шкафу.

— Что случилось, на тебе лица нет.

— Да так, ты знаешь, противно за себя, — ответил Пётр.

— Брось наговаривать на себя, — старался успокоить друга Игорь.

— Вроде считаешь себя порядочным человеком, — продолжал Пётр, — стараешься правильно воспитывать детей, объясняешь им, что такое хорошо и что такое плохо, а выходит, сам не знаешь элементарного.

— Ты о ком, — в который раз спросил Игорь.

— Да об Анне Андреевне. Она умерла, — ответил Пётр.

— Царство ей небесное, — понимающе сказал Игорь. — Ты извини, а кто она такая?

— Кто, Анна Андреевна? Она настоящий человек, из рабочих. Она выручала меня, когда мне было плохо, и не только деньгами, которые я у неё занимал, а и советом, подставляла в трудную минуту плечо. А я забыл о ней, как только мне стало хорошо. А она, наверное, нуждалась, оставшись одна, а я не подставил ей своё плечо, чтобы она могла на него опереться, забыл и вспомнил только тогда, когда увидел личное дело.

— Понятно, — сказал Игорь, задумчиво прокручивая что-то в своей памяти. Длинный хвост в очереди извивался, словно змея, гомон людских голосов отвлекал, а запах щей и подгоревших котлет щекотал ноздри, заставляя организм обильно выделять желудочный сок.

— Вы последние?

Пётр обернулся. Задорные девчата, занявшие очередь, щебетали, словно стайка птиц. Каждый был поглощён своим. Впереди раздавались женские голоса:

— ... из службы снабжения...

— Чего там случилось?

— Да о похоронах.

— А кто умер?

— Да ты, Тоська, не знала её.

— А может, знала.

— Ты у нас тогда не работала.

— А кто умер-то? — спросила пожилая женщина с подносом в руках.

— Анна Андреевна.

— Да знала я её, хорошая была женщина, — и пошла, медленно качая головой.

— ... Никак, до нас дошло, — сказал Игорь, выхватывая овощной салат, — Ты что будешь?

Пётр взял свеклу, борщ и бефстроганов. «Странно, вроде бы чужой человек, а оказывается, он мне дорог», — думал про себя Пётр, откусывая кусок белого хлеба и опуская ложку в тарелку с красноватой свекольной массой, раскручивая сметану. Молча доев, не поддерживая разговора за столом, встал, пожелав всем сидящим приятного аппетита, и пошёл к себе в лабораторию. По пути поискал сигареты в кармане, но вспомнил, что оставил их на столе в лаборатории.

К Петру не приходило расслабление, которое свойственно после обеда. Достав последнюю сигарету из пачки и прикурив, он смял в руках пустую пачку и бросил в корзину для мусора. Смятая пачка ударилась о край корзины и упала на пол. Пётр нехотя встал, поднял смятый комок и бросил прицельно. Попал. Сев на стул и стараясь расслабиться, он умышленно не вникал в личный листок Анны Андреевны, умышленно оттягивал давнее свидание с ней. Сделав последнюю затяжку в темноте и включив настольную лампу, он вновь углубился в чтение дела.

В десятом параграфе, «каким языком владеете»... не владею... и так далее. Неинтересно. А вот и пункт шестнадцать: «какие правительственные награды имеете». Только медаль «Ветеран труда», за свой труд в течение всей жизни. Пункт девятнадцать — не замужем. Так значит, мужа нет, вот и её начальница говорила, что и детей нет. Страшно, как же этому человеку было тяжело. Наверное, не смогу себе это представить.

А вот и автобиография. Что там? Родилась в Москве в 1937-м, значит москвичка, а я и не знал даже. Отец погиб на войне, мать умерла в 1955 году, значит, одна осталась в двадцать один год. Пётр машинально начал искать сигареты. Как нехорошо на душе, плохо! Он набрал номер служебного телефона Игоря, после небольшого гудка в трубке раздался голос Игоря: «Аллё». «Слушай, брат, выручи сигаретами», — сказал Пётр. «Не вопрос, — ответил Игорь — сейчас принесу». «Я и сам пойду», — бросил в трубку Пётр, но опоздал, раздался щелчок, и Игорь повесил трубку. Через несколько минут отварились дверь, Игорь, не заходя, произнёс: «Лови!», — и бросил начатую пачку Мальборо, закрыл дверь. Пётр не успел сообразить и промахнулся, подумал: «Не поймал, опять не поймал». Нагнулся и поднял пачку. Закурил и продолжил читать. Братьев, сестёр тоже, видно не было. Значит, всю войну с матерью, одни, как почти каждая семья — только фотография и похоронка, или без вести пропал. Всю войну в Москве, карточки, бомбёжка. Мать, наверное, на трудовом фронте; одна всё время, недоедала, верила в победу. Сейчас нынешнее поколение далеко, некоторые и не знают, кто из родных погиб и что за война была. Нравственность не существует. Да и наше поколение, чего греха таить, тоже не воспитывает своих потомков в духе патриотизма и любви к прошлому. Толь-

ко и стараются, чтобы было лучше у них. А неправильно всё это! Пустота насаждается, вакуум. Растеряли корни, забыли об утраченном, теперь уж и не узнаешь и не вспомнишь, если даже и захотел. А ответ, он в нас. Ведь из поколения в поколение верой и духом были сильны, а сейчас недоверие, да и стержень уже не тот, инертные детки, флегматичные, не бойцы, а наблюдатели. Горько за всё это. Что ещё там? Мать умерла в 1955, стало быть, Анна в 21 год осталась одна. Тяжело. Ведь и сломаться можно и по другой дорожке пойти от горя и безысходности. Взвалив свою жизнь только на себя, смогла ведь, не сломалась. После школы — на фабрику: видно, кто-то подсказал или помог молодой девчонке, а может быть, за руку привёл. Неважно, спасибо им. Учиться не могла, видно, тяжело им с мамой жилось. Был в ней стержень: сначала помочь матери, а потом учиться. В 1957 окончила курсы бухгалтеров. Автобиография с полстранички, а за ней скромный, одинокий человек, обездоленный войной, как и большинство послевоенного поколения. Пётр опять и опять копал в себе, почему не ценил. Разбрасываем хорошее, близких и родных, забываем тех, кто стоял рядом, проходя по коридорам жизни рука об руку, разбегаясь на время в разные стороны и опять находя друг друга. А сколько тех, кто не нашёл, что потерять? Да и у меня друзей по пальцам можно пересчитать. А где остальные? Кто уже ушёл в мир иной, кто погиб, кто предал, кто оступился. Где все мои школьные друзья, друзья пионерских лагерей? Где вы? А может быть, я сам виноват? Сам растерял, не сберёг, не захотел, поленился, а теперь развожу руками и ищу по пустым углам, где только пыль, друзей своих. А был ли я настоящим другом для тех, кого потерял? Не знаю. Затянувшись и в который раз пустив дымок, Петр, читая, перелистывал листки прожитого своего детства, юности, зрелого возраста, ища ответы на вопросы, поставленные самому себе. Последняя страничка — выписка из приказа за номером таким-то и т.д. Приказ — вот и всё дело. Петру не хотелось закрывать тоненькую, старенькую папочку. Хотелось бы держать открытой, чтобы человек жил вечно, но так не бывает, вечно нет ничего, вечно только память, передаваемая одним поколением другому. Если не будет этого, то не будет ничего. Пётр закрыл папку, встал и пошёл в соседнюю комнату, вынул аккуратно из скоросшивателя листок с фотографией и положил на доску фотоувеличителя.

А за окном золотая осень играла листвою, кружа в бесконечном вихре. Стрелки на настенных часах отмеряли время, как жизнь отмеряет время каждому из нас. Шумная людская вереница без задержки устремилась к стеклянным дверям, над которыми висела табличка: «Выход». Лишь мимолётный взгляд останавливался на небольшом некрологе с увеличенной черно-белой фотографией. Пронось мимо из дверей учреждения, выходили люди. Из жизни тоже. Оставляя жёлтые листки в личных делах отдела кадров. Уходили как жёлтые осенние листья, гонимые ветром на все четыре стороны.

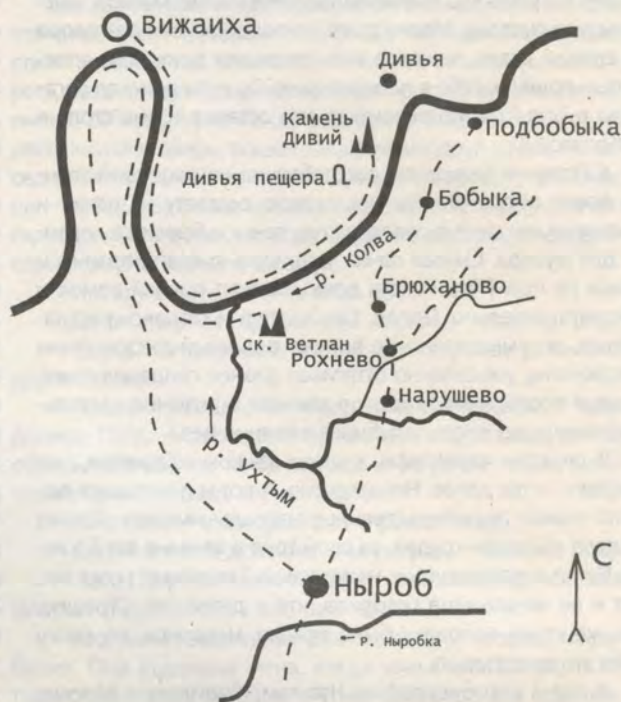
Как попасть в пещеру?

Пещеры — одно из удивительнейших созданий неживой природы, которое как магнит притягивает людей с древнейших времён. К сожалению, в настоящее время не многие педагоги отваживаются на спелеопутешествия, а тем более спелеопоходы.

Детей, особенно подростков, спелеология привлекает. Каждый находит в ней своё, но объединяет всех, несомненно, стремление к первопроходчеству. Под землёй у детей появляется уникальная возможность открывать новый мир, попадая в места, где, как им кажется, не ступала нога человека. Именно таинственность, неизвестность, стремление к новым открытиям привлекают детей к спелеопутешествиям.

Грот Сказка.

Дивья пещера находится на правом берегу реки Колвы.

Спелеотуризм в системе работы станции детского и юношеского туризма и экскурсий города Чайковского Пермской области является традиционным и эффективным средством обучения и воспитания.

По результатам проведённых исследований работники станции пришли к выводу, что спелеотуризм способствует формированию самооценки ребёнка, воспитанию у него чувства ответственности за свои дела и поступки. Кроме того, в процессе обучения у детей формируются и развиваются жизненно важные умения и навыки. Спелеотуризм — не просто вид спорта, а средство познания окружающего мира в его многообразии и неординарности через трудности путешествий.

В 2003-2004 учебном году спелеопоход был рассчитан на детей разного уровня подготовленности. Поэтому педагоги выбрали пещеру Дивья — самую протяжённую в Пермской области.

До Дивьей пещеры добираться достаточно сложно из-за её отдалённости. Пещера расположена на севере

Пермской области, в 10 километрах от посёлка Ныроб Чердынского района. Из Перми до Ныроба можно добраться на автобусе маршрутом Пермь - Ныроб, либо на поезде до Соликамска, а затем автобусом до Ныроба. Из Ныроба до Вижаихи — заказать машину или дойти пешком. Отсюда после переправы через Колву всего 8 километров вверх по реке. Переправа затруднена. Ширина реки не менее 50 метров, моста нет. Летом и ранней осенью на правый берег переправиться можно на катере Ныробтранса. Если есть желание, то на нём можно добраться до поляны, от которой уходит тропа, ведущая ко входу в пещеру.

Зимой можно использовать другой путь. Из Ныроба на лыжах идти до деревни Рожнево. После деревни свернуть с тракта на дорогу, ведущую до деревень Анфимово и Брюханово. Далее идти до нежилой деревни Бобыка, спуститься к берегу Колвы у нежилой деревни Подбобыка. Здесь зимой прочный лёд, можно организовать переправу, соблюдая правила техники безопасности. Отсюда на правом берегу видна нежилая деревня Дивья.

Дальнейший путь — вдоль правого берега Колвы по тропе. Сразу же за деревней видна скала, с которой летом падает ручей-водопад, а зимой причудливые льдинки. Тропа уходит дальше к Дивьему камню. Двигайтесь по тропе под камнем и дальше 2 километра вниз по реке.

Ориентиром на тропу, ведущую ко входу в пещеру, служит указатель, установленный на берегу березниковскими спелеологами. Здесь же оборудован наземный спелеолагерь с уютной столовой и кухней, а также местом для сушки спелеокостюмов. До входа в пещеру всего 300 метров вверх по тропе.

Пещера находится на правом крутом берегу Колвы. Вход расположен в лесу, на высоте 90 метров над урезом реки, в крутом береговом склоне, который на высоте 100 метров переходит в водораздельное плато.

Вход в пещеру шириной 1,5 и высотой 0,9 метра. Пещера представляет собой разветвлённую систему крупных ходов и гротов общей протяжённостью 9750 метров. Это на сегодняшний день самая длинная пещера в Пермской области. Ходы развиты преимущественно в широтном направлении.

Для Дивьей станции детско-го и юношеского туризма и экскурсий разработала несколько спелеомаршрутов.

Маршрут I (12 часов) — 2 А категории трудности

Вход — грот Рычкова — грот Угловой — грот Дальний — проход Люськина радость — Прокатный стан — грот Отдых — галерея Чудес.

Маршрут II (4 часа) — 1 категория трудности

Вход — грот Кабан — грот Жемчужный — грот Виногоградный — щель Мефистофеля.

Маршрут III (4 часа) — 1 категория трудности

Вход — грот Угловой — галерея к С-В из Углового — грот МГУ — грот Руины.

Маршрут IV (3 часа) — 1 категория трудности

Вход — грот Ветлан — грот Истомина — грот Теремок — грот Васкецова — грот Турышева.

Маршрут V (1,5 часа) — 1 категории трудности

Вход — грот Рычкова — грот Кристалловый — грот Малютка.

Первое погружение самое продолжительное и трудное. Маршруты расположены от сложного к простому по нескольким причинам. Во-первых, чтобы помочь забросить снаряжение группам, организующим подземный базовый лагерь. Во-вторых, для того, чтобы в последующие дни иметь больше времени для обучения ориентированию под землёй. Открытием для группы стало обнаружение «потерянного» входа в гроты Коралловый и Кристалловый. В течение двух лет чайковские спелеологи безуспешно пытались полюбоваться на причудливые натёки и щётки кристаллов в этих гротах.

Более сложный маршрут разработан для детей, уже имеющих III разряд по спелеотуризму или опыт некатегорийных подземных путешествий. Он предполагает

Галерея Чудес..

организацию подземного базового лагеря. Подземный лагерь, разбитый группой, был ничем не хуже наземного. Он расположился в уютном гроте недалеко от подземного озера. Кухня находилась рядом, только готовить под землёй приходилось на примусе. Ребята прошли пять маршрутов, один из которых позволил им побывать в самом отдалённом от входа лабиринте ходов — Арагонитовом.

I маршрут

Вход в пещеру — грот Рычкова — проход Туристов — грот Угловой — грот Столбовой — грот Дальний — проход Червяк (Спелеологов) — Прокатный стан — грот Отдых — галерея Надежд — грот Уходящий — грот Заблудших — галерея Бис-1 — подземный базовый лагерь-1.

II маршрут

Подземный базовый лагерь — галерея Бис-1 — галерея Зверобой — галерея Интимная — галерея Казематы.

III маршрут

Подземный базовый лагерь 1 - галерея Брахмапутра - галерея Помпеи - грот Тортов - галерея ИС-1.

IV маршрут

Подземный базовый лагерь-1 — грот Солнца — галерея ИС-1 — грот Распутье — грот СГИ — грот Дансинг — подземный базовый лагерь-2 — грот Арагонитовый.

V маршрут

Подземный базовый лагерь-1 — галерея Бис-1 — грот Заблудших — грот Уходящий — Провальный грот — грот Ястребова — грот Органный — грот Отдых — Прокатный стан — проход Червяк — грот Дальний — грот Столбовой — грот Кабан — грот Сказка — грот Жемчужный — грот Угловой — грот Девы — проход Туристов — грот Рычкова — проход Лукина — выход.

При прохождении данного маршрута ребята тоже совершили своё открытие. Один из участников нашёл ход, соединяющий галерею Интимная с галереей Зверобой. На трёх разных схемах этот ход не обозначен. Открытие было представлено на конкурс «Находка года» и отмечено как уникальное открытие.

Оба маршрута успешно пройдены и оценены участниками, как показало проведённое тестирование, положительно.

Самым запоминающимся для всех спелеологов стал Прокатный стан. Его протяжённость около 200 метров и всё это расстояние можно преодолеть только ползком по липкой глине. Если ещё взять во внимание, что у каждого был транспортный мешок с вещами для организации подземного базового лагеря, то становится понятно, почему группа из семи человек преодолевала его около двух часов.

Самыми впечатляющими гротами были признаны грот Ветлан (самый большой), грот Малютка (самый уютный), проход Червяк (самый узкий), грот Сказка (самый красивый), грот Озёрный (из-за красивого подземного озера), щель Мефистофеля (самый причудливый), галереи Зверобой и Чудес (самые волшебные) и галерея Брахмапутра (своей липкой глиной).

После совершения спелеомаршрутов группа отправилась на экскурсию к Дивьему камню. Вот как отзывется о нём географ Берх: «Совершая путешествие кругом света и видевши в течение моей службы на море множество скал, утёсов и камней, признаюсь, что не встречал такого замечательного предмета, как Дивий камень, это величественное здание природы. Скажу откровенно, что изобразить величественные его красоты можно только кистью, а не пером... Весьма похвально бы было, ежели бы кто вздумал изобразить виды сих камней; многим приятнее было бы глядеть на камни реки Колвы, протекающей в древней России, нежели видеть изображения швейцарских гор».

Ребятам очень интересно сравнивать подземные лабиринты с совершенно противоположным наземным миром, особенно если посмотреть на него с высоты полёта птицы.

После возвращения домой начинается сложная и кропотливая работа по

написанию отчёта о спелеопоходе. Здесь руководителю необходима помощь детей. Особенно хронометриста. Делать записи под землёй проблематичнее, чем на поверхности. Сохранить блокнот (иногда используются пластиковые фотоальбомы), не потерять ручку, снять перчатки. Всё это требует от хронометриста тщательной подготовки и ответственного отношения к исполнению своих обязанностей. Для отчёта необходимы и фотоснимки, сделанные под землёй. Часто под землёй фотоаппараты отказываются работать, или качество фотографий оставляет желать лучшего. Значительную помощь при подготовке отчёта оказывают записи, сделанные летописцем. Ребята, которые не участвуют в подготовке отчёта, занимаются ремонтом и сдачей снаряжения.

Рекомендации по организации спелеопоходов I категории сложности.

Для прохождения маршрутов необходимы надёжные фонарики с запасом батарей. К подбору фонариков нужно относиться очень серьёзно. Хорошо зарекомендовали себя резиновые непромокающие фонари. Также используются и шахтёрские фары. Но особенно удобен фонарик «жучок», с ним очень весело ходить по тишине пещер, потому что он «шумит». Лучше всего, если у каждого из участников есть налобный и наручный фонари. Кроме того, для освещения ребята берут с собой по 0,5 килограмма свечей на человека.

Совершать погружение лучше всего в удобных спелеокостюмах с непромокаемыми налокотниками и наколенниками, так как в пещерах есть очень узкие лазы. Станция детского и юношеского туризма г. Чайковского использует самодельные спелеокостюмы и приспособляет то, что продаётся. Самодельный костюм

План пещеры Дивья.

Галерея Зверобой.

можно смастерить из старой одежды: к брюкам пришить ветровку. Из продаваемых используются комбинезоны для ИТР, костюмы «химзащита», комплекты для рыболовов. Штанины спелеокомбинезона должны натягиваться поверх резиновых сапог. Каска также является неотъемлемым атрибутом спелеотуриста. Также к личному снаряжению необходимо добавить резиновые перчатки, под которыми желательно иметь хлопчатобумажные.

Для транспортировки снаряжения и продуктов питания необходимы транспортные мешки, которые лучше всего делать из синтетических тканей, так как они менее промокаемы. Для спелеопутешествия с наземным базовым лагерем достаточно одного мешка на группу, объемом около десяти литров. В подземный базовый лагерь каждому участнику необходим свой транспортный мешок объемом не менее сорока литров.

Ночлег под землей организуется в каркасной палатке.

Если вы планируете однодневные маршруты с ночевкой в наземном базовом лагере, то вам достаточно будет перекусить сухим пайком. Однако, если предстоит организация подземного базового лагеря, то требуется, как минимум, двухразовое питание. Под землю лучше брать продукты быстрого приготовления.

Пещеры очень ранимы и практически не восстанавливаются, поэтому в спелеопоходах следует придерживаться правила «не навреди». Весь мусор, оставшийся после посещения пещеры, необходимо выносить.

Если вы посещаете пещеру летом, то порауйтесь встречающим вас летучим мышам. Они безобидны и очень пугливы. Зимой же и осенью вы увидите лишь спящих крылатых обитателей пещер в дальних гротах. Постарайтесь их не беспокоить, ведь, проснувшись, они могут погибнуть.

ПЕЩЕРА ДИВЬЯ

Находится на правом крутом берегу Колвы в 10 км севернее Ныроба. Вход расположен в лесу на высоте 90 м над урезом реки, в крутом береговом склоне, который на высоте 100 м переходит в водораздельное плато, в 1,7 км от реки расчлененное карстовым логом. Пещера развивается в полого падающих на север известняках. Протяженность 10,1 км (на сегодня самая длинная в Пермской области), глубина 28 м.

От входного отверстия шириной 1,5 и высотой 0,5 м вглубь ведет низкий и узкий коридор — проход Лукина. Пещера представляет собой серию гротов и галерей, вытянутых с запада на восток. Сейчас активных водотоков в Дивьей нет. Есть ручей и несколько озер. Самое большое озеро находится в гроте Солнца. На поверхности некоторых озер можно увидеть матовые «льдинки» кальцита. Температура воды 4°C. Температура воздуха колеблется от 4 до 8°C.

Наиболее крупные гроты (Ветлан, Девы, Гвоздецкого и др.) достигают длины 50, ширины 15 и высоты 15 м. На полу, как правило, нагромождение каменных глыб.

В пещере сохранились редкие по красоте и изяществу кальцитовые натёки. Это и массивные занавесы с узорчатой бахромой внизу в гроте Кружевном, щетки кальцитовых кристаллов, напоминающие грозди винограда, в гроте Кристальном, тоненькие трубочки сталактитов — брчки, небольшие единичные сталактиты и сталагмиты и каскады натёков, колонны и многоярусные пагоды в гроте Индийском. Есть очень крупные сталагмиты — высотой до 3 м, диаметром 1,5 м (грот Столбовой). Часто они расколоты поперечными трещинами, и отдельные их части валяются вблизи этих великанов. Встречаются гуры и необычные сталагмиты, состоящие из рыхлой ярко-красной глины и покрытые сверху тонким слоем кальцита.

В галерее Чудес найдено редкое образование с пещерный жемчуг двух видов: жемчужно-белый размером до 25 мм и шаровидный, реже овальный, кремового цвета размером до 3-4 см.

В нижней части пещеры множество ископаемой фауны хорошей сохранности: фораминиферы, кораллы, моллюски, мшанки (гроты Рычкова, Ястребова, Уходящий, Распутье, Тектонический).

Пещера населена летучими мышами нескольких видов, особенно большие колонии — в заповедной части.

Дивья пещера известна более 200 лет. В 1949 году В. С. Лукин составил план ближней части пещеры. В 1976-1983 годах пещеру исследовали спелеологи Березниковской городской спелеосекции. В 1979 году ими была обнаружена и закартирована новая часть пещеры.

При посещении пещеры необходимости в специальном снаряжении нет, сложности при ее изучении представляют лишь узкие, изнуряющие при прохождении (проползании) лабиринты ходов (особенно в дальней части). Для осмотра ближней части вам потребуется 6-8 часов. Если же вы захотите изучить все 10 км галерей и гротов, необходим подземный базовый лагерь.

Дивья имеет статус памятника природы, однако нуждается в более эффективной охране.

Юрий КЛЮШНИКОВ

Ручательство Бажова

Создатель «Малахитовой шкатулки» известен больше уральскими сказами. Совсем немногие могут рассказать о Бажове - человеке. Между тем, по словам друга писателя, екатеринбургского литературоведа Михаила Батина, Павел Петрович превыше всего ценил гражданскую порядочность. В пору сталинских репрессий 30-х годов не раз рисковал собой ради торжества истины. Одну такую историю поведала мне туринский селькор, краевед, бывший председатель Дымковского совета Александра Ивановна Сафонова (ныне покойная) со слов Нины Леонидовны Зверевой, жены Петра Абрамовича Карькова, уроженца деревни Малая Камышенка Дымковского сельсовета Туринского района, бажовского сослуживца и друга.

Новость ударила как обухом по голове. Областным государственным политическим управлением арестован Карьков. Зверева прибежала к Павлу Петровичу в слезах. Неизвестные лица, назвавшись сотрудниками ОГПУ, полномочий на арест не предъявили, прямо на квартире приказали Карькову: «Одевайтесь. Поедете с нами». На улице втолкнули в черный воронку. Куда-то увезли.

«Успокойтесь, голубушка. Выясним, разберемся», — как мог спокойнее утешил гостью Бажов. А сам тоже был в растерянности: что же произошло? Жизненный опыт подсказывал: не мог быть Карьков врагом народа. Ни единой зацепки для серьезных обвинений.

Бажов хорошо знал Петра Абрамовича по многолетней работе в газете «Колхозный путь» и Свердловском отделении Гослестехиздата. У обоих общая боевая судьба. В гражданскую Карьков командовал дымковским партизанским отрядом, едва не попал в руки карателей: их отпугнула «белая горячка», которой якобы болела сестра, а ей просто напарили лицо горячей водой, чтобы выдать за больную.

Не раз у них заходила речь о творчестве.

— Что же вы свою книгу не пишете? — упрекал Бажов Карькова. Вы же крестьянин. У вас должна быть масса непосредственных впечатлений.

Внимательные добрые глаза писателя, казалось, лучились из-под нависших бровей. И сам он, с окладистой густой бородой, походил на горщика. Ждал ответа.

— Есть у меня задумка. Про корабельный лес. Насчет бережного использования лесных богатств уральского края, — признался журналист.

— Вот и отлично! — похвалил Бажов. — Пишите. За советом обращайтесь без церемонии.

Бажов действительно помог отредактировать книгу Карькова «В корабельном лесу» («УралГИЗ», 1932 г.) — о восстановлении и пуске створенного Лобвинского завода. Эта книга хранилась в домашней Бажовской библиотеке. Вместе с номером журнала «Известия» за 1931 год со статьей Карькова.

В июле 1929 года в «Уральском рабочем» появился очерк Бажова «Туринское восстание». Он писался по воспоминаниям туринских очевидцев П. Карькова, Е. Шевелева, частично использована рукопись туринца Н. Чикунова. Михаил Батин, близко знавший автора, полагал, что Бажов имел в виду кулацкий бунт 1919 года.

«Ничего подобного! — доказывал Карьков. — 7 марта 1919 года в Туринске восстали не кулаки, а простые крестьяне, мобилизованные в колчаковскую армию. 400 призывников пяти возрастов из Гаринской, Липовской, Усениновской, Пушкаревской и других волостей справедливо потребовали справки, что их угоняют насильно. После отказа выдать таковые крестьяне сорвали погоны с начальника воинской управы, избивли его помощника, штыками искололи другого. Стали расхаживать и попали под пули подоспевшего из Ирбита белогвардейского отряда. Это я и рассказал Павлу Петровичу. Он проверил по архивным источникам. Все сошлось».

Но туринца все-таки «заносило». Да так, что Бажов не раз ломал голову над тем, как его вызволить. Выступал против безудержного восхваления роли партии, лакировки действительности, перекосов в коллективизации и раскулачивании, процентомании. Нашил себе недругов в Свердловском отделении Гослестехиздата. Вынудили уйти с должности заведующего отделением «по собственному желанию». Подался в обком профсоюза печатников. Без характеристики не берут. Заведующий Гослестехиздатом положительную характеристику дать отказался. Дескать, не умеешь ужиться с коллективом — пеняй на себя.

Но терять ценного, напористого, преданного делу хозяйственника не резон. Без всякой дотации Карьков увеличил оборот Свердловского отделения Гослестехиздата с 12 до 210 тысяч рублей. Убыточное предприятие стало доходным. Приобрел дом, где разместились отделения издательства и частично квартировали сотрудники. И такого человека — за борт! Бажов, конечно, попенял туринцу за излишнюю вспыльчивость и невыдержанность. Но свои соображения высказал Велину, бывшему главреду и парторгу при Свердловском отделении Гослестехиздата. Убедил. Вдвоем составили положительную характеристику Карькову, что и сыграло решающую роль в его трудоустройстве.

Но настали тяжкие репрессивные времена сталинизма, когда хватают встречного-поперечного по любому доносу; вовсе бы не распускать язык. Но что делать? Павел Петрович пошел опять выручать. Хотя и сознавал: разогор в облгосполитуправлении будет нелегким. Не исключено, что и сам может оттуда не выйти.

Следователь ОГПУ держался с заступником подчеркнуто холодно, с натянутой любезностью. «Не хотите ли табачку, Павел Петрович? У вас свой? Как хотите. Не стесняйтесь. Закуривайте вашу трубочку. И охота вам, старому партийцу, известному писателю, которого вся страна читает, просить за крикуна и горлопана, который ставит под сомнение действия товарища Сталина. Я вас не понимаю. Ну, хорошо. Ваше ручательство дорогого стоит, — улыбка слегка скользнула и исчезла с невозмутимого лица следователя. — Не берусь предрекать исход. Сделаю, что смогу. При случае объясните вашему другу, что игра с огнем может стоить ему головы. Я вас больше не задерживаю».

Бажовский принцип — не опускать руки, если и возникнет препятствие, отстаивать свою правоту — и поныне служит примером высокой человеческой честности.

Владимир ЮКЧУБАЕВ

ЮЛЬКА

Тропинка, попетляв по соснячку, выпорхнула на чистовину. Узенькая полянка, заросшая голубичником и укутанная, как дымком, ягелем, прикрытая мелким соснячком, впереди заканчивалась обрывом. Подойдя к обрыву, Никита только ахнул, на большее не было слов.

Внизу, в окружении известковых скал, переливаясь всеми цветами радуги, сверкала голубая чаша прозрачной чистой воды — омут не омут, яма не яма, и не озеро.

Река промыла в мягких известняках как бы карман и отступилась, вильнув в сторону, оставив в покое непокоренные скалы, вильнула в низину, размыв галечники и глины.

А в глубине чаши ходили кругами, хороводились таймени — красавцы. Во главе стаи не спеша двигался вожак — рыба килограммов на тридцать, за ним шли таймени размером поменьше, но все равно по весу килограммов по двадцать, а основной косяк из молоди, по пять и шесть килограммов, завершали процессию. Не смея приблизиться к вожаку и его свите.

— Все как прежде, Никита, как в тот раз.

— А что было в тот раз, Ген Иваныч?

— В прошлый раз, Никита? А... в прошлый раз, когда работали в этих краях, мы приходили сюда полюбоваться на эту красоту и назвали это место Аквариумом. И поклялись не выдавать эту тайну никому. Видно, так никто и не знает про это чудо, а иначе разбомбили бы яму, иные люди хуже хищников. Вот и ты полюбовался на красоту, да сохрани в тайне место Аквариума.

Обратная дорога не заняла много времени, тропинка, пропетляв, привела к поляне, вездеходу и ребятам.

А в это время на берегу разгрузка шла своим чередом...

— Ну что ты, Сашка, там роешься, давай подавай все подряд, все наше — ничего там чужого нет.

Из вездехода посыпалось на землю палатки, спальники, рюкзаки и остальной немудреный скарб геологов-поисковиков.

А чуть в сторонке, под тонкой березкой, подбоченясь, с улыбкой глядя на «побойще», стоит наша Юлька — техник-геолог. Не женское это дело — заниматься разгрузкой, размышляет она, единственная дама на многие километры вокруг. Длинноногая и заманчивая, как тополек наша Юлька.

После разгрузки вездеход уйдет на базу в Саранпауль.

Суета вокруг вездехода утихла. Антошка поймал последний туго набитый, увесистый рюкзак, и из-под навеса показалась лысая круглая голова Сашки.

— Красотища-то, какая, Антон. Горы еще в снегу, а небо голубое-голубое, ну прямо как Юлькины глаза.

— Да ты в Юлькиных глазах утонешь и не выплывешь, пропадешь.

— Где наша не пропадала, Антошка, прорвемся. Давай-ка я пойду, водички тыкотловской принесу, а ты газовую плиту сооруди, хоть чай вскипятим. Да вон и Геннадий Иванович с Никитой на подходе.

Из-за поворота показался Никита. За ним не спеша по галечнику шагает начальник экспедиции Геннадий Ивано-

вич. Мгновенно проснулась наша Юлька; кошка голубоглазая, откуда только взялась эта прить у вечно вальяжной Юльки? Оставив тень березки, принеслась к газону, забрала ложки, кружками, заторопила:

— Где плита, а сахар где?

Все закружилось вокруг Юльки, мигом нашлась и газовая плита, и воды полный чайник очутился на разожженной плите. А Юлька уже сноровисто накрывает импровизированный стол — кусок брезента, расстеленный прямо на траве.

Антошка ловко распечатывает банки с тушенкой, рыбные консервы, а Саня больше, раскрыв рот, не сводит глаз с Юльки, чем помогает по хозяйству. И вообще, кажется, у Сани «замкнуло» от близкой и недоступной, загадочной Юльки.

Никита, потрясенный «Аквариумом» и непуганностью природы, расположился слева от Ген Иваныча. Дальнейшая перспектива разбивки лагеря его мало интересовала. Палатка ему не нужна, у него свой «дом на гусеницах». Впереди ночные таежные виражи по дороге на базу.

Пожалуй, только Юлька, прикрывшись маской заботливой хозяйки, медлила с приземлением. А след за ней и Саня, метивший на место рядом.

— Юль, ну что ты там застопорилась, давай быстрее к нам! — громко окликнул Ген Иваныч.

— Иду, иду!

Плещув в кружку кипятка, Юлька, как корабль, проплыла с ней мимо Сани и уселась между Ген Иванычем и Антошкой, чувствуя себя в полной безопасности. Потерявший координацию Сашка попытался пристроиться рядом, но Антон не торопился сдвинуться с места. У него своя тактика. Саня, недовольный, переключал на пустое место между Никитой и Антоном. Трапеза началась... Воздух рассекали Антошкины руки, неторопливо и четко, как башенные краны, неся пищу в рот. Ген Иваныч с Никитой перекидывались фразами, обсуждая опасные переправы рек, которые ему придется преодолевать в одиночку. Но начальник в нем уверен: Никита толковый водитель.

Юлька, похоже, представляла себя на ужине в столичном ресторане. Движения неторопливые и завораживающие. Хлеб отламывает маленькими кусочками, колбаску пережевывает тщательно... От этого всего у Сани то ложка из рук выпадет, то кусок хлеба в горле застрянет.

— Саня, ты медосмотр перед отправкой проходил? — не выдержал Антон.

— Про-хо-дил, а что?

— А то, что ты, мне кажется, ослеп! Второй раз в мою кружку с чаем вилкой лезешь. Или ты думаешь, что там рыба завелась?

Юлька прыснула смехом

— Ну что, перекусили?! Пора за дело, уже темнеет, да и Никиту отправить нужно. Как управимся — продолжим.

Никита уселся за рычаги «газона», помахал рукой, газанул, выпуская из выхлопной трубы клубы синего дыма... Ген Иваныч напоследок ещё раз взмахнул рукой, указывая на какой-то далекий ориентир, и Никита скрылся в темнеющей тайге.

— Ну, что у вас тут? Молодцы. Юлька, заселяйся, царские хоромы готовы!

Вытаскивая из кучи вещей свой новенький рюкзак, Юль-

ка светилась радостью. Начался новый полевой сезон, и уже сейчас он наполнял ее новизной впечатлений. Что там впереди?.. Пусть что будет... Главное — начало, оно, кажется, выходит хорошим. Ребята добрые, во всем стараются помочь, ну, а Ген Иваныч, даже слов нет, он большой авторитет, и не только в области геологии.

— Ну, вот, Юль, твоя перина с гардеробом! Принимай!

— Спасибо, ребята, бросайте, сейчас разберусь!

— Если нужно что — кликай, — выходя из палатки, напомнил о себе Саня.

— Да, да, не стесняйся — отозвался Антон.

— Спасибо — кивнула головой Юлька и принялась торموшить рюкзак. Где-то здесь, в толще вещей, должен быть фотоаппарат, который она получила в подарок от папы с мамой перед отъездом из Москвы. Хорошенькая, новенькая «Praktica»

— Теперь он будет со мной везде, ничего от меня не ускользнет, — проверяя готовность техники, мыслила Юлька. За целый сезон, вероятно, наберется масса интересных кадров. Одна природа чего стоит... Можно будет организовать домашнюю мини-выставку. Наверное, будет здорово!

Сейчас на Полярном Урале начинаются белые ночи, и солнце, ненадолго исчезнув из поля зрения, снова начинает проскальзывать меж вершин, посылая розовые мягкие лучи. Юлька выглянула из палатки. Пожалуй, самый подходящий момент опробовать фотик. Выбрав момент, она нажала на кнопку, вспыхнула вспышка, привлекая внимание.

— Ой, ну, Юль, ты бы хоть предупредила, — елозя руками по бритой голове, запричитал Саня. — Я бы причесался, что ли!

К костру подсел Антошка с гитарой. Движения его длинных пальцев, скользящих по ладам и перебирающих струны, рождали дивные звуки. Звуки, говорящие в унисон с природой, не пугавшие её и не тормозившие. Казалось, они просачиваются из Антошкиной души.

— Боже мой, какой же он романтик... — подумала Юлька. Солнце хоть и ползло по небосклону, цепляясь диском за вершины гор, но не источало никакой теплоты... Холодный воздух медленно окутывал низовья долины Тыкотловы. Антошка, исполнив «прелюдию», умолк...

Ах, эти белые ночи! Будто лёгкая тень легла на горы: вот она была и нет! Какой то миг — и всё зазолотилось утром зарождающегося нового дня. Яркое весеннее солнце, на миг зависнув над горами, взметнулось к зениту, раздвигая лёгкие прозрачные облака, наполняя тайгу запахами разнотравья, прелой прошлогодней хвои. Отогревшись, над травами и кустами взмыли тучи звенящих комаров, мошки и всякой кусающей нечисти, которая в маршруте слепит глаза и упорно норовит забраться за шиворот или укусить за ухо; не спасает в таких случаях ни «дэта», ни какое другое снадобье. Ручьем стекает пот, колом встают пропотевшие насквозь энцефалитки и как магнитом притягивают мошкар.

Эх, молодость, молодость — ночь пролетела как один миг, под звон гитары, песни и потрескивание махонького костерка, исправно дымящего и швыряющего охапки искр по сторонам.

Не спится только начальнику, да практически и не удалось Геннадию Ивановичу вздремнуть, всё же так много

нахлынуло воспоминаний. Ворочался, ворочался в спальнике, и так, и сак норовил заставить себя уснуть, но напрасно. Сон так и не пришел.

Валяйся не валяйся, а встать пришлось. Достал удочки, разные снасти и — на ближнюю, по старой памяти знакомую яму, где всегда держался хариус. Рыба по утренней зорьке брала отменно, и вскоре в садке булькалось с десятком крупных рыб. Пожалуй, и довольно, то ли на обед, то ли на завтрак, но жарёхи хватит на всех. Жадность в тайге не в почёте, бери столько, сколько необходимо. И главный закон: не забуди, живёшь ты — дай жить и другим.

Над столом неспешно задымил костерок, на таганке мирно соседствует закопчённый чайник, а рядом булькает в котелке, доваривается наваристая уха из только что выловленной рыбы. Из своей палатки показалась заспанная мордочка Юльки.

— Ах, как чудно, просто красота, — прошептала, выскальзывая из палатки, Юлька.

— Всем привет! — провозгласил Саня, направляясь к реке, — А как вкусно ухой пахнет! Кто это умудрился наловить и сварить уху? В такую-то рань! Неужели это всё Юлька?

— Как бы не так, я готовить вовсе не умею, а рыбу и в жизни не чистила, и не готовила.

Да, всё было именно так. Юлька росла в благополучной, обеспеченной семье. Единственный ребёнок, голубоглазый ангелочек. Родители не чаяли в ней души, росла, как цветок в оранжерее, окружённая теплом и заботой. Отец профессор, заведующий кафедрой Московского геологоразведочного института. Алфёров Георгий Андреевич. С компасом и геологическим молотком в молодости протопал все Саяны и Якутию.

Хлебнув полевой жизни и романтики в полной мере, решил остепениться и заняться наукой, накрапал кандидатскую, а вскоре и докторскую диссертацию, утвердившись в заслуженных и почётных учёных, геологах-практиках с богатым теоретическим багажом. В бескрайней и глухой тайге Якутии на берегу Чары он и встретил свою судьбу, любовь и жену Настеньку — студентку, практикантку Иркутского геологического техникума.

Голубоглазая, остроносенькая Настёна очаровала всех геологов в полевой партии, все поголовно были в неё немножко влюблены. Но Настёна почему-то среди всех ухарей, бородачей-романтиков, выделила неумеху — стеснительного и скромного Жоржика Алфёрова.

Правда, после практики Настенька наотрез отказалась от геологии и неожиданно для всех перевелась в медицинский, утверждая, что лечить детей важнее, чем шастать с рюкзаком по горам.

В яркие весенние дни, в начале апреля, и появилась на свет Юлька — беспокойный, беспомощный ребёнок, требующий постоянного внимания и заботы. Такой она и осталась для родителей — маленькой девочкой, всем смыслом их жизни. В детстве она частенько болела и перенесла все мыслимые немислимые детские болезни. Болела тяжело и подолгу, видимо, это и послужило основной причиной отъезда из Сибири.

Семья Алфёровых перебралась из Якутии к дальним родственникам в Подмоскovie, где они долго не задержались. Видный геолог был приглашён на кафедру горного

института в Москву. На кафедре и началась научная деятельность молодого перспективного геолога, постепенно пришла известность, появился определённый достаток в семье. Юлька получала всё самое лучшее, что можно было достать в то трудноватое время. Незаметно пролетали года, подрастала и Юлька. Хотя и была единственным ребёнком в семье, но вовсе не была капризной и избалованной. Почему дочь пошла по стопам своего отца, осталось для всех загадкой. То ли валявшиеся там и сям по всей квартире красивые камушки привлекали внимание ребёнка, то ли приезды из очередной экспедиции долгожданного папочки, пропахшего дымками костров, усталого и всегда обросшего дремучей бородой. То ли суматоха, возникающая с приездом Георгия Андреевича, с обязательным чаепитием и длинными рассказами отца о таёжных приключениях, оставили неизгладимый след в душе ребёнка. А горы медицинской литературы и блестящие хромированные медицинские инструменты не привлекали Юльку.

Проявив недюжинное упрямство, отвоёвывавшая своё право на выбор после блестящего, с медалью, окончания школы, подала документы в геологоразведочный, к папочке, на факультет геологической съёмки. Определив будущее в своей жизни.

— Давайте лагерь обустроить, а то как-то у нас неуютно.

— А чего его обустроить, дорожки, что ли, песочком посыпать, — не остыл ещё Антошка. — Палатки стоят, костёр имеется, река рядом, что ещё нужно?

— Как это чего, — вспыхнула Юлька, машинально поправляя свой непослушный локон у виска, — а столовая? Ни стола путного, ни скамеек. Даже навеса нет. А если дождь?

— Всё правильно, Юленька, — неслышно подошёл Ген Иванович, — лагерь, конечно, приводить в божеский вид и плёнку над кухней натянуть необходимо, дожди пойдут, как в столовой кушать будешь. Сегодня день выходной, так что отдыхайте с пользой. Начнём работать, некогда будет заниматься такими делами.

К вечеру лагерь преобразился. Появился и стол, и скамейки, сколоченные из невесть откуда взявшихся досок, а над столом растянут широченный тент из плотного полиэтилена. Даже на ближнем кедре — над верхушкой — гордо развевается флаг непонятной расцветки.

Утром всех разбудил ни с чем несравнимый гул двигателей и хлопанье лопастей заходящего на посадку вертолёта.

Разгоняя утренний туман винтами, вертолёт мягко присел на галечную речную косу. Из сдвинувшейся в сторону двери на гальку без разбора полетели рюкзаки, спальники, палатки, какие-то мешки, а вслед, бережно держа приборы и штативы в руках, из вертолёта выпрыгивали бородастые бродяги-топографы.

Вновь взревели двигатели. На секунду зависнув над землёй, вертолёт взмыл птицей в синеву неба, взял курс на посёлок и исчез из глаз.

Прилетели топографы во главе со Стасом и следом притащили дожди и непогоду. Ближе к вечеру с гор напоздали серые, хмурые тучи. Ветер яростными порывами бодоражил берега и песчаные косы Тыкотловы, сдувая и

закручивая в тугой жгут прошлогоднюю увядшую листву, мелкий песок и пыль. Река из весёлой и шумливой вмиг превратилась в мутный и грязный поток, взлохмаченный струями дождя и неутомимым напором ветра.

Палатки трепыхались, пытаясь взлететь, но напрасно ярится ветер — края палаток мы заблаговременно привалили камнями-булыганами, да так плотно, что в палатке почти не ощущается и дуновение ветерка.

В углу на ящике, возле рации, тускло мерцает свечка, в печке, потрескивая, разгораются дрова. Почти все обитатели таёжного лагеря собрались в палатке начальника. В такую погоду, несмотря на позднее время, вместе как-то спокойнее и уютнее. В палатке накурено, «хоть топор вешай», как говорит Юлька. Все расселись кто где, как попало, только Юлька присела у самого порога, где ей перепадает хоть чуточку чистого, прохладного воздуха.

Стас рассказывает последние новости из экспедиции. Кто, куда и где залетел на работу, какой расклад с продуктами, спецодеждой и объёмами работ.

— Хорошо хоть у вас на Тыкотловле работенки на всё лето и не нужно мотаться с площади на площадь, — разглагольствует Стас, прихлёбывая кофеёк, — Пожалуй, одной переборской обойдёмся и всю площадь отработаем.

Долго ещё, до поздней ночи, шёл разговор в палатке, никому не хотелось уходить, вспоминали прошедшие полевые сезоны, а их было много, и много приключений. Моло-

дёжь только рты от удивления раскрывала, а Юлька, пригнувшись, как мышка, ловила каждое словечко: она просто не могла даже во сне увидеть то, о чём рассказывали эти хмурые бородачи.

Стих ветер, угомонился хлёсткий проливной дождь, и только тогда потянулись по своим палаткам уставшие топографы и геологи. Но ещё далеко за полночь засиделись начальники — Стас с Геннадием. Намечали будущие профиля и магистрали, пили кофе, до одурения пили чёрный, как дёготь, чай, спорили до хрипоты. Дымили сигареты. Только под утро ушёл Стас в свою палатку. Он даже и представить себе не мог, что рядом, в палатке — тоже не спит — Юлька.

Не спится Юльке: всё звучит в ушах глухой, чуть хриловатый голос Стаса. Вспоминается пронзительный взгляд его серых глаз, взгляд, который излишне часто на себе ловила Юлька. Мыслями она часто возвращалась в своё недалёкое прошлое. Были, конечно, у неё и мимолётные интрижки в институте, так, ничего серьёзного. Даже не оставили в душе никакой царапины, никакого следочка. Без сожаления расставалась со своими воздыхателями — все они казались ей маменькиными сынками и хлюпиками. А Стас — это совсем другое. В нём ощущается какой-то стержень, что ли, внутренняя сила и уверенность в себе. Хотя он и «рисовался» перед геологами. Но всё равно в нём что-то есть, в этом бородачом увальне.

Ранний ветерок, тёплый и прозрачный, уверенно загнал остатки лохматых дождевых туч за горы и утих, успокоился. Только туман, клубящийся над водой, заполняя распадки и ущелья, медленно струился с верховьев, напоминал о вчерашнем буйстве природы.

Утро разошлось, разгулялось по тайге, высветило все тёмные закоулки тайги и седого Урала, забралось под разлапистые великаны кедров, изгнало сумрак из темных ущелий и распадков. Солнце, поднявшееся над бескрайней пармой, щедро одаривало светом и теплом всё живое, о вчерашней непогоде напоминал лишь реддеющий туман да влажный дух тайги.

В лагере тишина, почти все отсыпаются, до поздней ночи засиделись ребята: было что послушать и было что рассказать. Только топографы без шума, не спеша, готовятся к своему первому выходу в поле, тихонько про себя матерясь и проклиная начальника — неумённого Стаса, поднявшего ребятяг в такую рань.

Не успели ещё сомкнуться за Стасом кусты тальника, как из палатки показался Ген Иванович, чертыхаясь за безрассудно проведённую ночь. Что, в самом деле, больше времени не будет наболтать со Стасом — просидели почти всю ночь. Стас-то молодой ещё, что ему ночь без сна? — ничего. Но что сделано, то сделано. Протирая заспанные глаза, с полотенцем на шее, как ни странно, первой из своей палатки появилась Юлька. По ней и не видно, что всю ночь она провела не смыкая глаз.

— Доброе утро, Ген Иванович! — бодро окликнула начальника Юлька

— Здравствуй, здравствуй, Юленька, что так рано поднялась? Присаживайся к костерку, чайник вот-вот закипит. Можно кофейку, а хочешь — чаёк свежий недолго заварить.

— Шурик с Антоном, собирайтесь, пойдёте в маршрут.

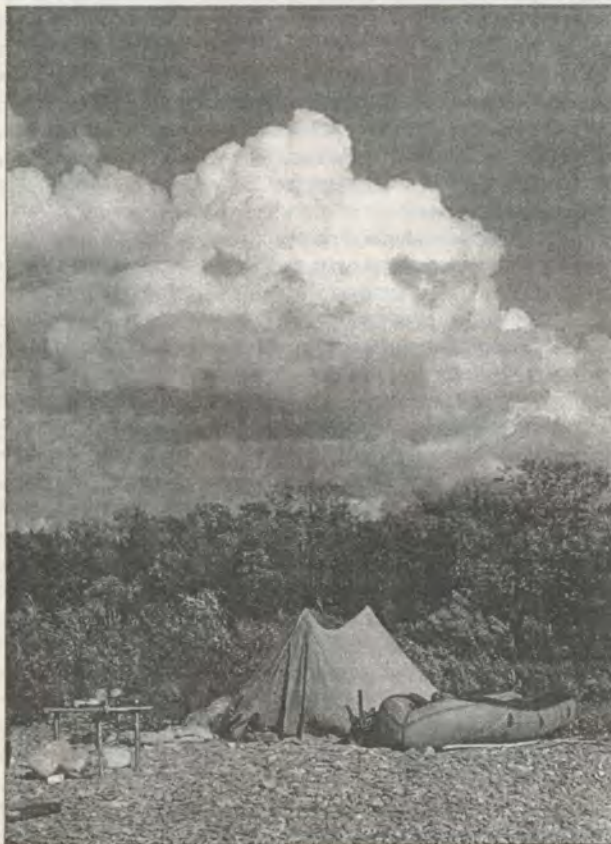

Фото из архива М. Раскольниковой.

Зайдёте ко мне, получите топокарты. Маршрут я вам уже проложил, сегодня он будет коротенький — три километра. Так что к ужину вы должны вернуться. А сейчас — завтрак и вперёд, страна ждёт подвигов и месторождений.

После завтрака, без лишней суеты, с рюкзаками на плечах ребята исчезли в густой чащобе ельника. А Юлька занялась разборкой привезенного экспедиционного барахла, укрытого брезентом, что оставили лежать со дня приезда. Ген Иваныч исчез у себя в палатке, зарывшись в гору геологических карт и разрезов.

Только поздним вечером пришли с работы усталые топографы, Стас, заметив у костра одинокую Юльку, поздоровался и вручил ей пакет, полный пойманной рыбы.

— Юленька, пожалуйста, если можно, сделайте, что-нибудь с этими харьюсишками.

— Даже и не знаю, Станислав Андреевич, по правде сказать, я и не умею готовить рыбу.

— Правда? Вот это здорово, но ничего, это поправимо. Я сейчас переоденусь, и, если не возражаешь, потом мы займёмся рыбой.

— Нет, что вы, это даже интересно. Я с удовольствием у вас поучусь.

— Вот и хорошо, только у меня одна просьба: давай больше не будем выкать, всё же я ненамного старше тебя, называй просто Стас — пойдёт?

— Не знаю, если у меня только получится.

— Получится. Всё получится, если очень захочешь.

Минут через пятнадцать Стас появился из палатки с огромным и острым, как бритва, ножом. Забрав у Юльки рыбу, отправились на берег. Там на приготовленной дощечке, у воды, ловко и сноровисто принялся чистить и разделять выловленную рыбу, поясняя и показывая, как нужно чистить хариуса и почему именно так. Стас в считанные минуты разделал и промыл рыбу.

Юлька, как хвостик, ходила за Стасом, всё ей было в диковинку и интересно, удивляясь, как это у него получается ловко и быстро, без всякой спешки и суеты. Ясно как день: самой взять и пожарить рыбу ей не удалось бы.

Вскоре вся рыба была пожарена и, источая дурманящий запах, в огромной тарелке выставлена на середину стола. Кто же мог устоять от свеженькой жарёхи?

И вновь, как и вчера, все собрались вокруг костра, забыв про усталость и пройденные километры в первый день начавшегося полевого сезона. Допоздна звенела гитара, звучал чуть хрипловатый голос Стаса: он, неплохо подражая Высоцкому, исполнял его песни. Пел и Шурик, но в основном шебутные туристические, и вообще гитара не по разу прошла по кругу. Вечер, конечно, удался, и только в полночь, как и накануне, все разошлись по своим палаткам.

Так и пошли день за днём. Погожие дни сменялись хмурыми и дождливыми, когда морозящие дожди разгоняли обитателей лагеря по своим палаткам. Такое время для полевиков — сплошной отдых: от безделья пухнет голова, а от раскладушки прогибается спина.

С большим опозданием в конце месяца на вездеходах подъехали геофизики. С шумом и гвалтом разгрузались и обустроили свой лагерь на противоположной стороне поляны. Почему-то они решили жить отдельным табором. Вообще геофизики большие оригиналы, что-нибудь да от-

чудят, как в этот раз. Незаметно наладилась и погода. Как бы ни свирепствовало ненастье, ни хмурилось небо, всё равно придут ясные и погожие деньки. Тогда уж и карты в сторону, с раннего утра и до позднего вечера, до темноты в лагере будет стоять тишина и покой.

Раньше всех поднимаются топографы. Наскоро перекусив, прихватив теодолиты и нивелиры, расходятся по профилям. Времени на раскачку и долгие сборы у них совершенно нет, буквально «на пятки» им наступают и подгоняют геофизики со своими мудрёными приборами и аппаратурой. Хорошо хоть для горняков успели разбить пару профилей, тут проблем нет.

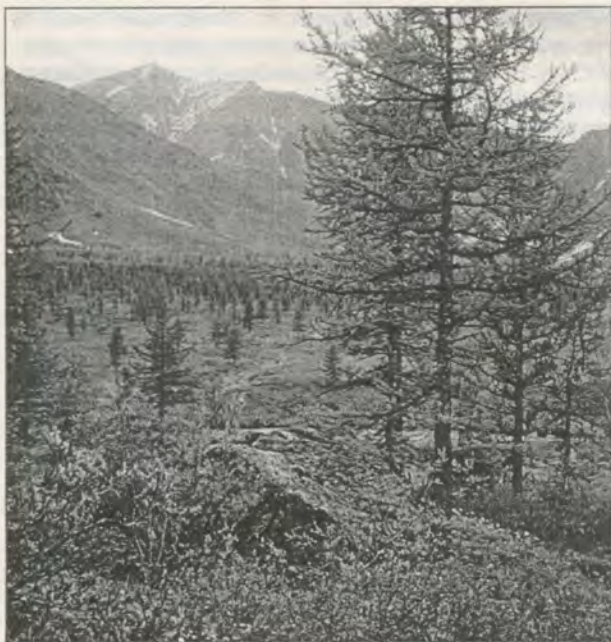
Жаркое лето набирало силу, вовсю свирепствовали мошкара и гнус. Всё население таёжного лагеря «щеголяло» в накомарниках, немеренно переводило «дэту2У и всякие другие антикомариные мази и кремы, которые, однако, плохо спасали от прожорливой, гудящей массы комарья. Придя в палатку, все норовили побыстрее забраться под полог, где можно было хоть на время забыться и свободно вздохнуть, не боясь проглотить дюжину летающих насекомых. По вечерам в темнеющем пурпурном небе стали появляться и первые звёздочки, иногда в небе даже можно различить и Полярную звезду. Значит, окончились белые ночи и близится золотая осенняя пора.

Работа в партии шла полным ходом. Геофизики со своей аппаратурой унесли на Север заканчивать съёмку участка, и практически мы их и не видим — только по утрам в эфире слышны позывные. Топографы, тоже сняв палатки, перебрались поближе к месту работ. Только геологи задержались на обжитой и привычной стоянке. Но и здесь чувствуется скорый отъезд. Отъезд, которого так ждёт и торопит Юлька. Место новой стоянки вчера объявил начальник, это будет на Дзеля-Ю, там, где сейчас стоит Стас с ребятами, а значит, они снова будут рядом и снова можно будет видеть с ними.

Запал ей почему-то в душу бородач Астахов. Перестала Юлька замечать своих ребят. Вроде бы и не сторонится, а всё равно нет той теплоты, которая была прежде. А с Астаховым изредка пересекаются их пути-дорожки — или на линии шурфов, или просто на профиле в тайге. Разведут небольшой костерок, посидят, поболтают о том, о сём. Стас накормит и напоит Юльку чаем, для такого случая у него всегда и баночка с малиновым вареньем, и невеста из каких запасов шоколадка. Посидят, посудачат и разойдутся — Юлька к себе на шурфы или в лагерь, а Стас — к своим парням. Торопят топографы: скоро осень, а работы ещё навалом.

Засидевшись с материалами, Ген Иваныч и не сразу заметил, что погода неотвратимо портится. Лишь услышав отдалённо пророкотавшие где-то в горах раскаты грома и первые робкие капли дождя, забарабанившие по брезенту палатки, моментально сообразил и пулей вылетел в темноту, опустившуюся на лагерь, на ходу сдёргивая с капроновых растяжек сушившуюся одежду ребят. Наскоро похватав то тут, то там висевшую робу, энцефалитки, полотенца и другие тряпки, не разбирая, затащил в складскую палатку.

Тёмное небо расколола с шипением и запахом озона слепяще-белая молния. Затем земля и всё вокруг содрогнулось от неимоверного грохота и треска. Через мгновение

всё стихло и замерло в каком-то онемении и ожидании. Ни ветерка, ни единого звука. Даже всегда журчащая невдалеке Тыкотлова примолкла, как бы прислушиваясь к застывшей тайге. Через какой-то миг природа взбунтовалась, хлынул проливной хлесткий ливень, зигзаги молний рассекали небо в непрерывном хаосе. Гром, как грохот огромного шаманского бубна, гремел не переставая, перекачиваясь к горам и обратно; вдобавок к струям дождя по палатке забарабанили огромные градины. Вот и всё, завтрашний рабочий день коту под хвост, все намеченные маршруты отменяются. После такого ливня тайга ещё долго не просохнет. С такими невесёлыми мыслями и забылся Ген Иваныч в беспокойном тревожном сне.

Тайга не просыхала ещё целую неделю, дождь моросил то с утра, то с перерывами заряжал на всю ночь. Серые мрачные тучи, цепляясь за верхушки елей, нехотя ползли в сторону гор и, не в силах перевалить мрачные вершины, по распадкам и ущельям возвращались в низины, где и проливались моросящими холодными дождями на и без того мокрую тайгу. Всё вокруг пропиталось влагой до такой степени, что, едва притронься к кусту, на тебя обрушивался ливень холодной воды. Мхи и болота пересытились влагой, превратившись в непроходимые зыбуны.

О наступившей осени напомнили проливные дожди, косыми струями секущие, промокшие и поникшие палатки. Набухшие свинцовые тучи плотным покрывалом почти постоянно укрывают от глаз вершины недалеких гор. Зазолотилась хвоя лиственниц. Скоро с тихим шорохом мягким золотом укроет ягельники вокруг великанов деревьев.

Тыкотлова все чаще «взрывается» осенними паводками. Река выходит из берегов, заполняя поймы и низины, с глухим ревом бьется в скалистых берегах, неся на себе вырванные с корнем громадные ели, кедры и всякий таежный хлам. Да, в общем-то, и все полевые работы практически

завершены, план по проходке горных выработок-шурфов и канав выполнен и перевыполнен, проходчики довольны — при расчете получится кругленькая копейка.

А на завтра в плане стоят два рейса вертолета, и горняки со своим скарбом улетят на базу в Саранпауль, так что на них не давит моросящий дождь и свинцовое тяжелое небо. В палатках мужиков нещадно дымят печи, упаковываются по рюкзакам и мешкам роботы, каёлки и лопаты и всякий необходимый в тайге инструмент. У геологов тоже работы осталось чуть-чуть. Немного камералки, замаркировать образцы, подписать этикетки на пробах и все уложить, упаковать в ящики и пройти пару маршрутов.

Наша Юлька совсем затихла-запропала, ее не видно и не слышно. Не слышно уже давно звонкого колокольчика Юлькиного смеха, погасли васильковые глаза, затауманились печалью, наполнились тоской и непроходимой грустью. И все это — негданная любовь, пропади она пропадом. Зачем только, зачем ее тропу пересек след ветрогона, бесшабашного топографа Стаса. Перевернулась, опрокинулась безоблачная, беззаботная Юлькина жизнь. Затаилась и притихла, как мышь, Юлька в палатке, но регулярно к восьми утра появляется в командирской палатке Ген Иваныча. Когда включается радиостанция на утренний сеанс радиосвязи, палатка заполняется шорохом эфира, потрескиванием грозовых разрядов и далекими голосами полевииков нашей экспедиции.

Вот и сегодня Юлька, как тень, проскользнула в палатку. Еле слышно поздоровалась и молча присела в дальнем углу, прислушиваясь, не услышит ли голос любимого.

— Юлька, — не выдержал начальник, — Юлька, улетай на базу с горняками, сегодня будет даже два рейса, а там, глядишь, через недельку и мы нарисуемся.

— Нет, — как-то потерянно и в то же время категорично в который раз твердит Юлька, — я, как все, улечу с вами.

— Юлька, а Юлька, — безнадежно пытается уговорить её улететь Саня, — ну что даст тебе эта неделя, все равно для тебя работы нет.

— Как это нет, а кто образцы маркировать да упаковывать будет, а пробы да ведомости заполнять?! Работа найдется, — невозмутимо твердит Юлька.

— Отстань, Сань, от человека, — вступает за Юльку Антошка, — не хочет она лететь — пусть пробами занимается.

Если бы мог знать рыжий Антошка, чем обернется его заступничество, сам бы силком затащил упрямую Юльку в вертолет, связал бы, спеленал по рукам и ногам и не спускал бы с нее глаз.

Но, видно, судьба распорядилась по-иному.

— Ладно, как хочешь, — поставил точку начальник.

Днем, громыхая лопастями, разгоняя водяную изморось, невдалеке от палаток приземлился вертолет, затем прилетел еще раз. Улетели горняки, увозя свое барахло, которого накопили на два борта, оставив после себя квадратики жухлой травы, где недавно стояли палатки.

В лагере воцарилось еще большее, чем было, запустение. Антошка с Саней почти целыми днями пропадают в камеральной палатке, вынося на геологические карты последние маршруты и точки наблюдений. Начальник сидит в своей палатке, рисуя геологию участка, малюет хитромудрые переплетения геологических границ, полей из-

вестняков и гранитов. Но всему приходит конец. Потянул с Арктики ветерок — разметал, разметелил по небу остатки серых промозглых туч. Вечером небо прояснилось и засверкало голубым холодом далеких звезд и первыми сполохами северного сияния, пока еще робкого и неяркого, но предвещающего скорые холода и буйные метели.

Зима где-то рядом. Все чаще и явственнее ощущается ее дыхание.

Вот и утро серебром инея укрыло всю землю и посебрило тайгу. Ведёрко с водой покрыло робкой корочкой льда.

Как обычно, первым из палатки выполз Иваныч, забрякал чем-то у костра — видно, разводит огонь, чтобы подогреть завтрак. Юлька, как всегда, по утрам просыпает... Она патологическая засоня, и рано просыпаться для неё — чистая каторга. И как всегда, ждёт персонального приглашения к столу. А для Сани это был лишний предлог перекинуться парой словечек с Юлькой, услышать голос любимой. После завтрака, как обычно, все собрались в командирской палатке выслушать заумные наставления начальства, заодно узнать последние новости, прямиком из динамика радиостанции. Юлька здесь же, на своём месте, как призрак, на уголке раскладушки. Молчаливая Юлька. Не отрывая глаз, следит за мерцающими огоньками работающей радиостанции, вслушивается в шорохи эфира.

Ген Иваныч доложил о завершении горных работ и заказал вертолёт для возвращения отряда на базу, поскольку работы завершены, а впереди долгая суровая и тягучая зима. А себе с ребятами выпросил отсрочку на три дня: остался один непройденный маршрут. Время камералки и сонного блаженства, долгих перекуров и коридорной болтовни. Большинство отрядов и партий, экспедиции, выполнив свои объемы работ, уже давно дома. Смолкли последние голоса на частоте нашей станции, и совсем неожиданно среди шорохов и разрядов еле слышно раздался голос далёкого Стаса:

— Юлька, я иду к тебе!

Всего три слова, три слова, понятных, пожалуй, одной только Юльке.

Никто не обратил внимания на брошенную фразу в эфире, никто, кроме нашей Юльки. После связи Антошка с Шуриком, прихватив рюкзаки и геологические молотки, унеслись по магистрали в последний в этом сезоне маршрут, а Ген Иваныч, как всегда, зарылся в свои записи, карты и разрезы. Всё как обычно.

Только для Юльки эти три слова, брошенные в эфир, перевернули всю душу. Второпях сбросив кроссовки и натянув болотные сапоги, набросив штормовку и стараясь не шуметь, по зарослям ельника она спустилась к реке.

Боязливо оглянувшись по сторонам, не видит ли кто её, метнулась по натопанной тропке вверх по Тыкотлове. По той самой тропке, по которой весной Ген Иваныч с Никитой ходили к «Аквариуму».

Осеннее солнце, выглянув из-за гор, не спешит отогреть застывшую за ночь землю. Оно как будто зацепилось за заснеженные вершины Урала, и нет сил подняться выше. Первые лучики солнца робко освещают верхушки елей и сосен. Не в силах они растаять и превратят в мириады бриллиантовых искорок окутавший землю иней.

Поскальзывая и спотыкаясь на промёрзших сучках и опавшей листве, Юлька летела, не разбирая дороги, навстречу Стасу. Навстречу своему безалаберному и бесшабашному Стасу. В её ушах всё ещё продолжал звучать, с чуть заметной хрипотцой, его голос, вспоминались его внимательные серо-зелёные глаза, замечаящие каждое её движение, всё понимающие и всё прощающие. Как не хватает всего этого ей сейчас! Душа Юльки рвалась навстречу своей первой любви и не хотела понимать, что её любовь, её Стас спешит ей навстречу, и всего-то нужно немного подождать в своей палатке, а не нести сломя голову по скользкой и ненадёжной таёжной тропке. Сердце рвалось и трепетало быстрее, быстрее... её сердечко не слышало голоса разума. Не замечая ничего, Юлька вылетела на поляну перед «Аквариумом» и ошарашенно уставилась на открывшуюся красоту бездны. На глубине, в яме, всё так же кругами хороводила стая рыб, но их сейчас было в два — три раза больше, чем в начале лета. Таймень, скатываясь с верховьев, скапливался в большой и глубокой яме, где для него был корм и достаточно места для отдыха. Отдохнув и набравшись сил, с первыми заморозками, ещё ниже, аж в Обь, где он и проведёт суровую заполярную зиму. Чтобы по весне, с первым теплом, принесённым южными ветрами, тронуться в обратный путь, к местам нереста под толщами льдов, даже не тронутыми первыми проталинами.

Таймень, отдохнув и набравшись сил, будет идти напролом к местам обетованным, чтобы выметать икру и дать жизнь сотням таких же красивых и сильных рыбин.

Засмотревшись на необычайное скопление красноперых тайменей, ступила неосторожно на самый краешек обрыва. Нога произвольно скользнула по заиндевевшему от инея камню. И камень, зараза, валун, не устоял, не выдержал, сдвинулся со своего места, которое было определено ему сотнями лет, накренился и ухнул вниз, увлекая за собой ... Юльку... И она успела, в отчаянии взмахнув руками, как птица крыльями, вскрикнуть:

— Стас, милый, помоги!!! Мама, мамочка, милая спаси!!!

...Тело Юльки, нежно покачивая и кружа, Тыкотлова бережно вынесла на конец косы, к противоположному берегу, и отступила, оставив её лежать на белоснежном влажном песке, в отблесках разгорающегося дня.

Васильковые глаза Юльки безмятежно смотрели в небо — холодное, бездонное и голубое, бесконечно голубое небо. Она не поняла, не смогла до конца осознать, что произошло. На лице ни грамма испуга, только удивление и навсегда застывшая, такая милая улыбка.

Такой и нашёл её спешащий с верховьев к стоянке геологов Стас. Пройдя в болотниках по плотному песку к Юльке и поняв, что произошло, с потемневшими вмиг глазами, бережно поднял на руки свою недоτροгу. Так, на руках, не выбирая дороги и брода, через кустарники, по пояс в воде на переправах, пришёл в наш лагерь.

Почувствовав что-то неладное или просто услышав чьи-то шаги, из палатки вышел Геннадий Иванович.

— Что это, Стас? Что случилось? Что с ней? — боясь осознать, со стоном выдохнул начальник.

— Не знаю, Гена, ничего не знаю, только она знает, но уже никому и ничего не расскажет.

— Вот беда, несчастье к нам пришло, откуда и не ждали, —

запричитал Ген Иваныч, — господи, кто бы мог знать, кто мог подумать. Почему не настоял вчера и не отправил её с вертолётном! Была бы жива...

— Прекрати, Гена, ей уже ничем не поможешь, не терзай себя. Ничего не вернёшь и ничего не изменишь. Лучше иди и выйди на связь, сообщить нужно и вертолёт на завтра заказать, родителям телеграмму срочную отправить необходимо.

А вечером выпал снег, пушистый и мягкий, необычайно белый. Как новогодний. Медленно устилал белым пухом землю, кедры и ели, создавая фантастические картины.

Как будто и небо прощалось с Юлькой, напоследок одаривая её красотой, красотой вечности, куда устремилась Юлькина девчоночья душа.

Ночью так никто и не прилёт, всю ночь горел-попыхал костёр, плакало белыми хлопьями снежинок небо. Слов не было, тишина и безмолвие окутали стоянку.

Притихшие Антошка с Шуриком и в момент потемневший, с ввалившимися глазами Стас и Ген Иваныч нещадно чадили табаком и глотали крепкий, как чифир, чай.

Ближе к обеду прилетел вертолёт. Недолго покружив вокруг стоянки, осторожно притулился недалеко от палаток. Застопорив винты, на минуту затих, как бы прислушиваясь к наступившей тишине. Затем в открывшейся двери появился наш главный геолог, следом спустился инженер по технике безопасности, потом какой то милиционер, и ещё непонятно кто. Прилетевший следователь, дотошно опросив всех, понял, что для всех это трагедия. Никто даже и предположить не мог, что такое может случиться. Трагедия, полная неожиданности и горя, потери товарища, к тому же

тайно или явно влюблённых в яркую, необычайно красивую Юльку.

Юльку увезли этим же вертолётном. Поникший и притихший, Астахов, ссутулясь, вслед за всеми забрался в вертолёт и, не прощаясь ни с кем, улетел в Саранпауль.

В тот же день вечером последним рейсом АН-2 прилетели Юлькины родители. Отец, белый, как лунь, не по годам стройный и моложавый профессор Московского горного института, не торопясь, бережно, под руку вёл по взлётному полю свою Настеньку — Юлькину маму; каждый шаг которой давался с превеликим трудом. Она не могла поверить. Разум не хотел ни понять, ни согласиться, что единственная дочь, всё то, чем они жили, кого растили и лелеяли, покинула их. Георгий Андреевич, старался не выказать своей слабости и хоть как-то приободрить супругу.

Бесконечно долго тянулась осенняя тёмная ночь, а на утренний рейс были заказаны билеты. Среди улетающих первым рейсом был и Стас. Не смог простить себе Стас, что потерял Юльку. Как он мог опоздать? Как он мог позволить себе бросить в эфир эти три роковых слова?!

Не вернулся он больше и в экспедицию. Спустя месяц по телеграмме кадровичка выслала ему документы куда-то в Восточные Саяны. Там, где-то в горах Сихоте-Алиня, и потерялся его след.

Ушел из партии и Шурик. Слишком болезненны для него были напоминания о живой Юльке, несбывшихся мечтах и безответной любви. Геннадий Иванович перевёлся в геологический отдел, партия перестала существовать.

И было дальше лето, и летели года, а скала осталась в памяти у всех как Юлькина скала.

Фотографии Евгения Савёнка

Вадим ОСИПОВ

Мне исполняется «полтинник», а в поэзию я пришел, как сам считаю, всего лет восемь тому назад. Оттого, наверное, до сих пор я чувствую себя ребенком, изумленным поэтической красотой и сложностью этого мира. В котором всё живое — всё! — пронизано взаимосвязями между внешним обликом и смыслом. А смысл бытия, как поэт, я вижу в том, чтобы отображать заключенную в каждой клеточке его могучего организма гармонию, делать ее явной и умножать количество любви и добра на Земле и в окружающем её пространстве. Даже если кому-то кажется, что мир жесток, грязен и уродлив. И вопреки этому. И для того, чтобы это было не так!

Брожу по памяти моей,
Как по разграбленной усадьбе,
Где сбиты знаки детских дней
Прошедшего тяжелой саблей.

И в рамках, что должны хранить
Портреты гордости фамильной,
Лишь паутины бьется нить
На сквозняке тоски бессильной.

Но разоренное гнездо
Утерянных воспоминаний
Библейской осветил звездой
Огонь душевных испытаний.

И возвестила мне душа,
Что ни к чему считать потери,
А нужно будущим дышать
И в настоящее поверить.

23 октября 1997 г.

Я в лес войду, и мне расскажет хвоя
На языке певучем и простом
О том, что все вокруг живое,
Как выдох, как блаженный стон,

О том, что ветки — это крылья леса,
И с каждым взмахом больше высота,
А ствол могучий не имеет веса,
Когда трепещет перышко листа.

Поднимет ветер стаю темной чащи,
И я рванусь по просеке за ней,
И вдруг пойму, уже почти летящий,
Что сила крыльев — в цепкости корней.

7 марта 1998 г.

Россия умерла во сне.
Всё было тихо и покойно.
Лежал рубахой белый снег
С прорехою тропы окольной...

Всхрапнул пурги шальной заряд,
Потом — ни выдоха, ни вдоха...
Другие страны говорят:
«Да ей всё время было плохо!

Она давно занемогла,
А жить пыталась по старинке.
Себя совсем не берегла,
Теперь — устраивай поминки.

И кстати, кстати, господа,
Где чья в её наследстве доля?»
Мела холодная беда,
Закрыв глаза небес и поля...

А у растопленной печи
Мать у груди дитя носила,
Храня, как пламечко свечи,
Кровиночку — свою Россию.

22 марта 2000 г.

Деревья ослепил закат.
Деревья опьянил мускат.
Они взлетают наугад
И медленно горят.

И успевают обгореть
На половину или треть,
Переживая, словно смерть,
Пылающую твердь.

Скажи им: это всё игра.
Одежда, кожа и кора —
Всё, полыхавшее вчера,
Так холодно с утра.

22 марта 2001 г.

Август выдохнул устало,
Плечи опустил.
Вот и снова в небе стало
Тесно от светил.

Над собою я замечу
Млечное Кольцо,
Будто клонится навстречу
Бледное лицо.

Принимаю без опаски
Многозвездный лик,
Миру вечности и сказки
Я — равновелик.

Посреди ночного круга,
Где мерцает свет,
Видят в зеркале друг друга
Космос и поэт.

11 августа 1999 г.

Входи наощупь, кричи очами,
Как птица в рощу, нырни отчаянно.

Тебе не спится, а мне не снится,
Всё ближе лица, как половицы.

Теперь до скрипа, теперь до крика,
Такая липа — все эти лики.

Темно и страшно — до сердцевины,
Как в рукопашной да сердце вынуть,

Лететь на крыльях с горячим свистом
И выдох вылить — на небе чистом!

25 июня 2002 г.

Только тебя увижу —
Выпаду из груди.
Грязная, ты мне ближе
Светлого впереди.

Памятью бережливо
Перелицован год,
Но повторенье — лживо,
Встретимся, как пойдет.

Лопнут глаза бутонов,
Глянет бельмо тоски.
Иглами сердце тронут
Нежные волоски.

Или случится чудо?
Станет любовь тесна,
С неба смеяться буду —
Глупая ты, весна!

5 март 2004 г.

Н.С.

Чем глубже в ненасытный лес,
Тем чаще сучковатой дланью
Он лето пробует на вес
И облагает новой данью.

Всё, что летает и звенит,
Выводит трели и рулады,
Лес нанизать готов на нить
Для милой — утренней прохлады.

Днём на полянах духота,
Пропитанная паутиной,
Всё ей же копится, хотя
Растрескалась горячей глиной.

И родниковая вода,
Покрытая еловой чернью,
И это — для неё, когда
Она становится вечерней.

Цветами с головы до ног
Усыпал, варит хмель и солод...
О, если б лес увидеть мог
В прохладе — жгучий зимний холод!

27 марта 2002 г.

Я — русский. Значит, есть во мне
Монгола огненная доля,
А с ней и кочевая воля,
С тоской глядящая вовне.

Я — русский. Значит, весь уклад
Карманных чертиков Европы
Пучком петрушки и укропа
Я на закуску взять бы рад.

Я — русский. Небо надо мной
Всегда необычайно синее,
И слово в паспорте — Россия, —
Звучит, как деревенский зной,

И вечно где-то вдаль
Гудят неистовые звоны,
И мерно каркают вороны,
Как пульс в мужской моей руке.

20 декабря 2003 г.

Анатолий ОЛЬХОВИКОВ

Анатолий Ольховиков, писатель и краевед.

В «Уральском следопыте» печатались его очерки «Успенская обитель», «Копально».

Живет в г. Чусовом Пермской области.

«...И по щеке земли скатилась»

Судьба, о которой мне хочется поведать, — женская. Ирину Кондратьевну Третьякову из деревни Борисово жизнь не баловала разнообразием впечатлений. Была ее жизнь растрчена на колхозной тыловой каторге. Вряд ли реальнее ощутились бы ее мытарства в бесхитростном пересказе, если бы не проступало передо мной в сумерках иссеченное грубыми и резкими морщинами лицо, смягчаемое иконописной печалью. Проступало в том времени, когда на солдатках пахали, сеяли и боронили пашни, да и в уборочную страду обветшавший, с истерпанными «на все сто» моторесурсами машинно-тракторный парк нередко имел символическое значение. Только с Покрова можно было вздохнуть повольготней и поприспальней заняться «домашностью», как говорит Третьякова. Труды огородные — само собой.

Она рассказывала про свою жизнь такими же заско-рузлыми словами, будто живут они сами по себе, как и руки в черных прожилках, уместившиеся покойно по непредвиденному случаю на краю стола.

— Родово наше гнездовало и ветвилось в деревне Борисово, что в пяти верстах от Копально, — начала Ирина Кондратьевна. — Право, не знаю, как и чем определить мою судьбу... Лыковыми лапотками? Но я не зналась с ними и по детской поре. Правда, плели еще в семье короба и торбы, пряли кудель, мяли лен, да в этом ничего интересного. А вот представьте самую обыкновенную мочалку. Теперешним и неведомо, как она получается, сколько лошадиных и человеческих сил было вложено в эту мочалку, которой в бане моются или белят. Ну, да уж лучше по порядку...

Семья наша по ранней моей поре не была в столь крутой нужде. Отец, Кондратий Кондратьевич Черемных, был старшим на лесопилке, принадлежащей богачу Ярилову; при коллективизации сделался управляющим промартели. В местный колхоз «15 лет Октября» свели у нас две коровы, лошадь, не считано — коз, овец и гусей. Вернее, отец сам все отдал, его и сделали первым председателем. Это потом уж он артелью командовал...

Я ведь о мочале говорила, сбиваться бы мне не след. Начинается с того, что спиливают липы, разделявают на чурбаки, снимают кору и свозят на лошади волоком на речку Боярку и Шалагайку для отмачивания в специально отгороженные запруды. Потом снимают лубья, снова мочат и уже отделяют мочало. Все — вручную. А уж после

просушки мочало накручивают на «вирки» (как для ниток, только огромные), получают пряжу. А уж пряжа на многое годится, помимо мочалок, идет и на упряжь, и на сбрую, и на плетенья... Хоть платя шей.

Так вот... На эти труды с мочалом определил меня отец с десяти лет. Годок только и походила в школу. У двух сестер с двумя братьями иная жизнь, хотя и ничуть не завиднее, но долго рассказывать... В общем, сначала была поставлена на лубьях и мотании мочала на вирки (пайка для меня 200 граммов, для взрослых — 400; деньгами ни копейки не давали). Потом работала тюльщиком, поленья сортировала и раскладывала по стопам, а 400 граммов хлеба по норме стала получать, когда тот же самый хлеб свежей выпечки возила из Копально на лошади по кличке Серко. За мои 14-15 лет он меня вроде презирал и не слушался в дороге, намаялась я с ним похлеще мочальных трудов...

Вообще в колхозной бытности кем я только не была! И на лошади за бороной и плугом, и бригадиром полевым, и на косьбе, и в доярках-свинарках, и телятницей, и кормачом-скотником, и хлебопеком, и на пасеке; знаю счетоводство и наряды рассчитать и составить могу. Да при таком многотрудном кручении-верчении зажитков особых не имела, весь век свой проходила в холщовых мехах. Война, одно слово... А после войны еще соленей пришлось. И что они мне... вот эти бумажки с награждениями, значками, благодарностями? Один словесный мусор, оттого что личных потерь не снести, не пережить... Муж законный, Иван, стрелял в меня (на мне вина — не дождалась его, пропавшего без вести, а он вернулся в 46-м, когда с другим жила во многодетстве). И двоих сыночков из шести молодыми схоронила: одного, Ленечку, у клуба пришлые парни зарезали, а Валерий зимой в пургу замерз в полукилометре от Борисово, возвращаясь со станции...

И второго мужа, председателя Борисовского колхоза, Леонида Павловича Третьякова, живым в межу плугом на тракторе запахали в 54-м...

Ну это я опять... тороплюсь... Замуж отдали меня обыкновенным порядком, по семнадцатому годку: просватали за соседского парня, Ивана Вязьмикина.

— Любил он вас?

— Мы такого слова в обиходе не знали. Известное дело — молодые, хозяйство да заботы общие. И любо-

ви... это самое, куда ей деться... в одной постеле... Да только жаден он был без меры, меня не жалел. Сам-то в товарищах счастливей бывал, чем со мной: то гулянки, то охота, то по району мотается (киномехаником кино крутил). А детишек с ним бог не дал. И ссоры все чаще, я-то по характеру упрямая. Не спускала ему ни в чем, вечно в побоях ходила...

В памяти осталась замятня с ним тем последним мирным летом. Я тогда заведующей детским садиком работала. Земли нам в личные наделы тогда не жалели: бери от 8 до 30 соток, только обязательно всю используй. Да и как иначе: налоги драли оглашенные. Корова есть — сдай 300 литров за год государству, прочая скотина — сдай с каждой по 30 кг в живом весе, с каждой курицы — яиц полное лукошко. Картошка только и выручала, в райцентре продавали да платили. А после войны еще круче поборы были...

Ну вот, значит, Иван мой настаивает: «Тебе, как служащей, разрешено 30 соток. Бери!»

— Знаешь, Иван, мне в последнее время все чаще стало казаться, что мы вдвоем, а я одна. Повадился ты перекладывать многие тяготы на одни мои плечи. Я просто не потяну столько. Хватит и десяти соток...

Он осерчал.

— Погоди чуток, я с тобой по-другому поговорю, вот только недоуздок в сарае покрепче выберу...

И — шась в сени. Полчаса его не было, потом врывается в горенку — лица на нем нет.

— Беда, Иришка... Чего радио не включаешь? Война! Гитлер на нас напал!

Так и кончился наш спор. Через три дня ему лоб забрили вместе с оравой ровесников и молодых мужиков. Борисовский колхоз остался на бабах. Перевелась я в полеводческую бригаду на угодьях у деревни Темной, неподалеку от Борисово. Там всю войну и проработала. Известно, как приходилось: все на себе, один тракторишка слабосильный на газогенераторе, чурки к нему, чтоб двигатель без перебоев при нас состоял, тоже надо было впрок

напилить и наколоть — сухие сосновые, одна к одной. Одно радовало: дружная у нас бригада собралась, 36 девчонок и баб, как единая семья, в передовых ходили. Бригадирша Александра Долматова — лихая да заводная, кого шуткой, кого укором, а кого — тычком подбодрит. Но ведь не работой единой каторга сходилась, каждая мечтала

посчастливей долю обрести. И вышла наша бригадирша Шурочка замуж в Чусовом за городского учителя. Потом еще троепятеро эдак колхозный хомут скинули, кого-то увозили мужа, с войны возвращаясь, и в иных палестинах обосновывались. Все больше нехватка рабочих рук, а тем паче опытных. И меня в бригадиры на правлении колхоза выдвинули. Я — в слезы: «В школе едва с год проучилась, дробей не знаю, как буду наряды составлять?» Ничего, мол, поможем, месяца за три навестишься. Да какая уж тут помощь, у правленцев тоже хлопот невпроворот. Я работаю, а вечерами над нарядами бьюсь — не выходит, они копятя, недоделанные... И полная неясность с будущим: не мужняя жена, а соломенная вдова, ни про мужа, ни от него самого никаких вестей...

И вдруг неожиданно-негаданно на иное русло поворотила моя планида. Приехал в Темную к бабушке один мужчина из

городских. Грамотный, десятилетку кончил. В райцентре по броне на строгательном станке работал, ему и оторвало в недобрый час левую руку на том станке. Случайно где-то в гостях познакомились, я букой сидела и на него зыркнула было, да он тихим обхождением да ласковым словом пронял сердце. Рассказала я о муках своих с нарядями, он на следующий вечер мне работы просчитал и результаты вывел за полгода. Встретаться стали, к полному согласию пришли, и я умыкнула хитростью у свекрови метрики о браке, выправила и прочие бумаги на развод. И тут откуда ни возьмись — Иван приехал. С моим Леонидом встреча у него мирная вышла, а по два вечера вокруг дома начал кружить, а в воскресенье и стрелил

И.К. Третьякова

меня из-за тына, когда я в полдень овощи вышла полоть. Попасть не попал, спасибо, соседка не убоялась и в своей избе заперла. И в тот же день сгинул мой Иван из села. Теперь уж навсегда.

С Леонидом и узнала я бабье счастье. Не в город забрал — сам в колхоз приехал, сначала механиком по тракторам и комбайнам, а потом его в 50-м году послали в Пермь на двухгодичные курсы председателей колхоза. У нас уж с ним четверо сынков подрастало, все — погодки, и я по пятому разу тяжелой ходила. Вернулся осенью 53-го, и сразу его председателем назначили. И будто ему бог крылья дал: по всем показателям вышли в соревновании на первое место в районе, на все ключевые места опытные кадры подобрал, а нашу пасеку в сельской кинохронике показывали. В 1954 году замахнулся наш Леонид Павлович на участие в выставке ВДНХ. И там присвоили призовое место и медаль. Вот глядите... документ сохранился...

Я вновь из учтивости пробегаю глазами выцветшую гербовую бумагу с печатями Союза и тремя размашистыми чиновничьими подписями. Не один раз просмотренную. Все верно: «Л.П. Третьякову ... премия... медаль». Осень 1954-го. А человека не стало. Может, за месяц до вызова и вручения наград. А может, за неделю. Как же

так? Досадный нелепый случай, или такое часто выпадает икартам, как в древнегреческом мифе?

Потом пошли годы Ирины Кондратьевны спокойней и спорей, в растущем уважении, да уже ради сынков и внучат. У двоих семьи в Копально, двое живут с чадами в соседских городках. Она до последнего времени одна в борисовском старом гнездовье. Домашние съезжаются и собираются на годовщины, семейные праздники. А в будни у матерей одна участь. Не она первая и не она последняя. Так уж жизнь устроена.

Есть много стихов о женской судьбе. И просто хороших, и прославленных. Но не хочется мне привлекать сюда перлы мэтров. Лучше пусть будут не совсем складные, но зато от сердца строчки — моей знакомой копалинки — учительницы Бугриной, хоть и не посвящены они Ирине Кондратьевне. И все же о ней:

«Дождинкой, маленькой слезинкой
Ты в мир пришла
И по щеке земли скатилась вниз,
И в плоть ее вошла...
И стала частью земного чрева
И сутью естества, хоть путь тернист...
Из этой сути вымахнет редис
И сочный колос вешнего посева...»

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА

Владимир СЕМИБРАТОВ

Из рода съеденного Кука

225 лет назад произошло событие, о котором многие знают по шуточной песне Владимира Высоцкого «Почему аборигены съели Кука». Знаменитый английский путешественник, открывший ряд неведомых дотоле земель, действительно погиб на Гавайях в 1779 году.

Племянником капитана Кука был Мартин фон Асмус, о котором известно как об ученике великого швейцарского педагога Песталоцци и друге поэта В.А. Жуковского. Судьбе было угодно распорядиться так, что в 1873 году в городе Вятке у его внучки появилась на свет дочь — Вера Акинфиевна Волкович, оставившая заметный след в истории отечественной педагогики и медицины.

По окончании Высших женских курсов в Санкт-Петербурге она продолжила образование в Берлинском и Гейдельбергском университетах. Вернувшись в город на Неве, стала преподавать в ряде учебных заведе-

ний (в том числе на курсах философии и психологии) педагогику, гигиену, психологию, а также русскую литературу. Статьи за ее подписью часто появлялись в столичных газетах и журналах. Отдельными изданиями в 1909-1913 гг. вышли работы В.А. Волкович «Педагогика - наука перед судом её противников», «Воспитательное значение детской книги», труды о «друге человечества» знаменитом хирурге Н.И. Пирогове и «национальном воспитателе» К.Д. Ушинском.

Личность нашей землячки была замечена Н.И. Афанасьевым, выпустившим в 1909-1910 гг. в Санкт-Петербурге двухтомный альбом биографий «Современники», а также С.А. Венгеровым, работавшим в начале XX в. над «Критико-биографическим словарём русских писателей и учёных». В картотеке последнего, хранящейся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, и находятся связанные с В.А. Волкович биографические материалы.

КОЛОНКА
РЕДАКТОРА

Где-то... в другом уголке земного шара, сейчас начался сезон дождей. И вот мой любимый редактор решает, что поехать освещать эти события должна именно я. Весь коллектив облегченно вздыхает, и тут же все начинают с упоением рассказывать разные ужасики и приводить липовые статистические данные о таинственных исчезновениях прямо-таки сотен журналистов. Рассказы меня нисколько не пугают, но ехать в мокрые от дождя джунгли всё равно не хочется. В какой-то мере меня очень заботят судьбы несчастных туземцев, которые уже с самого утра ожидают скопления над головой грозовых облаков и првчнутся по своим хижинам, зная, что небо сейчас разверзнет свои хляби и начнётся беспрерывный ливень.

Я с ужасом представляю бедных промокших людей, и мне кажется, что по моей спине, плечам, голове стремительно несутся потоки воды, что я захлёбываюсь. Я пытаюсь бежать к ближайшей хижине, но земля размокла, ноги скользят по ней, словно по льду, и я падаю в жидкую, скользкую грязь. Теперь приходится передвигаться ползком, потому что останавливаться ни на секунду нельзя — вода всё прибывает и прибывает.

Кое-как добравшись до ближайшей хижины, я вижу, что она уплывает от меня и разбушевавшаяся стихия уносит её в своём круговороте, словно щепку. Ухватившись за ветви какого-то дерева, я спасаю себе жизнь...

Впрочем, послушав вечером новости, я узнаю, что туземцы далеко не такие уж бедные, что они даже балдеют от этого сезона дождей, потому что вода обильно орошает их поля, на которых потом вызревает превосходный урожай! И я звоню редактору, чтобы сообщить, что я согласна ехать на край света за этим репортажем. А он в ответ сообщает мне, что это был всего лишь первоапрельский розыгрыш.

*Маша Раскольниковна,
заместитель редактора
раздела
«Встречный ветер».*

Екатерина ГРАЧЁВА

Здесь был Фёдор

Началось с того, что одноклассник старшего брата, Борька Лютик, пришёл к нам, когда я снимки сушил. Штук тридцать снимков, и на всех Ленка Седова. Мы с ней в одном театральном кружке занимаемся, она меня на три года старше: было мне тогда двенадцать, а ей пятнадцать, а Борьке, стало быть, шестнадцать. Вот увидел он мои снимки, а я уже следил, на какой по счёту фотографии он попросит его с Ленкой познакомиться... Как там всё вышло, мне рассказывать скучно, но, в общем, пошли мы втроём. Мы-то с Ленкой дальше горсада раньше не путешествовали. А Лютик был весь из себя знаток и бродяга: с прозрачным водяным компасом, с заслуженной картой, с прожжённым рюкзаком выше головы, с гитарой и даже каким-то чудодейственным жёлтым зубом на шнурке. Зуб якобы принадлежал ископаемому тигру, а потом был собственноручно Борькой вырыт в каком-то городище и обладал отпугивающим влиянием на всю тигриную родню. Я посмеялся, но он сказал:

— Вот встретим по дороге рысь, тогда посмотрим, кто смеяться будет.

— Ага, — говорю, — может, сразу льва?

Борька мне сунул какой-то буклет, где я прочитал, что в тех местах есть рысиный распадок, что можно там встретить и лося, и кабана, и медведя, и рысей, и волков... Ух! А я, честно говоря, почему-то думал, что мы уже выжили всех животных, кроме коров, в красную книгу.

Отщёлкал я тогда Лютика много и думал называть эту серию «зов предков». Вот он тушёнку с ножа ест, вот в очаг из камней голову погрузил — огонь из углей раздувает, вот он в полёте скачет с топором с холма. Но потом я эту серию подальше запрятал, что-то она мне разонравилась своей лютостью.

Ещё больше я природу отснял. Началось это с самого входа в заповедник. Дорога широкая, и хотя вход шлагбаумом перегорожен, вся изрытая то ли шинами, то ли ручьями. Вода в промоинах ярко-рыжая и не просыхает даже в самую жару. И потому время от времени лесники собирают всякий хворост и мелкий валежник и стаскивают

в эти ямы. Получается нетёсаная деревянная мостовая. Идешь по ней и думаешь: интересно, во времена телег дороги вот такие же были?

Потом переправлялись мы через речку. Вода в ней студёная, чистая, каждый камушек светится, блики отражает — такая отрада! Век бы сидел и глядел. Но если б сидел, то не увидел бы, что дальше.

А дальше наверх тропа уже каменная. В очень дождливые времена, говорят, по ней прямо ручей течёт. Идешь и дивишься мастерству сказочного подгорного народца, который эту тропу проторял. Иначе и не скажешь: ведь если случайно намыта дорога, то камням вразброс валяться положено. А здесь живут камни меж пихт с такою красотой, с таким ладом!

А бурелом видели? Суровая, угрюмая, могучая тайнопись. Какие такие ветры-богатыри в небе бушевали, со столетними деревьями сражались, так, что падали зелёные великаны? Падали, да не выпускали из своих цепких корней каменных плит земли. Лежат теперь навзничь опрокинутые, открывая подземные клады, до сих пор обнимают огромные камни. Камни эти только снаружи серые, а на сколе прозрачными блёстками негромко сияют, и прямо внутри камня живые ягодки багрового граната рассыпаны. Как зародились они внутри глыб, как раздвинули плотные частицы? Загадка...

Насилу до верха добрались — вышли на стоянку Белый ключ. Бежит ручей по камням, музыкальный, как тысяча маленьких колокольчиков, поёт не переставая и песни не повторяет.

Дальше дорога шла, по лесу да через курумники. Там я уже вымотался, ничего почти не видел, даже чуть носом в цветок лишайниковый не влетел. Представьте такой тенистый-тенистый сумрак, чёрную засохшую пихту — и на ней, словно крючком из тонких ниточек связанный, бутон расцвел...

Когда шли по курумнику, мы слегка заплутали и тропу потеряли, и я подозреваю, что кое-кто слишком уж хотел эту тропу потерять, а нас с Ленкой, горожан нетолковых, трудные ли в трёх соснах по кругу за нос водить? Это пока Ленка женственно балансировала на камнях, а Борька мужественно её ловил и спасал.

Миновали мы Гремячий ключ с его сердитою водой и побрели через цветущие пригорные луга под палящим солнцем. Брели, брели, сделали привал под огромной тройной пихтой.

А потом мы шли мимо огромной травы, мимо стеблей борщевиков, которые были на голову нас выше — и уже разглядывали вершинки гребня из-за этого пёстро-зелёного моря. Тропа то ныряла с солнечных полянок в тенистые хвойники со сладковатым запахом смоляных игл, то снова катила высокие травяные волны, на гребнях которых мирно жужжали шмели... и вдруг резко кончилась, и открылся гребень. Ох, братцы мои! Я такое видел однажды в иностранном ска-

зочном фильме, так я был уверен, что всё это капроновые декорации, а оказывается — оно бывает!!! Это ж надо: ровная площадка, сияюще-изумрудная трава, фиолетовый огонь иван-чая, тёмные худенькие пихты — и резко вверх уходит огромный чешуйчатый хребет бронтозавра, сплошь из каменных глыб.

Я встал и немею, не соображу даже рюкзак растянуть, а Люттик тем временем уже палатку разворачивает, топором машет — очень хочет Ленке понравиться.

День был субботний, погода хорошая, народу — яблоку негде упасть. Не найдя удобной стоянки, стали на полянке без костровища. Ленка рюкзак под пихту уронила, потом себя саму рядышком. Благодать! А Борька с костром возится, чтобы нас накормить. Ему походы привычнее, конечно, да только и рюкзак у него нашим не чета: и палатка у него, и топор, и вода, и гитара ещё.

— Ленка, — говорю, — посмотри на этого труженика. У меня такое чувство, что теперь мы оба, как честные люди, должны выйти за него замуж. А?

В небе же летала птица. Большая, я... никогда не видел, чтоб они в воздухе держались. А она высоко парила и кричала так, будто утренний петух кукарекать собирается, но перед самым «кукареком» внезапно замолкает. И оттого казалась мне эта птица загадочной, молчаливой. Я вообще привык, что птицы поют о солнце, о радости, друг о друге — разговаривают, перекликаются, перепеваются. А эта птица была одна-одинёшенька и именно кричала кому-то далёкому-далёкому, мудрому, по-птичьи понимающему — о том, что видела сверху...

Вечером был костёр и звёзды. Мы с Ленкой уже отдохнули и уплетали за обе щёки борькино варево, а он достал гитару и начал петь. И всё бы хорошо, если бы не соседи со стоянки под самой горой. Потому что Борька никак не мог их переорать: их было человек пять или семь, а он всего один. Устали мы с Ленкой от этого состязания и решили идти спать. Ленка замотала уши свитером и кое-как уснула. Бедная Седова, у неё дома слушают только классику.

Утром мы с нею встали только к обеду — к уже готовому обеду. Стоянка крикунов была пуста, только висели высоко на пихте колготки, валялись в костре обугленные полторы буханки хлеба, а на бревне красовались кривые вырубленные буквы: «Казань, 3 августа. Мы хотим вернуться». На поляне валялись банки и продукты. Я начал возмущаться, а Борька сказал:

— Очень добрые люди, притащили на себе в такую высоту тяжёленькую морковь и бесплатно подарили нам. И дров оставили. Уплетаешь мой пловчик за обе щёки — небось вкусно, а? Сиди и молчи!

Я замолчал, но мне почему-то сразу стало не вкусно.

Часам к трём мы запечатали палатку и отправились налегке в Долину сказок. Долина сказок — это такая седловина между гребнем и горой. Почти в самом дне этой чаши есть словно бы средневековая крепость, только из настоящих скал. А ведёт в неё узенькая песочно-каменная гномья дорожка, по краям которой растут пихточки, иногда совсем крохотные, и рядом — высоченные стебли цветов, тоже очень миниатюрных и точёных, в чашечке.

Лютик сказал, что это из-за климата здесь такие деревья. Которые повыше — те падают под ветром, и то и дело вдоль дорожки нависают их огромные косматые корни, под которыми, пожалуй, можно даже втроем спрятаться от дождя.

Ленка пришла в неопикуемый восторг, глубоко вздыхала при виде каждого лешего, камня или муравейника и, по-моему, забывала выдыхать.

— Мне сейчас остро хочется надеть кольчугу, смастерить секиру и стать тут при дороге, — сообщила Ленка, когда мы дошли до самой крепости. Я бы хотела быть стражником, охраняющим рубежи этой сказочной страны. Понимаете, чем больше меня восхищает эта гномья дорожка, этот детский рай, тем острее хочется отсюда вырасти и уйти в поход настоящий-настоящий! Тот, что лежит за рубежом этих стен...

Она неопределённо махнула рукой влево, в сторону одной из «сторожевых башен», и все мы остановились, а я судорожно схватился за фотоаппарат. В косых предвечерних лучах, ярко-солнечный, на ярко-солнечных камнях, стоял спиной к нам величественный человек. Были на нём темно-зелёные штаны и такая же куртка вневременного покроя, такие простые, что проще не бывает. Перепопоясывал куртку широкий плетёный ремень, а на нём ножны кожаные, из которых видна была резная рукоять. Стоял человек среди самых высоких глыб так, как стоят хозяева своих владений, как дозорные на посту. Солнечный и суровый, непостижимый король...

Мы остановились, и вдруг пролетела над нами та самая птица большая и громко крикнула, словно бы ему! Человек неспешно повернулся, поглядел на нас и отвернулся снова. Потом как-то быстро скользнул вниз.

— Колоритный дядечка, — сказал Борька и поспешил наверх по тропе. — Сейчас увидите дерево желаний, там и моя памятка должна быть...

— Осторожно, — сказал голос, и это опять таки был голос короля. — Муравьи тоже эту тропу облюбовали.

Я потанцевал, стараясь никого не задавить, потом поднял голову и увидел Дерево желаний. Несчастное, заматанное наглухо сотнями

грязных бинтов и тряпок, одиноко и беспомощно жалось оно к каменной плите, словно жертва на заклятие перед буйствующей толпой. И великая куча тряпок лежала под ним, а мой король молча срезал ножом одну за другой, бросая их вниз под ноги.

Борька от возмущения чуть не захлебнулся и разразился речью. Смысл речи был в том, что парень этот вандал и рушитель чьих-то священных дружб и надежд, в том числе его, борькиной.

— Нет, я — исполнитель желаний, — спокойно сказал тот. — Читать умеешь? Читай: «Хочу вернуться сюда и ещё раз увидеть всю эту красоту». Так вот, чтобы кто-то мог видеть здесь красоту, надо её, как минимум, не уничтожать.

— Ты какой-то больной, — ответил на это Борька. — Это одно-единственное дерево. Каждый турист такое сжигает за поход, и ничего, сколько лет уже стоят леса. Подумаешь — красота! Это больше, чем красота, это переплетение лучших мечтаний, это братство людей!

— Вот это братство? — парень сунул ему под нос грязный носок. — Или вот это? — он качнул сигарету в упаковке из-под лапши. — Изуверство это, а не братство. А то давай тебя тут положим, жгутами перетянем, всё это к тебе прицепим и напишем по всему

телу разными цветами братские слова. Сколько в мире людей ежедневно помирает, авось и без тебя земля не обеднеет. Хорошая идея, а?

— Вася, ты неправ, — многозначительно сказал Борька, а крепче выражаться не стал, поскольку парень был взрослее, суровей и с ножом.

— А я не Вася, — сказал тот. — Я Фёдор.

Ленка вдруг подскочила к дереву и давай тоже верёвочки снимать. И я за ней.

Борька взросло хмыкнул и ушёл за камни. А мы молча верёвочки отвязывали, а пихта дрожала и плакала рубцами.

— Однажды, — сказал вдруг Фёдор, — мне было очень, очень плохо, я еле добрёл до леса, упал под сосну и долго там пролежал, и слышал, как она по капельке возвращает мне жизнь. А потом я спросил у неё: чем я могу отплатить её? И услышал внутри себя: «Когда сможешь пройти не по траве, пройди не по траве»... — Понимаете, братцы?

— Ну, короче! — сказал Борька, появившись из-за скал. — Мы вместе или не вместе? Мне надоело вас ожидать. Или вы идёте, или это не по-товарищески.

Пришлось идти.

— Сбегаем до горы и вернёмся, — ободрял Борька.

— Гора, — сказала Ленка. — Далеко-далеко по всей округе отсюда музыка льётся. Здесь бы храм, здесь бы орган, колокол, красоту, а что вместо них? Палка с мусором, кто-то даже штаны намотал, чтобы все знали, что он вниз без штанов шёл! А камни, камни! Точно кладбищенские обелиски! Смотри: такой-то город, такая-то школа, имя, дата... Успокоились!

Я только за рукав её подёргал. С другой стороны, внизу, жаждущие славы и памяти накатали по полю больших глыб и имена из них свои сложили. Чтоб даже из космоса видать было: «Здесь был Вася!» Вот мы какие, любуйся, Вселенная: это мы! Мы! Мы!..

Пока мы смотрели по сторонам, Борька спускаться начал. Пришлось догонять. Так ведь он нарочно взял в сторону, завёл нас на другую тропу по другому склону, мы долго плутали и не видели больше ни пихточки, ни надписи той, ни Фёдора, конечно. Но зря Борька старался, потому что земля круглая и рано или поздно все наши поступки и непоступки к нам же и вернутся.

Народ почти весь ушёл, остались только костровища, примятая жухлая трава да мусорные кучи — где побольше, где поменьше.

— Не рыдай, — сказал мне Борька. — Не первый век стоит Таганай, как видишь, не упал ещё. Природа живучая, умеет восстанавливаться. В конце концов, есть здесь всякая администрация, это их забота — о порядке думать, мусор вывозить или там закапывать. А мне за это не платят. Что, кто ужин будет готовить? Опять я?

Мы с Ленкой начистили картошки и пошли по стоянкам. На одной Ленка чуть не расплакалась: у кого-то хватило ума половину живых пихт надрубить. В другие деревья где гвозди повбивали, где кору ободрали.

Борька наладил костёр — и за нами пошёл. Холодно уже, а ему всё нипочём: идёт раздетый, мышцы по телу катает, зуб на груди болтается.

— А, — говорит, — смотрите: вот тут ножички метали. Это, братцы, ещё какое искусство. Слабо вот так с трёх шагов в цель попасть.

Достал из кармана нож и как метнёт в пихту!

— Ах, как метко! Видно, долго тренировался? — восторженным голосом спросила Ленка.

— Да уж с первого раза не выйдет, — довольно огласился Борька.

— Ах вот как, ну молодец! — сказала Ленка. А в меня — в меня тебе не слабо попасть? С трёх шагов! А?

Ушла в лагерь, спальник свой свернула и пошла из палатки на другую стоянку. Я думал, не пойти ли за ней, но не пошёл, потому что у меня ангина хроническая — лишний раз не погеройствуешь.

А Борька усмехнулся, костёр пожарче развёл и за гитару взялся. Теперь уже никто его не перекрикивал — бился его голос о гребень и далеко по округе разносился. Пел Борька про женское коварство, про неласковую судьбу, про несправедливость.

Проснулся я оттого, что кто-то затопал по тропе, и мужской голос сказал:

— Да-а, видать, и здесь был Фёдор!

Вылезли мы из палатки и поразились. Убрана была наша поляна, щепки подметены, банок наших пустых как не бывало. А в костровище на четвертушке альбомного листа записка:

«Человек! Если ты разводишь огонь там, где нет костровища, прошу тебя: пожалуйста, потрать десять минут на то, чтобы защитить природу. Возьми нож или топор и аккуратно срежь верхний слой дёрна — сантиметров в пять высотой. Скатай его в коврик и отложи. А когда будешь уходить, разровняй золу, положи сверху коврик и полей его. Ведь это так просто.

Пожалуйста, не разводи костёр около корней деревьев. Им больно. Ещё больно живым деревьям, когда их рубят или заживо обдирают с них кожу.

Консервные банки совсем недолго обжечь в костре и заплотить топором. Лёжа после этого в костровище, они постепенно превратятся в окалину. А алюминиевые банки прогорают целиком, как и пластиковые бутылки.

Пожалуйста, потрудись убрать за собой щепки. Трава так же трудно расти сквозь них, как нам жить, если бы у нас с тобой дома валялись разные посторонние предметы.

Ты уже снял палатку? Прошу тебя, потрать ещё чуток сил на то, чтобы полить траву, которую ты примял за ночь. Пусть ей хватит сил оправиться после твоего визита.

Если кто-то из твоих друзей не знает этих простых правил, расскажи ему. К сожалению, кроме тебя, больше никому это сделать.

Человек, пожалуйста, будь человеком. Это так важно. Спасибо тебе, если ты меня услышал, а я как сумел, так и написал. Ф. Р.С. Что посеем, то и пожнём...».

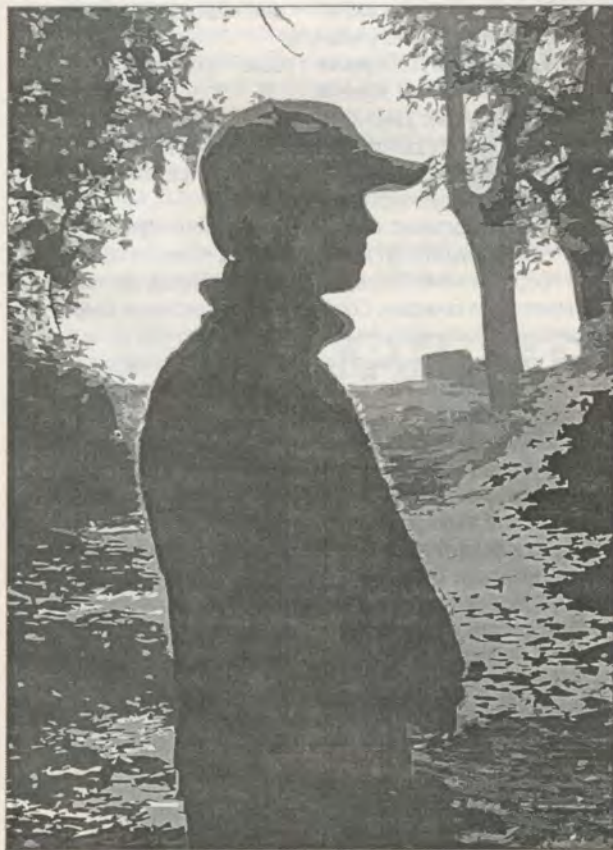
Пошёл я на полянку к раненым пихтам Ленку будить. Чистота там была — не узнать. Только Ленка под деревом спит застёгнутая, комочком свернулась.

— Ленка, — говорю, — это не ты тут чудо сотворила?

Она голову высунула, разахалась. Не она.

Потом засунула два сухаря в карман, бутылку маленькую воды прихватила и пошла на гребень. Я за ней. Стали карабкаться. Ленке непременно надо на самый верх. Вчера на горе дрожь дрожала, а тут в такие щели лезет, что оторопь берёт. Я уже лез от безысходности, чтобы одному не остаться.

— Ленка, ты чего такая?

Иллюстрации Оксаны Свиридовой.

— Может, мы его сверху увидим, — сказала она.

— Кого? — удивился я. — Фёдора, что ли? Ты никак влюбилась, а?

— Не твоё дело, — сказала она.

Ну вот, я за нею лез, лез и всё думал... Кажется, одинаковые камни как внизу, так и наверху, но разница между ними есть. Потому что с каждым шагом в высоту растёт ответственность. Внизу я прыгну даже на шатающийся камень, уповая на тот один случай из пяти, что авось всё будет нормально, ну а нет — так нет, невелика беда. Как дело в гору пойдёт, я уже за тот камень возьмусь, который на девяносто процентов надёжен. А на самом, самом верху, где под ногами бездна, мне нужен только тот камень, который надёжен на все сто. И если сорвусь я или Ленка — ну, поплачут родственники, приятели... А если, братцы, Фёдор сорвётся, по нему вся природа каждой травинкой заплачет.

Когда мы спустились, то обнаружили, что палатки нет, только клеёнка от дождя, консервы потяжелее, канистра с водой. К пихте топором записка прищиплена та самая, только обратной стороной, и написано: «Раз вам и без меня можно, не буду вас больше обременять. Привет Фёдору».

— Здесь был Боря, — Ленка покачала головой, вынула топор, смолой рану замазала, полила драгоценной водой, оставила нам только пару глотков.

Мне было грустно, я не мог понять, почему я не люблю Борьку, когда он столько всего для нас сделал: и грузы нёс, и еду варил, и заботился. Но потом я понял, почему: потому что он всё это делал ради себя самого. Чтобы Ленка его обожала, чтобы я его обожал, чтобы он сам себя обожал...

Но это совсем не конец истории. Ленка с того дня сделалась великим туристом, купила топор, котелок, карту, научилась этот топор натачивать и костёр с одной спички разжигать или даже с углей. Всё за один неполный август.

В следующее лето излазила она горы и гребни разные, и что только могла. Представьте себе, искала своего Фёдора. Увидит грязную стоянку — очистит, увидит чистую — бежит во все палатки заглядывать. Появилось у неё приятелей несчитано: и Миши, и Гриши, и Даши, и Маши, и кто хочешь, даже один Фёдор, да не тот.

А Фёдор... Знаете, когда я вижу что-нибудь чистое и красивое, мне теперь часто приходит на ум эта фраза: «Здесь был Фёдор». И во мне самом с тех пор тоже, если хотите, «был Фёдор». Был и остался, посеял себя и пророс, не сразу, но понемногу пророс. И никому я его не отдам теперь. А если даст он семена дальше — это будет вообще замечательно!

Наталья САВИЦКАЯ

ЛОЖЬ

— Мисс Николе, пожалуйста, позвоните моей жене и скажите, что я буду дома через полчаса, — доктор Блейк, видный психолог с большой практикой, с наслаждением откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. С тех пор, как два месяца назад младший сын Майкл с семьей переехал в Лондон и они впервые за многие годы остались с женой вдвоем в их старом доме, миссис Блейк превратила ужины в целый ритуал, и доктору это нравилось. Частенько он заезжал по дороге в магазинчик к старому Джону и покупал бутылку вина, а дома его уже ждал накрытый стол. Ужинали они не торопясь, жена рассказывала о новостях, услышанных за день, пересказывала письма, полученные от Майкла из Лондона и от старшего, Сирила, из Новой Зеландии. Он рассеянно слушал, с удовольствием поглощая очередной кулинарный шедевр, а потом всегда получалось так, что они начинали вспоминать прошлую жизнь, бережно перебирая ее эпизоды один за другим, как фамильные драгоценности. Улыбнувшись своим мыслям, доктор открыл глаза и тут увидел, что его помощница все еще стоит у двери, смущенно глядя на него:

— Доктор, вас ждет еще одна пациентка. Та, что записалась вчера. Из Дорна.

— Господи, мисс Николе, я совершенно забыл о ней, — доктор даже привстал в кресле. — Совершенно забыл, зовите. Да, и скажите моей жене, что буду, — тут он замялся, — через час... с четвертью.

Мисс Николе открыла дверь в приемную и, профессионально улыбнувшись, громко произнесла:

— Миссис Джонс, доктор ждет вас, проходите, — и посторонилась, пропуская в кабинет пациентку — молодую темноволосую женщину в дорогом, но несколько старомодном костюме.

— Добрый вечер, присаживайтесь, миссис Джонс, — доктор поднялся из-за стола и указал пациентке на кресло. Мисс Николе выскользнула из кабинета, неслышно притворив дверь.

— Извините, если вам пришлось ждать, я вас слушаю, — доктор вновь сел и посмотрел на посетительницу, пытаясь понять, до того как она заговорит, с чем придется иметь дело на этот раз. Взгляд у женщины был немного растерянный, словно в последний момент она засомневалась, стоило ли вообще приходить сюда. Она села, положив на колени сумочку, и принялась тереть ее ремешок. «Невроз на почве семейных проблем, — устало подумал доктор, — легкое успокоительное, отпуск на море, лучше с подругой», — и он приготовился слушать.

— Доктор Блейк, мне порекомендовала вас моя свекровь. Миссис Джонс замолкла, глубоко вздохнула и, взглянув прямо на доктора, выпалила:

— Люди слишком много лгут, я устала!

За свою долголетнюю деятельность доктор Блейк беседовал с тысячами пациентов и мало чему уже мог удивляться, и в этом случае он лишь вздохнул и тихо произнес:

— Совершенно согласен с вами, миссис Джонс, но люди лгали всегда.

— Но я не могу больше этого терпеть, понимаете? Вокруг

одна ложь, я думала, что привыкну к этому, научусь не замечать, но я больше... — она запнулась.

«Нет, не невроз, пожалуй, психоз. Возможно, старая травма. Значит, транквилизаторы и несколько сеансов бесед», — доктор посмотрел на пациентку более внимательно.

— Понимаете, я с детства чувствую ложь, чувствую — и все. То есть я знаю, когда человек, говорящий со мной, лжет, а когда говорит правду. Это просто наказание.

— Как вы это узнаете? — непроизвольно поинтересовался доктор.

— Просто знаю, что сказанное — неправда. Чувствую, как дурной запах, после этого не перестанешь общаться с человеком, но близко подходить не будешь, — она грустно улыбнулась. — А это ужасно тяжело. Представляете, меня невозможно обмануть, или мне все время приходится притворяться, что я верю. Раньше это было не так важно, но теперь, когда я замужем... Я не хочу, понимаете, больше не хочу этого чувствовать. Не хочу знать! — она почти кричала.

«Все-таки семейные проблемы, — снова решил доктор, — но, кажется, все серьезнее, чем я думал».

— Вы можете мне помочь? — она смотрела настолько по-детски, что он невольно улыбнулся.

— Я думаю, мы разберемся с вашей проблемой. У вас возникли неприятности с мужем?

В глазах миссис Джонс мелькнуло разочарование:

— Нет пока... но, доктор, этот мой дар, или наказание, в семейной жизни совершенно невозможен! Представляете, если я всегда буду знать, когда муж лжет мне...

Доктор представил подобную ситуацию: «Действительно, ужас, — подумал он и тут же спохватился, — чему я поверил! Да этого просто не может быть, это просто нервы, да, все-таки транквилизаторы и беседы». Создание доверительных отношений с пациентом было его коньком, и он активно взялся за работу. «Здесь, пожалуй, нужна отеческая забота и немного властный тон — так, во всяком случае, мы уберем истерику», — решил он и спросил:

— Миссис Джонс, как вас зовут?

— Мюриэл, — вздохнула женщина.

Доктор улыбнулся:

— Так зовут мою дочь.

Как только он произнес эти слова, молодая женщина изменилась в лице и отпрянула так, будто доктор собирался ударить ее. Почти шепотом она произнесла:

— У вас нет дочери по имени Мюриэл, вы лжете!

— Я... — доктор не мог подобрать слов, у него действительно не было дочери Мюриэл, да и вообще не было дочери. Но, растерявшись лишь на мгновение, он быстро пришел в себя, — Простите, вы абсолютно правы, у меня нет дочери, но... — он не успел договорить.

— Вы опять лжете, — как-то безразлично сказала посетительница, — дочь у вас есть, но имя ее не Мюриэл.

И тут, впервые за многие годы успешной практики, доктор не выдержал. Сказался и возраст, и напряженный рабочий день, и мысли об остывающем ужине:

— И как же, по вашему, зовут мою дочь? Вирджиния Эдварде?

Он не мог потом объяснить даже самому себе, почему именно это имя, имя его давней и забытой любви, пришло ему в голову, но в следующий момент он не думал об этом, поскольку миссис Джонс все тем же бесцветным голосом произнесла:

— Да, вот сейчас вы сказали правду. Вашу дочь зовут Вирджиния Эдварде.

И добавила, помолчав:

— Я, пожалуй, пойду, доктор Блейк.

Доктор уже взял себя в руки:

— Я считаю, миссис Джонс, Мюриэл, что нам необходимо будет встретиться еще раз, а пока я выпишу вам рецепт, это легкое успокоительное, и... — он осекся, взглянув на молодую женщину, и медленно произнес:

— Простите меня, я...

Она не дала ему договорить:

— Ничего доктор, я вас понимаю, всего доброго.

Затем поднялась с кресла и быстро вышла из кабинета.

Несколько минут доктор Блейк сидел, глядя на закрывшуюся дверь. Мысли его были далеко, он вспоминал муниципальную клинику в Дорчестере, где он, молодой практикант, встретил Вирджи, спокойную и удивительно красивую. Она была медсестрой и часто подрабатывала, беря ночные дежурства. Они полюбили друг друга и пробыли вместе весь год, что он проработал в клинике. Но через некоторое время ее безоглядная любовь, покорность и простота стали тяготить его, и когда ему предложили перевод в другую клинику, он с радостью согласился, пообещав, что, как только устроится на новом месте, они, наконец, поженятся. Он уехал, искренне веря, что так оно и будет. Но новая жизнь захватила его, карьера требовала все больше сил и времени, и он откладывал и откладывал их новую встречу. Вирджи не упрекала его и вскоре перестала и вовсе напоминать о себе. Он с облегчением воспринял это и лишь иногда вспоминал о ней с большой теплотой и некоторым чувством вины.

«Вашу дочь зовут Вирджиния Эдварде, вашу дочь зовут Вирджиния Эдварде, — он снова и снова мысленно повторял

слова пациентки, — Вирджиния Эдварде». Всю свою жизнь доктор был очень аккуратным человеком, каждый раз, заводя новую записную книжку, он педантично переносил туда все имена и адреса из старой. Постепенно книжки превратились в картотеку, и сейчас доктор Блейк быстро перебирал плотные гляцевые карточки в длинном картонном ящике. «Эдварде, Вирджиния, Дорчестер», далее следовал номер телефона. Словно боясь передумать, доктор схватил телефонную трубку и набрал номер. Последовало несколько длинных гудков:

— Алёёё, — отозвался детский голосок, затем послышалась возня и строгий окрик:

«Эмили, немедленно отдай маме трубку!». Через несколько секунд приятный женский голос произнес:

— Я слушаю вас.

У доктора перехватило дыхание, секунду помолчав, он сказал:

— Здравствуйте, могу я поговорить с Вирджинией Эдварде?

— Это я, — ответила женщина, — я слушаю.

Доктор опять замялся:

— С мисс Вирджинией Керолайн Эдварде.

На этот раз молчание повисло на том конце провода. Наконец ему ответили:

— Кто ее спрашивает?

— Доктор Смит, — солгал не первый раз за вечер доктор. — Коллега. Мы работали когда-то вместе, в клинике, лет тридцать пять тому назад, потом потеряли друг друга из виду, и...

— Мама умерла несколько лет тому назад, — быстро ответила другая Вирджиния Эдварде.

— Простите, я не знал. Примите мои запоздалые соболезнования, — он глубоко вздохнул и вдруг решился, — и передайте их ее мужу.

— Мама никогда не была замужем, — сухо произнесла его собеседница.

— Еще раз извините. Всего доброго. Ваша мама была прекрасной женщиной, Вирджиния, — сказал доктор и медленно положил трубку.

ТРИ ЕГО ЖЕНЩИНЫ

БЫВШАЯ

Когда-то он казался мне верхов совершенства: такой элегантный, современный и такой удивительно мягкий. Обычная скромная студентка, живущая на стипендию в общежитии, какой я была, могла только помечтать о таком. Но я воплотила свою мечту, он стал моим и был в то время он у меня единственным. Я тогда очень его любила. Правда, когда я начала работать и довольно успешно делать карьеру, конечно, сразу стали появляться и другие, а он на их фоне тускнел. Да и годы не прибавляли ему шарма. В конце концов я рассталась с ним и сделала это без сожаления. А сейчас, глядя на старые фотографии, я испытываю легкую тоску лишь по той ушедшей поре, а о нем думаю только как о неотъемлемой части того беззаботного времени, и не более, хотя и не менее.

НЫНЕШНЯЯ

Как только я его увидела, сразу поняла — он должен быть моим. Даже несмотря на то, что в тот момент он выглядел, мягко говоря, не очень, но я-то сумела разглядеть, каков он на самом деле. И я не ошиблась. Сейчас просто не представляю, как обхо-

дилась бы без него. К тому же на всяких вечеринках я вижу взгляды моих знакомых. Даже мой бывший, этот гордец, подошел как-то, улучив момент, когда я была одна, и небрежно так бросил: «Неплохо выглядишь. С чего бы?». А это что-нибудь да значит!

БУДУЩАЯ

Надо же, как ей повезло! И где она его откопала? Вроде, ходим в одни и те же места, и вот, пожалуйста! И главное, до сегодняшнего дня даже словом не обмолвилась! А ведь он просто создан для меня, или я для него.. Именно о таком я мечтаю уже давно. Конечно, он, как бы это сказать, ну, не очень современный, что ли? Но в этом и есть львиная доля его привлекательности. А ей он скоро надоеет, это точно! У нее всегда все как-то мимолетно, то такой — то другой. К тому же, между нами говоря, она пополнила сильно за последнее время. Если так пойдет и дальше, посмотрим, сколько он у нее продержится.. Ну все-таки интересно, откуда же он взялся.

Из second hand? Да она просто шутит! Ну, никогда бы не сказала.. Такой потрясающий свитер!

Евгения ИЗВАРИНА

* * *

Не снежинка ль на губе
отцвела? Не век ли прожит?

Сердце, это о тебе:
«...не любить оно не может».

Радость, это за тобой
нынче рано приходили —

запивая сердца сбой,
губы воду холодили.

* * *

В лицо распушив — косу,
в кольцо заключив — рук,
присниться тебе без спросу,
то есть без мук
знакомства...

Пока тонет —
спрашивали блесну:
к плечу ли плечо клонит,
или — ко сну?
Нам ли не распогодится
свидеться?

А пока
спит и видит, как водится,
рыбак рыбака.

* * *

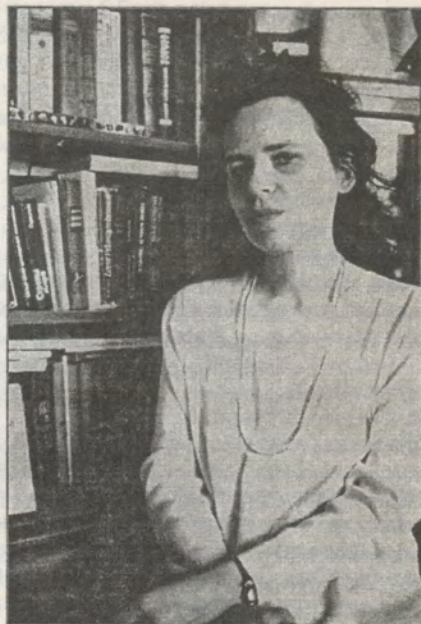
«Не просыпайся — это я.
Не одевайся — не войду...»

Действительно ли — тень твоя?
Иль только — сон, как на беду,
слепающий — в сумерках тоски
и безразличья ко всему?..

«Не подымайся на носки —
дай, на руки возьму...»

* * *

Рука руку моет —
много ль понимает?
...То ли сердце ноет,
будто бы не знает,
как гостей приваждать
в дом на перекрестке
и весну погладить
по шмелиной шерстке,

как запанибрата —
в лето без берета...

То-то и растрата —
звонкая монета.

* * *

«Забудем, перейдем на «вы»...
Но это — присказка всего лишь.

...И обручатся две травы,
как только ты кольцо уронишь.
Две радуги обнимут куст,
шатающийся в чистом поле...
«Что это было?..» — Ковшик пуст
на зацелованном престоле:
бросайте кольца, ордена,
цвет вереска и апельсина...

- Трава с травой разведена.
Земля земле невыносима.

* * *

Говорю: «Останься!» (надо бы сказать:
«Пожелай мне счастья и прощай»).
Ни о чем не думать.
Ничего не знать.
Все, что вышло, — вышло невзначай.

Да не оскудеют планы у судьбы.
 Нами же — вертела просто так:
 «Если бы, —
 ухмылялась, —
 да кабы
 я, как вы, ловилась на любой пустяк! —
 этот сквер, хотя бы под прицелом фонарей,
 выбор места — общий и ничей...»

Говорю: «Да будет утро вечера мудрей» —
 словно нет и не было ночей.

Со снопом волос твоих овсяных...
 (С. Есенин)

Волосы, стебли, смолы
 выгорят добела,
 и колосков уколы —
 чтобы острее была
 нежность, иже воскресе...

Господи, тайны все —
 в наилегчайшем весе,
 в колющемся овсе.

Сад — и шепотов напевность.
 Середина дня.
 Сад — и бренность,
 Сад — и ревность
 зоркого огня.
 Сад — и взгляды над глотками,
 сговор за вином...

Шелк — широкими витками,
 цепь — к звену звеном
 падают...

Когда подуют
 зимние ветра,
 здесь рябины облюбуют
 место для костра,
 и вино пойдет — с горчинкой,
 и полюбишь ты в ночи —
 не учась, огонь лучинкой
 разжигать в печи.

Бабье лето — былая краса:
 «...Задохнулся, когда позвала ты...»

То есть полупрозрачны леса,
 позолочены и розоваты.
 Серых глаз этих омут глубок,
 не войдешь в этот дом молодою...

Но — червонец берешь на зубок,
 и смешинки летят над водою,
 и закат в камышовом пуху
 весь — из палевых лисьих подпалин:
 мало что ли —
 гольца на уху,
 камышом занавешенных спален?

Река напевает, а поле не слышит.
 Серебряной нитью безвременник вышит,
 сиреневый днём — бестелесный ночами...

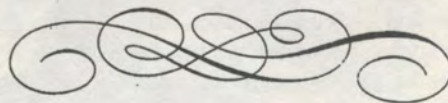
Как будто — идём, не касаясь плечами,
 и сердце пощады не просит впервые:
 глядели бы реку цветы полевые...

...Как удалась уха на зависть,
 а хлеба дали лесники;
 как с камышом переплетались
 китайских сказок тростники;
 как, дочитав о богдыхане,
 кидали камешки на спор,
 и перехватывал дыханье
 неосязаемый простор,
 лишь тронутый полоской дыма
 и вспышкой солнца на ноже...

Как только что — необходимо,
 и как — не надобно уже.

Теперь и всегда:
 всё — прах
 всё — край.
 Гори, звезда,
 гори-прогорай.

Тогда и теперь
 и край —
 всё рай...
 Верь, сердце, верь.
 Гори-прогорай.

Галина ФЁДОРОВА

Плывём мы по Конде, нам страх неведом

16 дней продолжалось путешествие на катамаранах по Конде, от Шаима до Междуреченского. 250 километров прошли по воде участники передвижного туристско-краеведческого лагеря «Конда». Проект передвижного лагеря завоевал Грант 3 степени в окружном конкурсе вариативных программ в сфере «Профилактика безнадзорности и защита прав детей». Среди участников сплава и соавтор проекта — директор молодежного информационного центра КДМ С.И. Непомнящих. Сплав получил статус районной акции «Мы за здоровый образ жизни».

В начале августа в Шаиме, там, где впервые была распечатана сокровищница нефти и газа Тюмени, собрались участники сплава. Трудности пути, радости — всё ещё впереди. Ребята, а их было 30 человек — из разных посёлков, — большею частью незнакомы. Дыма туристского костра большинство тоже не нюхали. И тем более не знали, как грести на катамаране. И что руки будут болеть... И усталость навалится... Семь катамаранов, одна байдарка, груз — семь палаток, одежда, продукты... Все участники сплава разделены на три отряда.

Краеведами руководил Николай Иванович Ермаков, географ из Чантырьи. С ним его воспитанники, спецы краеведения. Их задача — беседовать со старожилами, выявлять стоянки древних людей, расспрашивать об истории посёлков. Готовить материалы для юбилея района.

Другой отряд — летописцы. Их возглавлял Сергей Анатольевич Петров, автор идеи сплава и начальник лагеря. Летописцы вели дневники и издавали газеты. Они сделали карту, где на голубой ленте реки якорьками отмечены привалы. Условным обозначением палатки — ночлег. Купание — оранжевым треугольником.

В стенгазетах летописцы рассказывали про все события в лагере: и про кота Боцмана Матроскина, и про встречу в клубе Чантырьи.

Третий отряд — туристы. Ими руководил инструктор по туризму Николай Иванович Павлов. Их дело — обеспечить безопасность на воде, прохождение маршрута, установку палаток. Для туристов наиболее запомнившийся эпизод — переправа через протоку, когда 300 метров пришлось тащить на себе катамараны посуху. А

каждый — по 50 кг, да ещё и груз. Тянули, бывало, катамараны и по реке, когда вдруг ударил ветер. Сами по реке, а катамараны — на верёвках...

Правда, погода в основном благоприятствовала. Это поначалу она устроила путешественникам испытание, проверяла...

Делали дневку около Урая, и к вечеру вдруг ударил резкий ветер перед грозой. Байдарку подхватило и понесло в полутора метрах над землёй. Один тент порвало, а другой унесло — и с концом. Не нашли потом. Правда, никто не потерял самообладания. Живо ста-

— Пришлось лезть в реку и тащить их за штаны на берег. Потом одежду сушили, их в спальные мешки отогреться засунули. Ужасно хотелось им подзатыльников дать и отшлёпать. С водой шутить нельзя. Наши ребята все умели плавать. Я доволен туристами. Даже те, кто поначалу пальцы веером пытался ставить, потом показали себя отлично. Шелуха слетела.

*Фотографии предоставлены
С.И. Непомнящих.*

ли вытаскивать колышки и класть палатки на землю, чтоб придавить, чтоб не унесло ветром, не порвало.

Ещё одно ЧП произошло около п. Лугового. Только на этот раз ЧП со знаком плюс. Николай Иванович Павлов спас двух незадачливых мальчишек-луговкан, которые в ветер и волны вышли на Конду на юркой осиночке. Они не смогли справиться с волнами, лодку захлестнуло, и пацаны оказались в воде. Неизвестно, как бы всё это завершилось, если бы рядом не оказалось профессиональных спасателей. Николай Иванович рассказывает:

Владимир ПУРОНЕН

Уральская монета

Нумизматам хорошо знакомы медные монеты с меткой «Е.М.» («Екатеринбургская монета»). К сожалению, не только начинающие, но даже и сравнительно опытные коллекционеры порой не очень ясно представляют себе историю появления на Урале монетных дворов. А ведь именно здесь более века было сосредоточено основное производство медных российских денег. Как же все это начиналось?

Основным денежным металлом Московской Руси до середины XVII века было серебро. Золотые копейки Василия Шуйского были исключением, деньгами чрезвычайных обстоятельств. Но вся беда в том, что эти самые «чрезвычайные обстоятельства» для Руси того времени были делом, можно сказать, почти обыденным. Частые и не всегда удачные войны в прошлом, как, впрочем, и сегодня, приводили в расстройство экономику страны.

Во время очередной русско-польской войны царь Алексей Михайлович по совету своих не слишком грамотных в финансовых делах бояр решил поправить тяжелое положение страны проведением денежной реформы (ну совсем как в наши дни!). Попытка в ходе этой реформы выпустить медную монету, которая ходила бы наравне с серебряной, привела к почти полному исчезновению из оборота серебра и небывалому потрясению всей хозяйственной жизни государства. «Медный бунт» 1662 года заставил московское правительство отказаться от медной монеты и вернуться к серебряным копейкам.

Вторую и на сей раз более удачную попытку ввести в оборот медные деньги предпринял младший сын Алексея Михайловича — Петр Алексеевич, он же Петр I. Принудили его к этому сходные обстоятельства — завершалась война с Турцией и начиналась тяжелейшая Северная война со Швецией (1700-1721). Но в отличие от своего отца Петр действовал более тактично, не спеша. Чеканка медных денег была только частью денежной реформы, в ходе которой появилось большинство привычных нам монет — рубли, полтинники, гривенники, пятаки... Правда, все эти монеты, включая копейку, в начале реформы (1700) чеканились из серебра, а из меди делали только фракции копейки — денги, полушки и полуполушки. Впрочем, последние оказались невыгодными в производстве и в обращении не «привились». Первые большие медные копейки появились — одновременно с серебряными рублевиками — в 1704 году. Но еще 14 лет медные копейки выпускались и находи-

лись в обращении наравне с серебряными. (После 1718 года регулярная чеканка и серебряных, и медных копеек прекратилась.) Население привыкло к медным деньгам, и выпуск медных монет более высоких, чем копейка, номиналов никакого явного недовольства не вызывал. (Строго говоря, в официальных бумагах того времени «монетами» назывались только серебряные деньги.)

Северная война требовала огромных расходов. Подати при Петре выросли в несколько раз. Денег — и в первую очередь медных — с каждым годом требовалось все больше и больше. Если серебряные рудники России тогда обеспечивали чеканку только ничтожной части серебряной монеты и большая часть тех же самых рублей перечеканивалась из талеров, то медные рудники Урала обеспечивали московские монетные дворы нужным сырьем полностью.

Но от Урала до Москвы путь неблизкий. Главными, а часто и единственными дорогами тогда были реки. Накопленные за осенне-зимний период запасы уральского металла во время весеннего половодья по волжско-камской водной системе сплавлялись в Москву. А затем часть уральской меди в виде готовых монет отправлялась тем же путем обратно — в Поволжье, на Урал и далее в Сибирь. Такие встречные перевозки заметно удорожали производство медных денег. Казалось, само собой напрашивалось простое решение — основать денежный двор по месту добычи меди и вывозить отсюда готовую продукцию. Но столь «простое», на первый взгляд, дело оказывалось далеко не простым. На Урале не было необходимых специалистов (а чеканка монет требовала работников высокой квалификации). Не было здесь необходимого оборудования и надежных людей, которым можно было бы доверить организацию столь важного государственного задания. Но самое главное — не было здесь подходящего места, где можно было открыть монетный двор. Это сегодня Средний Урал сравнительно густо заселен. Триста лет тому назад здесь только-только строились редкие, отстоящие на десятки, а то и сотни верст друг от друга горнозаводские городки и поселки, окруженные немногочисленными селами и деревушками.

Вскоре после основания — в 1723 году — Екатеринбурга новый город был признан самым подходящим местом для постройки здесь денежного двора. Медных рудников в окрестностях города было предостаточно, река Чусовая связывала здешний горнозаводской округ с волжско-камским водным путем.

В 1724 году Петр посылает в Швецию Василия Татищева — видного государственного деятеля, знатока горного дела, человека на Урале известного: в 1720-1722 годах (а затем и в 1734 -1737 гг.) он был главным управляющим казенными заводами. Помимо прочих дел император поручил Татищеву познакомиться с особенностями шведской денежной системы. Татищев узнал, что за шесть десятков лет до его приезда роль денег выполняли здесь тяжеловесные медные платы (они же «плоты», или «плиты»). Так как номинал этих плат — огромных медных пластин — был близок к цене шедшей на их изготовление меди, то эти «монеты» являлись полноценными деньгами и, говоря современным языком, служили гарантией стабильности шведской денежной системы того времени.

Изготовление плат не требовало высокой квалификации работников и сложного оборудования и обходилось дешевле чеканки монет обычного образца. Есть сведения, что подобными платами Петр решил заменить бывшие тогда в обращении легковесные пятаки — их делали из пуда меди на сорок рублей при стоимости сырья около пяти рублей за пуд. «Легкие» деньги легко подделывали. И фальшивых пятак ходило тогда немало, что вызывало известную тревогу не только у высших сановников, но и у самого самодержца. Новые деньги предполагалось чеканить по десятирублевой стопе, что заметно затруднило бы деятельность фальшивомонетчиков. Но увидеть уральские монеты самому Петру не удалось...

Уже после смерти императора по указу Сената от 18.06.1725 года велено было начать изготовление в Екатеринбурге по шведскому образцу медных плат достоинством от рубля до гривенника. Эти платы имели вид четырехугольных медных пластин разного размера (рублевые весили четыре фунта) с изображениями только на одной стороне. В 1726 году к рублям, полтинам, полуполтинам и гривнам добавились квадратные же пятаки и копейки. На лицевой стороне этих монет можно видеть российские гербы и легенду, состоящую из номинала, даты и названия места чеканки. Любопытная деталь: на квадратных пятаках надпись «Екатеринбург» встречалась в

трех разновидностях: «Екатеринь-бурхъ», «Екатеринь-бурхъ» и «Екатериньбурхъ».

Общее руководство денежным делом было поручено присланному из Москвы шведскому мастеру Дейману. Вместе с ним прибыли московские монетных дел мастера с соответствующими инструментами. Организовывать работу монетного двора Дейману помогал местный специалист берггешворен К. Гордеев. Контроль над изготовлением плат осуществлял главный начальник уральских казенных заводов Виллим Геннин.

В отличие от легковесных пятак последних лет царствования Петра I новые медные платы могли стать полноценными деньгами. Но не стали. В декабре 1726 года именным указом Екатерина I прекратила «делание плат» и повелела Екатеринбургскому монетному двору делать заготовки (кружки) для неполноценных (облег-

Плата - медная полтина Екатеринбургского монетного двора, 1726 г.

ченных) пятикопеечных монет. Эти заготовки отправлялись на столичные монетные дворы.

Платы были пущены в перделку, и до наших дней их сохранилось ничтожно мало. Встречающиеся в частных коллекциях квадратные копейки все без исключения являются подделками.

До середины XVIII века в Екатеринбурге не очень регулярно изготавливались заготовки для медных монет, а также чеканились денги и полушки, которых к 1751 году было выпущено почти на 2 млн. рублей. Небольшая часть этих монет в 1747 году получила клеймо «ЕК.БУ» (сокращение от Екатеринбурга). В наши дни монеты с такой маркировкой являются раритетами.

С 1755 года и до последней четверти XIX века Екатеринбургский монетный двор работал бесперебойно, выпуская медные монеты различных номиналов. Более того, в середине XIX века рассматривался вопрос о возможной чеканке на здешнем дворе золотой и серебряной монеты, благо большинство золотых и серебряных приисков России находилось на Урале и в Сибири. Но до реальной чеканки в Екатеринбурге денег из благородных металлов дело так и не дошло.

В XVIII-XIX веках в России было много монетных дворов: в Москве и Санкт-Петербурге, в Варшаве и Тифлисе, в Сузуне (Колывани) и Гельсингфорсе (Хельсинки)... Но большая часть медной монеты чеканилась все-таки в Екатеринбурге. К концу XVIII века ежегодный выпуск медных денег достигал здесь 2,5 млн. рублей.

Однако Екатеринбургский монетный двор был не единственным на Урале. Другой был основан в селении Аннинское на реке Бабке, примерно в 80 км южнее Перми.

Здесь следует сделать необходимое отступление. Сегодня Екатеринбург вполне оправданно считается столицей Урала. Но большую ошибку делают не очень грамотные журналисты и писатели, пишущие о дореволюционном прошлом Урала и упоминающие никогда не существовавшую Екатеринбургскую губернию. В описываемое время Екатеринбург был одним из городов сначала Пермского наместничества, затем одноименной губернии. Управляли губернией из Перми, здесь же принимались важнейшие решения, касающиеся экономической жизни огромного края, простиравшегося от Полярного круга до киргизских степей. Именно здесь, в Перми, и было предложено утвержденное затем Екатериной II решение основать в 1788 году в помощь Екатеринбургскому монетному двору еще два. Таковыми стали: Нижне-Исетский (вблизи Екатеринбурга) и Аннинский – на базе прекратившего производство Бабкинского медеплавильного завода. (Впрочем, Нижне-Исетский монетный двор хоть и считался формально самостоятельным, но некоторые специалисты склонны рассматривать его скорее как отделение Екатеринбургского.)

Появлению Аннинского завода способствовали большие финансовые затруднения российского правительства и неблагоприятные погодные условия на Урале.

При матушке Екатерине население России увеличилось почти вдвое за счет захвата новых земель у Польши и Турции. Но эти успехи дорого стоили. Частые войны

с Турцией, Польшей, Швецией, а также подавление пугачевского мятежа требовали огромных средств. Из-за военных расходов непрерывно увеличивался дефицит государственного бюджета. Недостаток звонкой монеты правительство решило покрыть выпуском бумажных денег (ассигнаций), которые должны были обеспечиваться (размениваться) медными деньгами. Однако неумеренный выпуск ассигнаций привел к нехватке медной монеты. Екатеринбургский денежный двор – основной поставщик медной монеты того времени – работал на пределе своих возможностей.

Основные станы завода приводились в движение водяными двигателями. На редкость засушливое лето 1787 года привело к резкому падению уровня воды в р. Исети. По этой причине завод с 20 июля по 1 октября совсем не работал, а за весь год здесь было выбито монет более чем на миллион рублей. Этот неожиданный сбой в производстве денег и заставил правительство учредить Аннинский монетный двор.

Начальником Аннинского и Нижне-Исетского монетных дворов был назначен опытный специалист денежного дела коллежской советник Федор Илларионович Грамматчиков. Незадолго до этого Грамматчиков не сумел наладить выпуск «сестрорецких» рублей, временно оказался не у дел и горел желанием загладить свою неудачу. Большая часть мастеров, станки и монетные штемпели были доставлены в Аннинское из Екатеринбурга. Подсобные работники нашлись на месте, и уже в январе 1789 года новый монетный двор выпустил первую продукцию с метками «А-М». Первоначально здесь чеканились преимущественно пятики по 16-рублевой стопе. По своей мощности Аннинский двор заметно уступал Екатеринбургскому. Только в 1791 году (точнее, с января 1790 по май 1791) выпуск денег превысил здесь один миллион рублей, в остальные годы эта сумма редко была больше 500 тыс. рублей.

Почему итоги чеканки подводились к 1 мая? Догадаться нетрудно. К этому времени реки очищались ото льда и по весеннему половодью начинался основной сплав готовой продукции уральских заводов.

В сентябре 1796 года чеканка новой монеты на Аннинском дворе была приостановлена, и здесь приступили к выполнению особо секретного задания государственной важности. Дефицит бюджета достиг к этому времени 200 млн. рублей – говоря современным языком, астрономической суммы. И генерал-фельдцейхмейстер Платон Зубов – последний фаворит Екатерины II – предложил пополнить казну перечеканкой готовой медной монеты по 32-рублевой стопе. При этом полушки превращались в денги, денги – в копейки, копейки становились двухкопеечниками, из двухкопеечных монет получались четырехкопеечные (вот каким образом появился на свет этот столь необычный для русской денежной системы номинал!), а

пятаки становились гривенниками. Нечто подобное предпринималось еще при Петре III, но Екатерина II, придя к власти, повелела обратить легковесную монету в первобытное состояние. И вот теперь она сама вынуждена была облегчать медные деньги. Так как перечеканкой невозможно было получить легковесные полушки и пятаки, то Аннинскому монетному двору поручалось наладить производство этих номиналов нового веса.

Однако в ноябре того же года Екатерина II скончалась, а вступивший на престол Павел I приказал перечеканку остановить, а уже перечеканенной монете - вернуть первоначальный вид. При этом на отдельных монетах сохранились следы этой двойной перечеканки (такие экземпляры являются сегодня редкостью). Легковесные полушки и пятаки пошли в переплавку.

К 1798 году в районе Перми стал ощущаться недостаток меди, и Аннинский монетный двор был закрыт. Его оборудование и мастера были переведены в Екатеринбург, за счет чего здесь было заметно расширено монетное производство.

За время своего существования Екатеринбургский монетный двор перестраивался пять раз. От последней перестройки до наших дней в Историческом сквере

сохранилась часть одного из корпусов. Всего за полторы сотни лет существования монетного двора на нем было отчеканено денег на сумму около 130 млн. рублей. В 70-е годы XIX века здесь трудилось около двух тысяч человек. В свое время специалисты Екатеринбургского монетного двора помогали пустить в ход подобные предприятия не только в Аннинском, но и в Сибири (на Алтае) и в Грузии (в Тифлисе)...

Но время шло... На смену водяным двигателям приходили паровые и газовые. Урал со столицами связала железная дорога, экономическое положение страны стало более прочным. После реформ генерала Канкринна к бумажным деньгам стало гораздо больше доверия, страна готовилась перейти на золотой монометаллизм... При этом роль медных денег заметно упала, а благодаря техническим усовершенствованиям столичный монетный двор мог обеспечить медной монетой всю страну. Надобность в Екатеринбургском монетном дворе исчезла, и он был закрыт.

Но старожилы и сегодня нет-нет да и называют Исторический сквер «монеткой». О том, что Екатеринбург некогда был одним из главных центров российского денежного дела, напоминает и название пригородной железнодорожной станции Монетная.

Екатеринбургский монетный двор.

Игорь ЗАВОДОВСКИЙ

Немного о себе. Заводовский Игорь Михайлович, родился на Дальнем Востоке в 1963 году в семье морского офицера. Окончил Владивостокский медицинский институт, офицер запаса медслужбы КТОФа. Врач 1 категории. Женат на одной женщине уже 15 лет, есть ребёнок. Живу и работаю в Кургане.

Две королевы (современная сказка)

*Королева (queen) - женская особь,
вершина эволюционного развития человеческого рода
или одного из животных видов.
Король всегда более слабая фигура.
Надпись над дверями спальни королевы - матери...*

1.

Общение с ядовитыми змеями всегда смертельно опасно. Так было и 2000 лет назад, когда Моисей водил народ по пустыне, так есть и сегодня. И хоть люди с верблюдов пересели на джипы, голубиную почту заменил телефон MTS и вместо боевых галер в строю авианосцы, законы природы — величина постоянная. Это вам не сказки рассказывать.

Столкнётся добрый молодец со змеей-королевой из семейства аспидов (Elapidae) — и оцепенеет тело, а липкий страх проникнет до самых глубин сознания. Здесь к смертельному ужасу примешивается нечто большее, почти поклонение перед абсолютной властью неминуемой смерти. Немного найдётся охотников выпустить кобру на свободу своими руками. А королевская египетская кобра (Naja hajje) — живая двухметровая пружина с лицензией на убийство.

2.

Жила-была в заморских краях кобра, целых 30 лет и зим. По их змеиным меркам была ещё не старая, но очень опытная, сильный охотник. Но попала в ловушку и теперь только и думала, как бы выбраться из прочного стеклянного ящика.

Крышку террариума открывали нечасто, бросали по одной живой мышке и сразу захлопывали обратно, отрезая африканской гостье путь к свободе. Её хозяевами были люди со светлой кожей, от которых часто пахло алкоголем. Чувствительное обоняние королевской кобры бурно протестовало против этого неприятного запаха, но внешне змея оставалась неподвижной. По мнению кобры, глупые белые люди были даже глупее египетских феллахов, которых она кусала чуть ли не ежегодно. Правда, то всё были неграмотные бедняки — незнатная добыча. Кобра умела ждать, она знала, что один шанс выйти на свободу у неё точно будет, его просто не может не быть. А пока она притворялась покорной и вспоминала, с чего началась её полоса неудач.

3.

Много лет на её территорию в пустыне заходили только сбившиеся с пути бедняки-феллахи, да геологи, в основном янки; многие из них и остались здесь в песке навсегда, могилы их надёжно засыпал ветер самум. Этот горячий пыльный ветер дул днём и ночью из долины. Туристов в этот кишашщий кобрами район было запрещено приводить под страхом смертной

казни. Проводники, шепча молитвы всемогущему аллаху, вводили группы к оазису Эль-Тор другими маршрутами. Хоть здесь и заморская страна третьего мира, попасть под меч палача никому не хотелось, к тому же дома почти каждого ждали две молодые жены и не менее десятка чумазых детишек.

Кобра и её сестры это прекрасно знали и считали свой королевский род неуязвимым. А пищи в пустыне для них всегда хватало и без людей.

Но, к несчастью, 9 лет назад в долину пришла русская экспедиция. Видать, дела на их родине шли совсем плохо, коли они забрались в эту долину смерти и ловили всё, что шевелилось: змей, ящериц, скорпионов и пр. И даже руками перекапывали песок в поисках «розы пустыни». Такое поведение в этих краях не осталось незамеченным змеиным семейством, ибо было безумным и непонятным, а всё непонятное страшно. Кусать их всем дружно расхотелось, и они держались от них на всякий случай подальше и днём, и ночью. Искусство прятаться кобры усвоили с детства и поэтому ни одна не попала к ловцам в мешки. Ловцы хотели увидеть королевскую кобру первыми, но кобра сама видела их первыми. Бригадир русских уж и сам наматывал километры по барханам и дюнам, но и он возвращался с пустыми руками. «Эх, зря купили дорогую лицензию на отлов королевской кобры», — горевал он. Он же сам собрал и организовал артель, надеясь заработать на нормальную жизнь.

Подошёл срок, закончилась вода, и за ловцами пришёл караван; все собрано в обратную дорогу, через пески, через Красное море и далее на север.

Теперь кобры наконец-то смогли расслабиться, ибо неизвестно, что ещё от этих русских ждать. Но одна наша зубастая героиня не учла особенностей русского менталитета. А случилось следующее.

Когда уже все имущество — клетки с добычей и пр. — было погружено в старенькие «Лендроверы», помощнику бригадира вдруг захотелось по большому «на двор», и он, на ходу расстёгивая комбез, как джейран, поскакал за ближний бархан. И сразу чуть не наступил на здоровенную ползучую особь. Через секунду человек и змея, испуганные, рванули с одинаковой скоростью, но в разные стороны. Увидев своего человека, бегущего стометровку без штанов, но с матерками, опытный бригадир всё понял...

Дорогую добычу рассматривали всем скопом. Только проводник Али держался подальше от этой твари, обладающей индульгенцией на убийство. Добрый Али просил аллаха всемилодивейшего уберечь этих работяг от смерти.

Итак, ядовитую королеву упаковали с особой осторожностью, так как загибаться в чужих песках в последний день «шабашки» никому не хотелось. К тому же дома всех ждали живыми их жёнушки-лебёдушки.

4.

Через 10 дней «королеву» продали за много-много зелёной валюты в московский зоопарк, где ей была уготована судьба живого экспоната. Но через год у директора открылся коммерческий зуд и он организовал свою «шабашку» — проводить выставки на черноморском побережье в курортные сезоны. Поскольку животные были дикие и шустрые, персонал подбирался из грамотных, опытных людей, большей частью из друзей и родственников шефа.

Делиться монетой с чужими не хотелось. Поэтому реальных шансов выбраться на свободу у нашей кобры-королевы не было. Если бы не случай!

5.

В курортном граде Анапе, как в Сочи, тёплые летние ночи и дни — период активной и шумной жизни — пик числа приезжих с толстыми кошельками. Но самые «крутые» гости проживают в белых высоких корпусах сверхдорогих пансионатов с режимными пляжами. Чистая голубая вода, мелкий-мелкий желтый песок, прохладный чистый ветер. Всё это свойственно нашему краснодарскому побережью. Но всё же Анапа — городок небольшой, развлечений немного, как ни старается молодая администрация. Поэтому жёны «новых русских», поумерив свою заносчивость, посещают с детшками парки и выставки, оборудованные для простого православного люда. Правда, посещают часто в сопровождении секьюрити (телохранителей).

Вот при таких обстоятельствах и занесло на выставку в бывший ведомственный ДК (а ныне КЦ им. генерала Ермолова) маму Свету из Кургана и её пятилетнюю будущую принцессу Наталку — существо доброе и доверчивое, при этом ещё и прехорошенькое. По пятам за ними вездеследовал домашний секьюрити — дядя Вова Мичурин, бывший спецназовец, а ныне тихо получающий военную пенсию в 200 зелёных монет, да ещё плюс 200 от шефа — директора Курганского соко-спиртозаводика. (Заводик днем выпускал вкусные соки «Динго», а по ночам, тайно, — вкусную водку «Дон», видать, с намёком на Дона Карлеоне). Шеф сам отложил ежегодный семейный вылет на заморские Канары по причине внезапных проблем с «крышей», которая хотела сгрести в охапку всю сверхприбыль. Бывает и хуже.

«С крышей мы будем долго разбираться, но не пропадать же лету, один раз отдохнут и в нашей Анапе», — решил шеф и отправил своих женщин к нашему Чёрному морю.

К охране семейства своего шефа дядя Вова относился серьёзно, как учили, тем более что имел дочку и внучку примерно такого возраста. Одно неудобство — в жару приходилось таскаться в пиджаке, чтобы скрыть кобру с ПМ под левой рукой. Мелкие хулиганы, завидев борцовскую фигуру секьюрити, обходили семейство стороной, а крупным мест-

ная армянская диаспора сама ноги повывёргивала, чему и ваш сказочник свидетель.

6.

Выставка экзотических животных работала без выходных. Площадь для животных выделили огромную, весь вестибюль второго этажа, но с единственным экскурсоводом. Экскурсовод Вера Тихоновна — бывший биолог, МНС в столичном БиоНИО, затем инструктор райкома, куда попала благодаря мужу — комитетчику. Надо сказать, что работник она и раньше была толковый, наблюдательный, психология поведения почти любого человека или животного была для неё открытой книгой. Многому, конечно, научилась и от мужа. Но на этой работе она больше по привычке, для себя, применяла свои навыки. Работа была нудная, явно не её уровня. Но сюда взяли её только по старой памяти, после внезапной смерти мужа. Уже немолодая вдова, она получала от государева приказа небольшую пенсию за рано умершего мужа — майора-кагебешника и работу на выставке считала удачей (регулярный заработок и москвичке не лишней).

Вторым человеком в зале был смотритель за животными Сан Саныч. Сегодня он был явно не в порядке, горько болел, ибо накануне отмечал свой день рождения — третий в этом сезоне.

«Пойду куплю минералки или пивка, у обезьян ведь замки, у пауков и змей тяжёлые крышки, только слабоумный будет их поднимать. Сбегаю в лавку, за 10 минут авось ничего не случится!», — так примерно рассуждал Сан Саныч. (А ведь русскую веру в «авось» ещё Владимир Ульянов критиковал).

И, проведив группу к началу экскурсии, где восседала за столиком Вера Тихоновна, смотритель рванул в лавку, что была неподалеку, ибо весь первый этаж занимали богатые коммерческие офисы и магазинчики. Поэтому возле дирекции постоянно дежурили два стрелца-омоновца при «пушках».

7.

Группа собралась обычная, до 20 человек: студенты, девчонки-подружки, семья из трех человек (явно с Урала), две семьи с севера, высокая шатенка с избытком золотых украшений и хорошенькой дочкой, их шкафообразный спутник, который с ненавистью воспринимал и этих гадов в клетках, и черноморскую жару. Один человек в группе был загадкой для Веры Тихоновны — невысокий мужичок в стоптанных ботинках, явно не местный. Вроде обычный служащий, с нежными руками. Но цепкие глаза явно не соответствовали остальной внешности, и двигался он по кошачьи, чуть-чуть напоминая её рано ушедшего мужа.

«На талиба с бородой он не похож, успокойся Вера, давай работай!», — сказала сама себе Вера Тихоновна. Проведя стандартную лекцию о представленных особях, особо остановилась на королевской кобре. Дальше по ходу шли клетки с обезьянами. Пока объясняла, почему зелёные мартишки совсем не зелёные, случилось маленькое ЧП. Ребёнок, первоклассник по виду, сунул руку в клетку к павиану (просто хотел погладить его ценный мех). Вера Тихоновна еле успела оттолкнуть неразумное дитя от клетки.

«Мальчик, тебя как тебя зовут? Миша! А ты знаешь, Миша,

что у павиана зубы, как у собаки, сразу пальцы откусит! Ты что, с Урала приехал и не знаешь? Всё понятно!», — строго отчитала она непоседу и его родителей. Группа сразу оживилась: как никак, небольшое развлечение на этом курорте. Павиан тоже внимательно слушал этот диалог, но из своей клетки. Вроде всё хорошо! Вдруг здоровый мужик в пиджаке встrepенул и растерянно спросил у своей спутницы: «Светлана Владимировна, а где ж ребёнок?». Бестолковая мамаша завертела головой. Ребёнок нашёлся быстро, на том конце длинного зала. Своими цепкими пальчиками белокурое чудо в ярко-розовом платье умудрилось отодвинуть 10-килограммовую крышку террариума с коброй, наверное, чтобы поиграться. 20 пар глаз дружно посмотрели на надпись: «Королевская кобра — *Naja haje*», а затем — на щель размером с кулак, откуда уже высовывался капюшон самой опасной змеи на планете. После первого укуса такого аспиды царица Клеопатра прожила 30 минут. Вот так! А бросок кобры — 0,2 секунды. Дистанция до ребёнка — шагов 50, пока добежишь, пока оттолкнешь... Считай сам, почти безнадежно.

Спасти ребёнка мог только многорукий бог Шива. Или — русское чудо.

В резко наступившей тишине все услышали слова Веры Тихоновны: «Ой, а у неё зубы не вырваны!». Вдруг резкое телодвижение в сторону охранника сделал маленький мужичок, сжал ему пальцами левой руки две точки у основания шеи. Тело у дядя Вовы вдруг стало ватным, и он, как сонный, опустился на пол. Правой рукой незнакомец растегнул чужой пиджак и выдернул ПМ из чужой кобуры, передёрнул затвор, проверил наличие желтого латунного патрона. Обеими руками направил ствол в сторону девочки. Первый выстрел больно хлопнул по ушам всем присутствующим. «Досадно, что мимо, давно не стрелял!», — поморщился стрелок. Но второй выстрел сразу оторвал полголовы у принявшей уже боевую стойку кобры.

От выстрелов включилась сигнализация на первом этаже. Омоновцы не подвели. На ходу передёргивая затворы, забежали на второй этаж. «На колени, брось ствол, быстро!» — грозно закричал нарушителю тот, который постарше. Только пятилетняя принцесса не испугалась и бросилась на шею незнакомцу. Тот бросил «макарова» под ноги служивым, поднял девочку на руки. «Ну, настоящая королева растёт!», — воскликнулся мужик и передал ребёнка на руки чуть живой матери.

«Я на вашего директора жалобу подам!», — запоздало разревелась мама Света.

8.

«Всё, сегодня решающий день, моему терпению конец! — текли мысли в змеином черепе накануне. — Как только откроется крышка, подъём — бросок — укус — бросок — бегство». Но группа проходила за группой, посетители глазели через стекло, слушали пояснения «биологини». Ни одного желающего приподнять крышку не было, самоубийц тоже. Да еще запах сивушных масел от Сан Саныча проникал даже через щели крышки. Чувствительные хеморецепторы бурно протестовали: ещё бы, обоняние королевской египетской кобры отыскивает добычу за 400 метров, а тут до стула смотрителя шагов сорок.

«Ну, погоди, попадешься шефу, он тебе холоду в зад нагонит, будешь ёжиков охранять!», — мечтала кобра. Смотритель вдруг куда-то оторвался от стула. Вот здесь и случилось. Улучив момент, маленькая Наташка неслышными шагами отделилась от основной группы; её бегство, кроме хитрой кобры, никто не заметил, все были заняты историей с зубами павиана. А тот, недовольно косясь на людей, подвинул к себе поближе охапку фруктов — на всякий случай. «Много вас тут ходит, потом яблоки из клетки пропадают!», — сердился самец.

Блестя глазёнками, наивная Наташка с трудом, по сантиметру, отодвигала тяжёлую крышку. Что-то тянуло одну «королеву» к другой. Не просто детское любопытство. Парадокс женской логики — отсутствие всякой логики. Каприз «королевы», который должен был закончиться трагически.

«Вот мой шанс», — все мышцы кобры напряглись, она превратилась в холодную боевую пружину, готовую подарить смерть любому живому существу на её пути. Стремительно поднялась, раскрыв свой капюшон. Высунув страшную голову, обнажила клыки-шприцы, наполненные парализующим токсином. Настройка на цель змеиных рецепторов закончена, и по нейронам уже готова идти команда «бросок!». Но броску помешал маленький свинцовый шарик девяти миллиметров в диаметре, со свистом пролетевший прямо перед пастью. «Вот это новый, достойный враг!», — кобра мгновенно развернулась в ту сторону, откуда стреляли. Термо- и барорецепторы определили второго врага, летящего, как горячий свинцовый ветер. Кобра бросилась в атаку! Но разве с пулей поспоришь! От столкновения с ней мир вокруг больно раскололся, наступила темнота и безмолвие. За микросекунду душа змеи отделилась от холодного тела и быстро устремилась вверх, выше всех слоев атмосферы, в чёрный космос, к своим предкам, в свой змеиный рай.

9.

Шум и конфликт грамотная дирекция погасила быстро. Омоновцы сняли наручники с нарушителя и вернулись в офис охранять дальше. Кобру списали в безвозвратные санитарные потери. Ребёнку вручили торт-мороженое. Матери ребёнка вручили абонемент на весь месяц и за счет дирекции заведения всех четверых увезли на такси к самым воротам пансионата. По дороге все и познакомились. Секьюрити повёл героя к себе в одноместный номер, как водится, выпить пива. Но, между прочим, сразу спросил: «Слушай, я разных мастеров видел и на войне был. Где так учат? Колись давай!».

— В учебке, на Русском острове, — просто ответил спаситель.

— А-а, это где тыловая разведка флота, ниндзя-невидимки? Слышали, слышали! А сам родом из каких будешь? — спросил дядя Вова, наливая по кружке курганского «бархатного».

— «А*я из тех, кто прятался в тени, Я сорок лет уже в пути, Могу идти, но дальше не пойду, Могу сказать, но только молча жду, Я тот, чей разум в прошлом лишь живёт. Я тот, чей голос тих и потому к сияющим вершинам не зовёт...», — артистично процитировал мужик.

— Ну, давай ещё по кружке курганского «бархатного»!

За этим приятным занятием мы и оставляем наших героев.

ВЫБОР МАРШРУТА И КОМПЛЕКТОВАНИЕ ГРУПП В ВОДНОМ ПОХОДЕ

Первыми вопросами организации похода являются **выбор маршрута и комплектование группы**. Правильно подобранный маршрут во многом определяет успех похода. В идеале маршрут должен быть выбран таким образом, чтобы все члены группы могли удовлетворить свои интересы. Кроме общего для всех желанного прохода маршрут с определенным набором препятствий, каждый участник хотел бы получить что-то от похода и для себя лично: половить рыбу, отснять слайды или кинофильм, собрать образцы минералов и т. п. Кроме того, маршрут должен отвечать уровню квалификации наименее опытных туристов, а физическая нагрузка должна соответствовать физическим возможностям наиболее слабых туристов. Однако ни один маршрут все интересы удовлетворить не может. Отсюда требования к группе: общность интересов, примерное равенство квалификации и физических возможностей (или взаимная терпимость, умение уважать интересы друг друга).

Обычно будущий руководитель похода выбирает район и начинает подбирать группу среди знакомых и через знакомых, бывает, что группа собирается из одного спортивного коллектива. При выборе маршрута первое, что следует принять во внимание, — уровень спортивной квалификации группы. Правила проведения спортивных туристских походов требуют, чтобы все участники будущего похода уже имели опыт участия в походе на категорию ниже (для 30% участников возможно отклонение — на две категории ниже). Руководитель же должен иметь опыт руководства походом на одну категорию ниже и опыт участия в походах той же категории сложности. Эти требования не всегда просто выполнить. Но, тем не менее, имеющийся у группы туристский опыт, по существу, должен быть достаточным для проведения задуманного похода.

Реки разных природных районов, имеющие одинаковую категорию сложности, различны по скорости, плотности препятствий, степени их опасности. Поэтому требуется определенный навык их прохождения и определенный порядок перехода от рек одного района к рекам другого. Можно наметить такой порядок перехода: реки европейского Севера и Урала-Саян-Кавказа-Алтая-горных районов Средней Азии.

Есть трудности другого порядка для групп, суще-

ствующих почти в постоянном составе несколько лет. В таких группах неизбежно наступает момент, когда не находится человека, который мог бы руководить более сложным походом. Некоторые коллективы приглашают руководителей, имеющих необходимый опыт, со стороны. Это не самое лучшее решение, так как оно временное, и, кроме того, может возникнуть конфликт между бывшим руководителем и временным и раскол между членами группы. Поэтому необходимо, чтобы члены «схоженной», существующей несколько лет группы время от времени, раз в два-три года, участвовали в походах с другими коллективами или занимались в семинарах и школах. Это позволит лидеру группы приобрести необходимый для дальнейшего руководства походами опыт участия в более сложных походах, даст толчок к освоению группой новых средств сплава, новинок техники и тактики.

При формировании группы и при выборе маршрута нужно учитывать требования «Правил проведения спортивных туристских походов», касающиеся перехода с одного класса судов на другие. В основу этих требований положена уже приводившаяся выше рекомендация по овладению основами водного туризма на байдарке и по дальнейшей специализации в сложных походах.

В том же документе предъявляются повышенные требования к опыту группы при совершении первопрохождений и походов в межсезонье. Совершая первопрохождение, группа движется медленнее, затрачивая много времени на разведку, страховку, описание и зарисовку препятствий, отсюда и повышенные требования к опыту. Межсезонье — термин, пока не определенный ни в одном документе. Видимо, под ним нужно подразумевать такое время, когда сложность и опасность прохождения реки возрастают. Исходя из этого, к межсезонью следует отнести время ледохода и 3 - 5 дней после него (опасности — плавающий лед, ледовые перемычки, повышенный уровень воды, пониженная температура) и время за одну-две недели до ледостава (опасности — снеговой покров на берегах, ночные заморозки, низкая температура воды и воздуха, короткий световой день), а также время летнего паводка на мощных реках с ледниковым питанием в горах Средней Азии (опасность — повышенный уровень воды).

Распределение обязанностей. Когда скомплектована группа и выбран маршрут, что при нормальном ходе подготовки к походу должно быть сделано не позже чем за 5 - 6 месяцев до выхода на маршрут, начинается конкретная работа. Конечно, состав группы может измениться на 1-2 человека, но это не меняет общего плана работ. В группе необходимо так распределить обязанности, чтобы каждый участник принял деятельное участие в подготовке похода. Руководитель подробно знакомится с маршрутом, составляет график движения, рабочую лоцию реки, готовит маршрутные документы и производит утверждение маршрута и состава группы в МКК. Завхоз составляет перечень продовольствия, привязанный к каждому дню маршрута, группирует продовольствие и дает список каждой паре дежурных для закупки продовольствия, а затем корректирует списки в рабочем порядке, в зависимости от обстоятельств. Ответственный за снаряжение составляет список группового и индивидуального снаряжения, сообщает список индивидуального снаряжения каждому участнику и распределяет групповое снаряжение между конкретными участниками, берущими его на маршрут. Одновременно он решает в рабочем порядке все возникающие в ходе подготовки вопросы по снаряжению. Ответственный за медицинскую помощь комплектует медицинскую аптечку.

Одновременно с распределением общих обязанностей в группе необходимо произвести предварительное комплектование экипажей. В водном туризме, кроме руководителя и его заместителя, очень важна также фигура командира судна. Фактически это заместитель руководителя, который самостоятельно решает все практические вопросы: выбора линии движения, управления судном, взаимодействия членов экипажа. Командирами судов должны назначаться самые опытные туристы, имеющие необходимые качества лидера. При комплектовании экипажей учитываются туристский опыт, личное желание и соответствие характеров туристов.

Организация тренировок. Серьезное значение имеет организация тренировок. В течение всего года каждый турист должен тренироваться индивидуально, поддерживая уровень общей и специальной физической подготовки. С момента комплектования группы полезно частично или полностью совместить тренировки по общей и специальной физической подготовке. Кроме того, в апреле - июне необходимо провести один-три тренировочных выезда группы в полном составе и с тем снаряжением, которое будет использовано в походе. В период майских праздников может быть проведен более дальний выезд на достаточно серьезную реку, в субботу и воскресенье - более близкие выезды на

более простые реки. Один из таких выездов совмещается с проверкой подготовленности группы к походу на местности.

К сожалению, количественные методы определения интенсивности тренировочных нагрузок и оценки степени тренированности организма разработаны пока недостаточно.

Регистрация похода. За два-три месяца до отъезда (или раньше, в случае сложного подъезда) выделяется ответственный за транспорт. Его задача — продумать путь транспортировки группы к началу активной части маршрута, выбрать средства транспорта с обеспечением стыковки по времени в местах пересадки, направить письма и заявки о бронировании мест из пункта отъезда и всех пунктов пересадок, запросить письмами недостающие для составления транспортной схемы сведения с мест.

За 1 — 1,5 месяца до выезда на маршрут руководитель утверждает поход по МКК по месту жительства или работы. Если полномочия местной МКК недостаточны для утверждения данного похода, она ходатайствует перед вышестоящей МКК об утверждении, в этом случае приступить к утверждению нужно пораньше. Заранее следует утверждать поход и в том случае, если маршрут проходит через пограничную зону, куда придется оформлять пропуски. Если маршрут проходит через территорию заповедника, заказника или национального парка, до утверждения похода в МКК необходимо получить разрешение на посещение закрытой территории от ее дирекции.

На случай возникновения непредвиденных обстоятельств (стихийное бедствие, закрытие района, нелетная погода и т. п.) разрабатывается и утверждается запасной вариант маршрута, который должен проходить поблизости от основного и быть не сложнее его.

На случай неблагоприятных обстоятельств на маршруте (стихийное бедствие, утрата снаряжения и продовольствия в размерах, исключающих прохождение маршрута, и т. п.) должен быть разработан аварийный маршрут эвакуации группы в ближайший населенный пункт.

Составление отчета. После окончания похода рекомендуется составить отчет, который является логическим завершением похода, во всяком случае, для руководителя. Необязательно делать отчет очень толстым, но из него необходимо получить сведения о том, как данная группа прошла маршрут, и максимум полезной информации для последующих групп.

Отчет начинается с аннотации, в которой указывается протяженность водной и пешеходной частей маршрута, район, время проведения похода, типы судов, фамилия и координаты руководителя, количество участников, принадлежность группы, название и шифр МКК, утвердившей поход, время утверждения.

В первой части отчета имеет смысл рассказать о

той информации, которой располагала группа до выезда на маршрут. Это описание района (очень кратко, только нужные сведения), основные гидрологические характеристики, дающие представление о реке, обоснование выбора точек начала и конца сплава, описание подходов и подъездов, планируемый график движения, состав группы с указанием опыта участников и распределения их по судам.

Во второй части отчета нужно рассказать о том, как группа проходила маршрут. Сначала следует привести реальный график движения, рассказать, чем и почему он отличается от планируемого. Далее приводится уточненная логия реки с комментариями по наиболее сложным препятствиям, в которых отражается техника и тактика прохождения их данной группой. Обязательно должно быть рассказано об обеспечении безопасности. Далее дается уточненное описание подходов, новые варианты подъезда и отъезда, обоснование изменения точек начала и конца сплава.

Приводится описание аварийных ситуаций, если они были. Здесь же дается сводка метеоусловий, данные хронометража. Логия и описание подходов должны быть хорошо увязаны с топографическими схемами и фотографиями. Фотографии должны дать представление о прохождении наиболее сложных препятствий. Здесь же — таблица прохождения членами группы наиболее сложных препятствий, или непрохождения их, если часть группы их не проходила. Обязательно нужно указать уровень воды во время похода и его колебания.

В третьей части отчета даются выводы и рекомендации. Их стоит начать с материального обеспечения похода. Не приводя подробных списков личного, общественного снаряжения и продовольствия, нужно охарактеризовать особенности материального обеспечения, указать, что было лишним, а чего не хватало. По оригинальным конструкциям снаряжения и судов нужно привести эскизы и фотографии, по самодельным снаряжениям и судам уже известных конструкций — основные характеристики (размеры, диаметр баллона, объем и т. п.), по стандартным судам — назвать тип и описать доработки, если они делались. Такую же информацию следует дать по спасательным жилетам и страховочному снаряжению. Общие выводы и рекомендации должны касаться категорирования маршрута, оптимальности срока проведения похода, открывшихся вариантов построения других маршрутов в связи с новыми обстоятельствами, ставшими известными в походе. Если группа пользовалась каким-нибудь транспортом не по обычному пассажирскому тарифу, об этом нужно рассказать с приведением сметы и путей выхода на такой транспорт.

Обязательное содержание отчета этим исчерпывается. В приложении авторы отчета могут поместить все, что покажется необходимым.

Александра ЕВСТИГНЕЕВА

Уральский камень — родонит

В глубине густого, дремотного сосняка журчит бойкая речонка Арамилка. Причудливо извивается она по увалам, вбирая в себя по пути омутнённые потоки болотистых вод, омывает корни золотистых сосен, роняет их в воду вместе с глыбами земли. И долго ещё серебрится речная струя блёстками слюдяных сланцев, медленно оседающих на дно, а вода уже облизывает свежие обнажения крутого берега.

Двести лет назад в эту таинственную лесную глушь проник беспокойный человек. Начальник Екатеринбургских заводов Иван Филиппович Герман, он же директор горных предприятий в Сибири, во главе экспедиции рабочих-горщиков ищет «цветное камень».

Тускл и сер сухой неполированный камень. Неопытный глаз не остановится на нём, торопливая рука отбросит в сторону. Но вот смягчит камень речная вода или прольётся на него дождик — выглянувшее солнце заиграет на его поверхности разноцветными бликами и проявит контрастные цветные узоры, прорисует мельчайшие жилки и вкрапления на глыбе родонита.

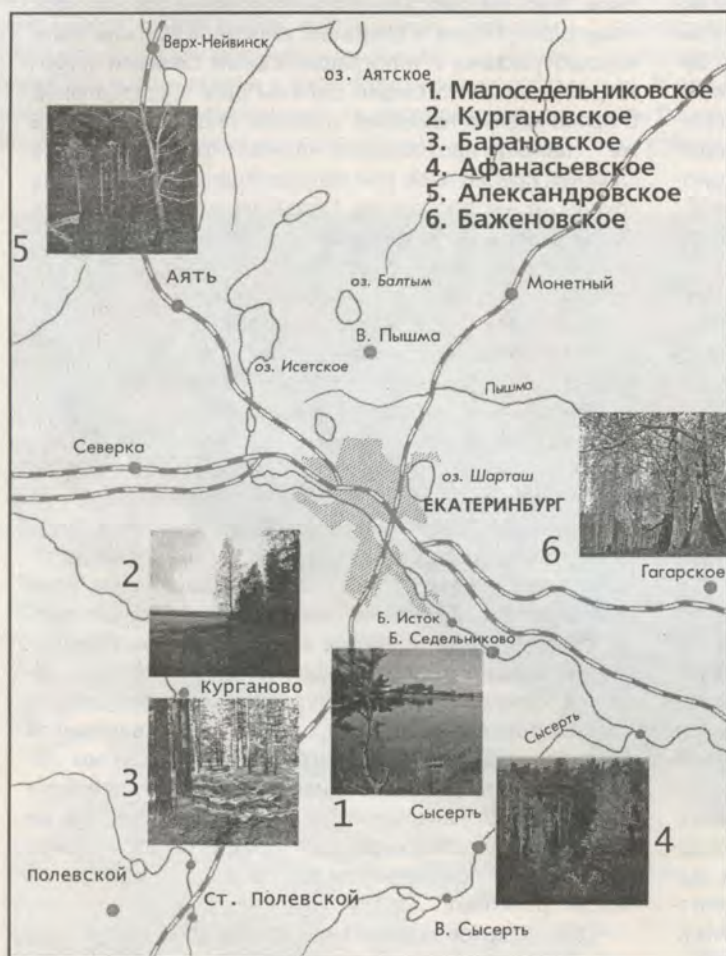
Открытие месторождения невиданного ранее в России камня произошло незаметно. Более того, ни об одном из уральских самоцветов не было высказано впоследствии столько противоречивых «печатных определений местонахождения», сколько их появилось в связи с открытием первых залежей на Урале.

И всё же самое раннее и наиболее точное указание на открытие с описанием местоположения первого российского месторождения родонита содержит рукописная книга-опись «месторождений цветных камней по Уралу 1792-1797 гг». В этой описи заявлен «шпат или орлец малинового цвета с чёрными марганцевыми прожилками и пятнами изредка жёлтыми». Что касается количества и качества камня, то «по разработке и свидетельству оказалось означенного шпата во внутренностях земли не в большем положении, токмо по природным трещинам разбористыми».

До последнего времени большинство справочников и руководств по минералогии, авторы научно-популярных книг указывают в основном месторождение родонита — район деревни Малое Седельниково, находящейся в 21 километре от города Екатеринбурга.

А между тем оно не единственное на Урале. Современными геологами разведаны дополнительно значительные запасы этого минерала. Орлецовская кладовая Урала за последние годы пополнилась новыми залежами в Кургановском месторождении. Отдельные находки родонита установлены также в районе городов Полевского и Сысерти.

Богат Урал орлецом. Безусловно, встречается он и в других странах — в Швеции, Австралии, США, Испании, но равного по качеству камня там нет. Из зарубежных месторождений достойны упоминания месторождения Северной Америки. Лучшие из них находятся в штате Калифорния в районе Береговых хребтов. Самый высококачественный ювелирно-поделочный родонит США — это родонит элювиально-делювиальных россыпей на хребте Портал-Ридж,

Месторождения и рудопроявления родонита на Среднем Урале:

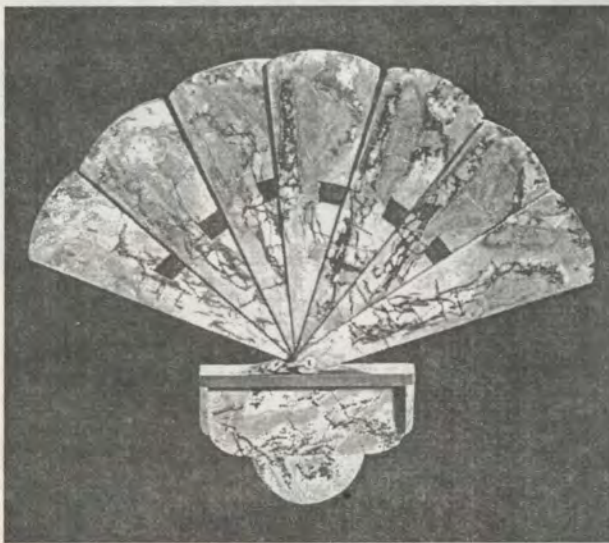

Кофейная чашка с блюдцем и ложкой. 1979 г.
С. Пинчук, А. Доронин. Родонит, мельхиор.

недалеко от города Ланкастера.

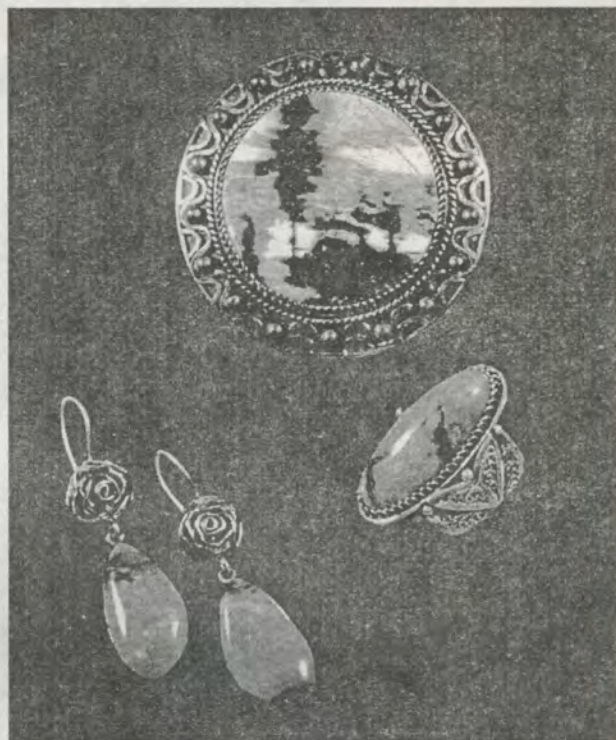
Название камня происходит от греческого слова «родон», то есть розовый. Происхождение синонима «орлец» ещё предстоит выяснить. По одной из распространённых легенд, такое наименование связано с фактами обнаружения этого камня в гнёздах орлов, когда-то широко распространённых на Урале. Эта версия имеет под собой серьёзное основание: встречающиеся в россыпях камни образуются в результате выветривания крупных глыб родонита. Яркие гальки минерала могли привлечь острые глаза птиц и таким образом очутиться в гнёздах орлов, дав минералу красивое, поэтическое, пусть спорное, имя — орлец.

В месторождениях родонит обычно встречается в виде сплошных плотных и зернистых масс. В виде кристаллов

Веер декоративный, полочка. 2-я половина XX в. Ю.
Никитин. Родонит, яшма.

редок. Обладая достаточной твёрдостью 5 — 5,5 по шкале Мооса — хорошо полируется. Прекрасная розовая окраска основной массы камня чередуется с буроватыми или чёрными скоплениями гидроокислов марганца — двухвалентный марганец окисляется до четырёхвалентного. Дендриты марганца образуют разнообразнейшие причудливые рисунки, контрастирующие с основным — розовым или красным — цветом камня. Нередко свежедобытая глыба розового родонита за несколько месяцев покрывается чёрным налётом — на поверхности образуются новые марганцесодержащие минералы. Кстати, гнёзда ярко окрашенного орлеца обычно соседствуют с чёр-

Брошь «Тихие зори», серьги, кольцо. 1975 г. В. Комаров.
Родонит, серебро, филигрань, зернь, мельхиор.

ными жилками окислов марганца. Мастера знают, что такой кусок орлеца таит в себе больше художественных возможностей, нежели тот, что имеет молочно-розовую оболочку.

Родонит издавна привлекал внимание любителей минералов. Будет справедливым заметить, что любая богатейшая коллекция уральских цветных камней неполна, если в ней отсутствует хороший образец родонита.

Современная классификация ювелирных и поделочных камней относит родонит к группе ювелирно-поделочных камней второго порядка, то есть к той группе, в которой находятся агат, амазонит и другие. Камни второго порядка в основном используются как поделочный материал.

В 20-х годах XVIII века на Урале были изготовлены первые изделия из твёрдых пород и минералов. Полировали и гранили кварц, сердолик, мурзинские топазы. Появились первые поделки из цветных камней: малахита, родонита, яшмы, агатов. Но вот изготовление крупных изделий камнерезного искусства (а орлец ценился прежде всего как материал для создания монументальных произведений) всегда было сопряжено с большими трудностями. Принципиальная трудность работы с родонитом обусловлена характером камня, прежде всего его твёрдостью, требующей не только специального оборудования, инструментов, материалов, но и особых приёмов обработки, внимания, умения предугадать направление, порядок обработки. Ошибки в работе нередко непоправимы.

В XVIII – XIX столетиях из родонита было выполнено громадное количество крупных изделий и мелких поделок. Облицовывались камини, вырезались вазы и канделябры.

В 1858 году в Малоседелниковском была добыта громадная глыба родонита весом около 1000 пудов. Яркая розовая

Пейзажный родонит.

*Чаша большая овальная. 1867 г.
По рис. академика М. Шурупова. Родонит.
Государственный Эрмитаж.*

окраска монолита перемежалась бурыми и чёрными прослоями в участках камня, которые прозывали трещины или нарушения. Работа затянулась почти на 10 лет. И вот наконец в 1867 году после напряжённого труда чаша окончена. Её изготовление обошлось в 38 000 золотых рублей. Вес чаши вместе с ножкой оказался около 135 пудов, высота чаши – 88 сантиметров. Массивная, несколько даже излишне приземистая, она раскрывает лучшие качества родонита. Чаша не имеет резьбы, она украшена лишь поясками. Но главное её украшение – это оттенки цветовой палитры камня. Они самые живописные – то нежно розовые, то кроваво-красные, то желтоватые, то чёрные.

Чашу увезли в Петербург, и в 1873 году, в числе многих других изделий Екатеринбургской фабрики, она была вместе с пьедесталом из мрамора отправлена на Всемирную выставку в Вене. На этой выставке чаша-уникум получила премии. Но лишь после закрытия выставки в Вене она была помещена в Угловом зале Эрмитажа, где и находится в настоящее время.

Современные художники и мастера-камнерезы много и плодотворно работают с уральскими камнями. По-прежнему родонит – один из любимейших минералов. В этом убеждают и заказные произведения, и многочисленные удачные демонстрируемые в изделиях на мирового уровня выставках екатеринбургскими камнерезами и ювелирами.

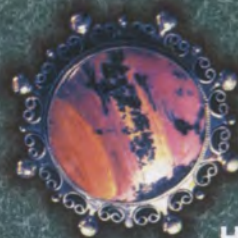
*Иллюстрации даны по книге А. Голомзика
«Родонит», 1983 г.*

Ваза.
Е.Васильев.
1980 год. Родонит, латунь, серебрение.

Ковш.
Начало XX века.
А.Денисов-Уральский. Родонит.

Брошь.
1973 год.
Н. Громько.
Родонит,
серебро оксидированное,
филигрань.

Браслет.
Л.Устьянцев.
Родонит, серебро оксидированное.

Сахарница.
Преположительно XIX век
Родонит.

Ваза "Рябинка".
1981 год.
В.Бакулин.
Родонит.

Южный Урал

• Долина юго-восточных предгорий

• Предгорья западного склона

• Степная зона у Губерлинских гор

Южный Урал простирается от широтного направления реки Урал и Губерлинских гор на юге до широтного направления реки Уфы в еевуровьях на севере.

Характерной особенностью региона является большая высота гор и разветвление горных хребтов на ширину до 200 км. Такая ширина обусловлена наличием к западу от основного хребта тектонической структуры Башкирского поднятия. Хребты разделены глубокими долинами. Здесь берут начало реки Белая, Юрюзань, Урал, Уфа. Самые высокие вершины Южного Урала - Яман-Тау (1638 м) и Большой Иремель (1582м).

Ввиду такой сложной структуры гор, леса Южного Урала имеют большое растительное разнообразие в горах и вокруг гор.

Растительность Южного Урала имеет три зоны: степную, лесостепную и горно-лесную. Кроме того, в связи с климатическими особенностями и разнообразием рельефа, лесные зоны западной части значительно отличаются от восточных.

Для западного склона хребта характерны широколиственные леса с липой, дубом, кленом и вязом (ильмом), а также березой и осиной, которые поднимаются по предгорьям до высоты 600 – 650 м. Выше идут темнохвойные леса из ели и пихты,

доходящие до высоты 1300 м. Сосновые леса тяготеют к речным долинам и известняковым склонам. А, вообще, если говорить о всех древесных породах Урала, то главной из них является сосна.

На восточном склоне преобладает сосна с небольшим количеством лиственницы. На север лиственница перемещается более активно, доходя до Полярного Урала, впрочем, как и сибирская ель, которая распространяется от южных районов реки Белой. Пихта на Южном Урале растет рядом с елью, но в более низких и влажных местах. Березовые леса с осинами создают небольшие лесные массивы. Из широколиственных лесов с западного склона на восточный перешла только липа.

Степная зона, опоясывающая южную часть Южного Урала, начинается на широте реки Уй. Лесостепная же: на западной стороне – на линии нижнего течения реки Уфы, на восточной – несколько южнее – на уровне Кыштыма. В западной лесостепи преобладают липы и дубы, в восточной – осиновые и березовые колки и сосновые боры. Островные сосновые боры встречаются и в степной зоне.

Евгений Савенко
Фото автора

Начало серии заметок “Леса Уральской горной страны” в № 2 за 2004 год.

